

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФИЯ

и культура

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 31-07-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попов Евгений Александрович, доктор философских наук, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2454-0757

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 31-07-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Popov Evgenii Aleksandrovich, doktor filosofskikh nauk, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2454-0757

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Горохов Павел Александрович – доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgu.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Лаврова Светлана Витальевна – доктор искусствоведения, доцент кафедры музыкального образования, член Союза композиторов России, проректор по научной работе и развитию Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой. 191023, Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, дом 2. E-mail: science@vaganovaacademy.ru

Штейнер Евгений Семенович – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Российского института культурологии, профессор-исследователь Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета (г. Лондон, Великобритания). 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Трубочкин Дмитрий Владимирович – доктор искусствоведения, проректор Высшей школы сценического искусства, профессор кафедры зарубежного театра Российского института театрального искусства. Малый Кисловский пер., 6, Москва, 125009

Леняшин Владимир Алексеевич – академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Азарова Валентина Владимировна – доктор искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет искусств, профессор кафедры органа, клавесина и карильона, 199034, г. Санкт-Петербург, 9-я линия Васильевского острова, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института открытого образования Московского государственного областного технологического университета (МГОТУ), «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070, Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Popov.eug@yandex.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056 Астрахань, улица Татищева 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет м. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области, профессор, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – Доктор философских наук, доцент, Зав. кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ" Кафедра: философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Наб., 7/9

Апресян Рубен Грантович – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Берд Роберт (Bird Robert) – доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Гиренок Фёдор Иванович – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской

государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607 Cedex.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Обермайр Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Слонди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195 Berlin

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Усачев Александр Владимирович - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии социальных наук и журналистики, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина" 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, дом 28.1 E-mail: a.usacev@mail.ru

Швыдкой Михаил Ефимович - доктор искусствоведения, профессор, научный руководитель Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, МГУ имени М.В.Ломоносова, 27, корпус 4 (Шуваловский корпус). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Жабский Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии экранного искусства Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова. 125009, Россия, г. Москва, Дегтярный переулок, 8, строение 3.

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, профессор Институт Славянской культуры РГУ им А.Н. Косыгина. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Заховаева Анна Георгиевна - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановская государственная медицинская академия» Минздрава России. 153012, Российская Федерация, Ивановская область, г. Иваново, Шереметевский проспект, 8. E-mail: ana-zah@mail.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российской государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Бааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российской государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, вns, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, igorbelyaev@list.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, Y.Griber@gmail.com

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009, Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Касаткина Светлана Сергеевна - доктор философских наук, Череповецкий государственный университет, профессор, 162600, Россия, Вологодская область, г. Череповец, ул. Шекснинский проспект, 25, SvetlanaCH5@rambler.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, jvlarin@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, Oskar46@mail.ru

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край область, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, krasfilmanager@gmail.com

Петров Владислав Олегович - доктор искусствоведения, ФГБОУ ВО "Астраханская государственная консерватория", профессор кафедры теории и истории музыки, г. Астрахань, ул. Волжская, 43, кв. 9, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. ул Волжская, 43, petrovagk@yandex.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, Infotatiana-p@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, skorokhod71@mail.ru

Спирова Эльвира Маратовна - доктор философских наук, профессор, ФГБУН Институт философии Российской академии наук, сектор истории антропологических учений, руководитель сектора

Council of editors

Gorokhov Pavel Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Svetlana V. Lavrova – Doctor of Art History, Associate Professor of the Department of Music Education, member of the Union of Composers of Russia, Vice-Rector for Research and Development of the Vaganova Academy of Russian Ballet. 2, Zodchego Rossi str., St. Petersburg, 191023. E-mail: science@vaganovaacademy.ru

Evgeny S. Steiner – Doctor of Art History, Chief Researcher at the Russian Institute of Cultural Studies, Research Professor at the School of Oriental and African Studies at the University of London (London, UK). 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Trubochkin Dmitry Vladimirovich – Doctor of Art History, Vice-Rector of the Higher School of Performing Arts, Professor of the Department of Foreign Theater The Russian Institute of Theatrical Art. Maly Kislovsky Lane, 6, Moscow, 125009

Lenyashin Vladimir Alekseevich – academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Azarova Valentina Vladimirovna – Doctor of Art History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Arts, Professor of Organ, Harpsichord and Carillon Department, 199034, St. Petersburg, 9th line of Vasilievsky Island, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Open Education of the Moscow State Regional Technological University (MGOTU), "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University"". 141070, Moscow region, Korolev, Gagarina str., 42 zumsiu@yandex.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Popov Evgeny Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of General Sociology, Altai State University, 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61.
Popov.eug@yandex.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056 Astrakhan, 20a Tatishcheva Street, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich – Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, M. I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty, Rostov region, Professor, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, ul. Bursatsky descent, 4, prof.artemenko@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET" Department: Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya Nab., 7/9

Ruben Grantovich Apresyan – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Arshinov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Fyodor Ivanovich Girenok – Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny pereulok, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) – doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607 Cedex.

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Cognitive Theory Sector of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Obermayr Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195 Berlin

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the

Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Usachev Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Social Sciences and Journalism, I.A. Bunin Yelets State University 399770, Lipetsk region, Yelets, 28.1 Kommunarov str. E-mail: a.usacev@mail.ru

Shvydkoi Mikhail Efimovich - Doctor of Art History, Professor, Scientific Director of the Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty) Lomonosov Moscow State University; 119991, Russian Federation, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, Lomonosov Moscow State University, 27, Building 4 (Shuvalov Building). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Mikhail Ivanovich Zhabsky — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Screen Art of the All-Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov. 125009, Russia, Moscow, Degtyarny lane, 8, building 3.

Portnova Tatiana Vasilievna - Doctor of Art History, Professor at the Institute of Slavic Culture of the Kosygin Russian State University. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Zakhovaeva Anna Georgievna - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities of the Ivanovo State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia. 8, Sheremetyevo Avenue, Ivanovo, Ivanovo region, 153012, Russian Federation. E-mail: ana-zah@mail.ru

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 12 Studentskaya str., Vladimir, Vladimir Region, 600005, Russia, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, igorbelyaev@list.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Laboratory of Color, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, Y.Griber@gmail.com

Gryaznova Elena Vladimirovna - Doctor of Philosophy, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Professor, 603009, Russia, Nizhny Novgorod, Vologda str., 1 B, office 49, egik37@yandex.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Kasatkina Svetlana Sergeevna - Doctor of Philosophy, Cherepovets State University, Professor, 162600, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sheksninsky Prospekt str., 25, SvetlanaCH5@rambler.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 58 Kommunarov str., Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russia, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, 4 Farman Salmanova str., Tyumen, Tyumen Region, 625000, Russia, jvlarin@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, Oskar46@mail.ru

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, krasfilmanager@gmail.com

Petrov Vladislav Olegovich - Doctor of Art History, Astrakhan State Conservatory, Professor of

the Department of Theory and History of Music, Astrakhan, Volzhskaya str., 43, sq. 9, Russia, Astrakhan region, Astrakhan, Volzhskaya str., 43, petrovagk@yandex.ru

Portnova Tatiana Vasilevna - Doctor of Art History, Kosygin Russian State University, Professor, 127282, Russia, Moscow, Moscow, ul. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 k 4, Infotatiana-p@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 4 Bardina str., Saratov, 410035, Russia, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, 99 Ladozhskaya str., Penza, 440071, Russia, Penza Region, Penza, skorokhod71@mail.ru

Elvira Maratovna Spirova - Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Sector of the History of Anthropological Studies, Head of the Sector

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

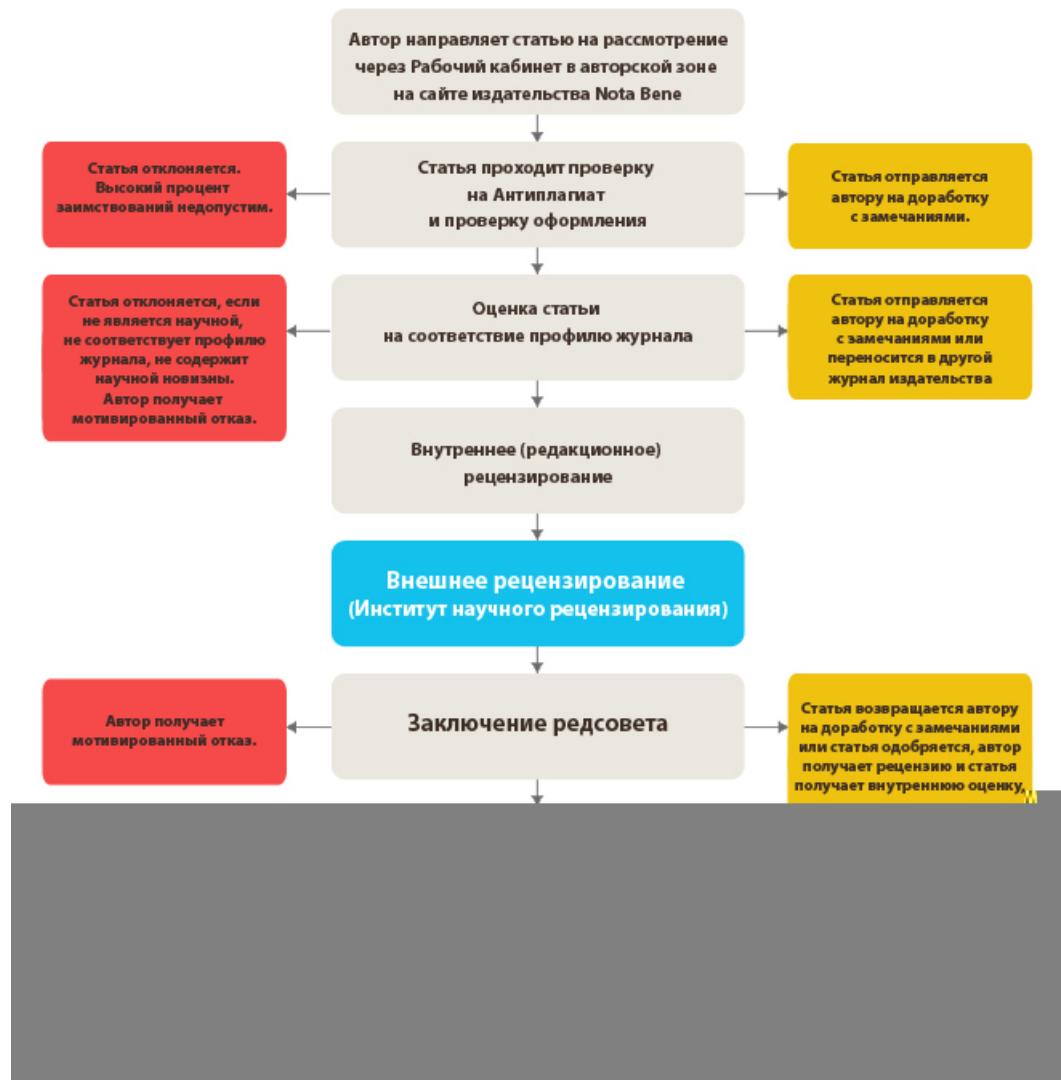
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Бесков А.А. Инфильтрация иллюзорных представлений о славянском язычестве в современные российские научный и официально-деловой дискурсы: социокультурные риски	1
Пшеничный П.В. Роль фигур святых жен в составе древнерусских иконных композиций XV–XVI вв. с центральным изображением святителя Николая Мирликийского и образами избранных святых	17
Бай Д. Китайские автобиографические документальные фильмы о самотерапии: к этике съемки	31
Бабич В.В. Нarrативная идентичность: между онтологией и эпистемологией (опыт XX века)	43
Широкова М.А. Христианский дискурс английского сериала «Робин из Шервуда» (1984–1986) и его отражение в современном литературном интернет-пространстве России. Статья вторая	56
Чжан И., Решетникова С.В. Баритоновое искусство начала XIX века: амплуа и традиции исполнительства	69
Англоязычные метаданные	76

Contents

Beskov A.A. Infiltration of Illusory Ideas About Slavic Paganism into Modern Russian Scientific and Official Business Discourses: Sociocultural Risks	1
Pshenichnyi P.V. The role of holy wives' representations in the Medieval Rus' icons (XV–XVI centuries) with the main figure of St. Nicholas of Myra and the chosen saints	17
Bai D. Chinese autobiographical documentaries: toward an ethics of filming	31
Babich V.V. Narrative identity: between ontologies and epistemologies (experience of the 20th century)	43
Shirokova M.A. Christian discourse of the English series «Robin of Sherwood» (1984–1986) and its reflection in the modern literary internet space of Russia (Article two)	56
Zhang Y., Reshetnikova S.V. Baritone art of the early 19th century: roles and performance traditions	69
Metadata in english	76

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Бесков А.А. Инфильтрация иллюзорных представлений о славянском язычестве в современные российские научный и официально-деловой дискурсы: социокультурные риски // Философия и культура. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.7.71122 EDN: GVZGBL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71122

Инфильтрация иллюзорных представлений о славянском язычестве в современные российские научный и официально-деловой дискурсы: социокультурные риски

Бесков Андрей Анатольевич

ORCID: 0000-0003-4080-1614

кандидат философских наук

доцент; кафедра философии и социально-правовых наук; Волжский государственный университет водного транспорта

603950, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Нестерова, 5, каб. 377

[✉ beskov_aa@mail.ru](mailto:beskov_aa@mail.ru)[Статья из рубрики "Мифы и современные мифологии"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2024.7.71122

EDN:

GVZGBL

Дата направления статьи в редакцию:

22-06-2024

Дата публикации:

29-06-2024

Аннотация: Данная работа служит логическим продолжением статьи «Симуляция науки и симулякры культуры: иллюзорные представления о славянском язычестве в современной российской гуманитаристике», опубликованной в журнале «Вопросы философии» в 2022 г. Но если в ней речь шла о механизме зарождения иллюзорных представлений о славянском язычестве и причинах их проникновения в научные публикации, то здесь анализируются те социокультурные последствия, к которым в итоге приводит функционирование данного механизма. Объектом изучения в данной статье являются современные научные и паранаучные представления россиян о язычестве древних славян, а предметом изучения является проникновение паранаучных

представлений о язычестве древних славян в научный и официально-деловой дискурсы в современной России. Методологической базой исследования является кейс-стади (case study) как исследовательская стратегия, позволяющая рассматривать отдельные примечательные «случаи» как единицы наблюдения интересующего исследователя аспекта социальной реальности. Методологический арсенал исследования дополняется герменевтическим анализом ряда текстов, вышедших в российской научной периодике и выступающих в качестве материала для авторской рефлексии. В ходе исследования было выявлено, что иллюзорные представления о славянском язычестве очень легко проникают в различные публикации, представленные как в сборниках научных конференций, так и в научных журналах. Это происходит из-за некритичного использования многими авторами неавторитетных источников информации, в числе которых могут быть и псевдонаучные работы. В результате различные паранаучные (в частности, неоязыческие) конструкты обретают вес за счёт их трансляции в научной периодике. Проникновение симуляков традиционной культуры в научный дискурс приводит к тому, что представители научного сообщества, выполняя различные экспертные функции, становятся проводниками этих симуляков в официально-деловой дискурс. Учитывая государственный курс на сохранение и развитие традиционных ценностей, можно ожидать, что под видом сохранения различных народных традиций могут получить поддержку современные паранаучные конструкты, не имеющие в действительности никакого отношения к подлинному историко-культурному наследию.

Ключевые слова:

славянское язычество, славянская мифология, русское неоязычество, псевдонаука, паранаука, массовое сознание, российское научное сообщество, экспертное сообщество, мистический туризм, неонацизм

Введение

Данная работа служит продолжением ранее опубликованной статьи «Симуляция науки и симулякры культуры: иллюзорные представления о славянском язычестве в современной российской гуманитаристике» [\[1\]](#), вышедшей в «Вопросах философии» в 2022 г. В ней было показано, как изобретённые в рамках современной российской массовой культуры славянские мифы выходят за пределы среды приверженцев неоязычества и «альтернативной истории» и начинают активно проникать в научную литературу, тем самым приобретая видимость научного признания. Отличить научные факты от фейков в этой области могут лишь узкие специалисты в области изучения славянского язычества. Но оказывается, что разного рода (псевдо)научные фантазии о славянском язычестве оказываются весьма востребованы в российской гуманитаристике. Они являются питательной средой для досужих размышлений о своеобразии русской традиционной культуры. В итоге создаётся весьма неприятная ситуация, когда российские культурологи и философы, размышляющие о вопросах культуры, легко могут попасть впросак, позаимствовав в качестве материала для своих рассуждений недостоверные, либо совершенно фантастические сведения о славянском язычестве. Наверное, излишне говорить о том, что философствование, основанное на таком изначально некачественном фундаменте, может привести лишь к цепочке ошибочных выводов. Впрочем, в зоне риска отнюдь не только философы и культурологи. Ситуация гораздо хуже – российское общество в целом переживает сейчас этап кардинальной трансформации представлений об исконной славянской и древнерусской культуре. Эти представления, даже в их

научном варианте, сами по себе являются «мерцающими», зыбкими, что обусловлено слабой источниковой базой и вытекающей отсюда сложностью интерпретации имеющихся археологических данных [2]. Когда же дело доходит до интерпретации известных науке данных непрофессионалами, тем более, непрофессионалами ангажированными, стремящимися найти в славянских древностях обоснование для каких-то идеологических спекуляций (в частности, неонацисты ищут в них доказательства того, что славяне являются прямыми потомками ариев, как в нацистской Германии искали свидетельства того, что потомками ариев являются немцы), это становится угрозой для всего общества (и здесь как раз печальный опыт гитлеровской Германии является прецедентным).

Но если в упомянутой выше статье речь идёт о механизме зарождения иллюзорных представлений о славянском язычестве и причинах их проникновения в научные публикации, то в данной работе будет продемонстрированы те социокультурные последствия, к которым в итоге приводит функционирование данного механизма. Эта демонстрация в свою очередь служит аргументом в пользу актуальности такой работы, так как распространение иллюзорных представлений о славянском язычестве и отсутствие понимания самого существования такой проблемы, а тем более, её глубины, как раз и приводит к различным аберрациям в культурной жизни общества, что может влиять и на культурную политику государства, и на правоприменительную сферу и даже на вопросы национальной безопасности (когда речь идёт о распространении современных мифов, напрямую способствующих реабилитации различных фрагментов идеологии нацизма, который в современном мире вновь набирает силу).

Итак, объектом изучения здесь являются современные научные и паранаучные представления россиян о язычестве древних славян, а предметом изучения является проникновение паранаучных представлений о язычестве древних славян в научный и официально-деловой дискурсы в современной России.

Методологической базой исследования является кейс-стади (case study) как исследовательская стратегия, позволяющая рассматривать отдельные примечательные «случаи» как единицы наблюдения интересующего исследователя аспекта социальной реальности. Согласно формулировке Джона Герринга [3, р. 37] этот подход предполагает «интенсивное изучение отдельной единицы или небольшого числа единиц (кейсов) с целью понимания более широкого класса аналогичных единиц (совокупности кейсов)». Иначе говоря, рассматривая некоторые единичные случаи, мы можем увидеть в них отражение каких-то тенденций, которые в силу различных причин может быть затруднительно выявить или изучить на более обширном материале.

Также в статье проводится анализ текстов ряда статей, опубликованных в некоторых научных изданиях, с целью уточнения механизма проникновения недостоверных сведений о славянском язычестве в научный дискурс.

Наука о мифах и мифы в науке

Прежде чем переходить к описанию конкретных социокультурных кейсов, требуется уделить некоторое внимание тому, как они связаны с современными российскими публикациями, имеющими статус научных. Ещё раз (в дополнение к упомянутой статье в «Вопросах философии») проследим, как могут вкрадываться досадные ошибки в статьи в респектабельных журналах и как публикации в менее респектабельных изданиях становятся разносчиком вен научных фантазий.

Обратим внимание на статью «Конь-солнце в славянской языческой мифологии»

кандидата геолого-минералогических наук Т. П. Морозовой [4]. В ней предлагается новый путь реконструкции славянской мифологии – лакуны в наших знаниях о ней предлагаются попросту заполнить деталями из египетских мифов. Почему именно из египетских – не совсем понятно (по мнению автора, для этого подойдут и другие мифологические системы, о которых известно больше, чем о славянской), но видимо автору так удобнее. (Использование сравнительного метода (компаративистика) в мифологических штудиях – это весьма давний приём, который применительно к славянской мифологии широко применяли, например, такие известные учёные, как В. В. Иванов и В. Н. Топоров [5–6], но они привлекали материалы из более близких в культурном отношении мифологических систем других индоевропейских народов. Древние египтяне к индоевропейцам не относятся.) К счастью, здесь не содержится откровенно фантастических сведений о славянском язычестве, но опора автора на устаревшую литературу, в том числе 1930–40-х годов, сказывается на содержании. Так, без каких-либо колебаний объявляются славянскими богами Ярило – мифологический персонаж с неясным статусом и Коляда – персонифицированный образ обряда колядования, причём что касается Ярилы, то в статье дважды встречается колоритное описание его облика, восходящее в конечном счёте к статье 1846 г. «Белорусские народные предания», подписанной псевдонимом П. Древлянский (настоящее имя автора – П. М. Шпилевский). Шпилевскому якобы удалось записать чудом сохранившиеся славянские мифы, которые потом охотно цитировали многие исследователи, даже столь авторитетные, как В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Но ныне авторитет этих записей безнадёжно подорван, они считаются мистификацией [7–8].

Чего же стоят такие реконструкции славянской мифологии, когда к отечественным мистификациям добавляются египетские мифы? Тем не менее, такие статьи выходят в издании, имеющем высокий научный статус. На них можно ссылаться, на них можно равняться – так создаются прецеденты, позволяющие расшатывать и без того не слишком крепкую конструкцию научных знаний о славянском язычестве. Создаётся современная апокрифическая традиция, инкорпорирующая широкий спектр отречённого наукой знания, и она вполне явно и действительно влияет на современную российскую культуру, свидетельства чего можно обнаружить в самых разных сферах.

Настоящим наглядным пособием, иллюстрирующим этот процесс, может стать сборник материалов конференции «Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики», прошедшей в Белгороде 12 февраля 2020 г. Целая когорта преподавателей Белгородского государственного института искусств и культуры отметилась там своими статьями на тему необходимости изучения и популяризации славянских народных традиций. Сразу несколько таких статей интересны в рамках рассматриваемой здесь темы.

В. В. Лившиц и Е. А. Лившиц подчёркивают актуальность создания хореографических произведений на основе славянской мифологии. При этом упоминается любопытное наблюдение: «Принимая участие во многих российских и международных хореографических конкурсах в качестве членов жюри, авторы делают вывод, что в наши дни в танцевальной культуре вновь пользуются популярностью постановки на темы славянства. (...) Богатая «палитра» тем славянской мифологии, которой пользуются многие балетмейстеры-постановщики, щедро одаривает российскую культуру новыми идейными хореографическими постановками и спектаклями...» [9, с. 178]. Далее совершенно справедливо отмечается, что: «Различные мифы и истории о жизни славян не всегда являются подлинными фактами, поэтому из изобилия материала важно найти то, что не несёт ложной информации, не противоречит истинной природе славянства и не

опровергает исторических фактов...» [\[9, с. 178\]](#). Увы, при этом сами авторы черпают информацию о мифах славян из популярной литературы, что со всей очевидностью следует из списка литературы. Это закономерно приводит к тому, что авторы предлагают брать за основу для хореографических произведений современные мифы, популярные в неоязыческой среде, но абсолютно неизвестные академической науке («Святогор и Ван», «Сотворение мира», «Хорс и Заря-Заряница» и т. п.). Авторы специализируются на хореографическом искусстве, а не на истории, религиоведении, лингвистике, фольклористике, поэтому такие промахи вполне можно понять. Но к чему это будет приводить на практике? К созданию неких культурных продуктов «на тему славянства», которые будут участвовать в дальнейшем формировании обобщённых представлений российского социума о древней славянской культуре. Как мы видим, в основе таких представлений будут лежать утверждения, крайне далёкие от науки.

Другой пример. В том же сборнике П. А. Данилов и О. Б. Буксикова предлагают использовать «традиционную русскую игру вербохлёт» в учебном процессе детского хореографического коллектива; а также для создания самобытных детских сценических танцев, причём важной задачей является раскрыть её «сакральный смысл» [\[10, с. 242, 244\]](#). С одной стороны, можно порадоваться наличию энтузиастов, которые поддерживают народные традиции, но вот беда – сведений о том, откуда авторы почерпнули информацию о данной игре, и почему они называют её то игрой, то древнейшим и важнейшим славянским праздником, нет. Написав: «Исследование генезиса этого древнейшего праздника на Руси представляет большой интерес», авторы дали ссылку на хорошо известную специалистам книгу М. А. Васильева «Язычество восточных славян накануне крещения Руси» [\[11\]](#). Однако, ни на указанной 70-й странице книги, ни на какой-либо ещё нет ни слова об этом празднике или игре. (Вот ещё один штрих к тому, как порой пишутся научные работы – мы столкнулись с фиктивной библиографической ссылкой.) Не известно такое название этнографам и фольклористам, зато поиск в сети «Интернет» находит заголовки типа «Вербохлёт – ещё один праздник, украденный иудо-христианами» (имеется в виду, что славянский языческий праздник сменило Вербное воскресенье) и многочисленные ссылки на различные блоги и некоторые неоязыческие ресурсы, где тиражируется этот фейк. Вероятно, материалом для его конструирования стали упоминания в литературе одной из словесных формул, которыми в крестьянских семьях сопровождался распространённый не только в славянских, но и в других странах Европы обычай ударять домочадцев (либо только детей, либо домашнюю скотину) прутьями вербы в Вербное воскресенье. Приговор «Верба хлёт, бей до слёз», наряду с другими вариантами упоминается в книге В. К. Соколовой [\[12, с. 99-100\]](#). Нельзя исключать, что через какое-то время детский танец «Вербохлёт» станет новым аргументом в пользу древности и исключительной важности одноимённого «языческого праздника».

В третьей статье из того же сборника (как и в предыдущих двух, её авторы представляют Белгородский государственный институт искусств и культуры) описывается восстановление старых народных традиций на Белгородчине [\[13\]](#). Рассказывается о смысле местных танцев, будто бы посвящённых богиням Лели и Ладе. Существование таких богинь в древнерусском пантеоне крайне сомнительно. Идея о существовании в древности у славян культа этих богинь принадлежит советскому археологу Б. А. Рыбакову [\[14, с. 393-416\]](#), но сегодня в науке популярностью не пользуется. Соотнесение каких-то танцев или обрядов с мифологическими персонажами, относительно которых даже не ясно, были они известны нашим предкам или это порождение «кабинетной мифологии», выглядит крайне смелым и опять-таки далёким от академической науки.

В статье также упоминается организатор и вдохновитель фестиваля «Узорный хоровод» Екатерина Алиханова, которая «изучает узорные танцы 25 лет и всё время ищет и подтверждает сакральный их смысл». По её словам, такие танцы способствуют испарению негативной энергии. Авторы статьи цитируют слова Е. Алихановой: «Кроме того, даже медики признали пользу танцевального шага в хороводе, а наши бабушки верили, что именно во время такого танца земля даёт нам силы» [\[13, с. 255\]](#). На этом примере мы видим, как некий местный энтузиаст, занимаясь «возрождением» народной культуры, вкладывает в неё те смыслы, которых в ней изначально не было, и эти смыслы закрепляются в сборниках научных публикаций.

Славянские боги и вторичная мифологизация

Выше мы видели, как в научные публикации проникают недостоверные сведения о славянском язычестве и славянских божествах. Эти сведения становятся материалом для дальнейших околонаучных реконструкций и новых культурных практик, понимаемых как «возрождение забытых традиций».

В этой связи вспоминается интересная статья К. А. Гавриловой [\[15\]](#), в которой описана деятельность по реконструкции и пропаганде народной культуры, осуществляющейся в Кировской области. Автор не без оснований вписывает проводящиеся в рамках этой деятельности семинары в контекст практики «тех New Age групп, чья идентичность основана на принадлежности к воображаемой древней славянской (русской) культуре» и справедливо усматривает в этом признаки «вторичной фольклоризации» [\[15, с. 38, 40\]](#). Под этим термином понимается процесс импортирования в условную деревню «сформированного в академической и/или оклоакадемической среде образа "русской народной традиции"», меняющий представления деревни о собственной культуре [\[16, с. 33-34\]](#). Но вообще понимание этого феномена можно дополнить – подобный образ теперь всё чаще формируется в псевдонаучной среде и воздействует он не только на деревню, но и на городское население.

Вот прекрасный пример того, как это происходит в городе – сотрудники Российского государственного аграрного университета предлагают проект благоустройства Томилинского лесопарка (г. Лыткарино, Московская обл.), в котором «Одной из изюминок проекта будет тропа путешественников во времени, где юные посетители парка смогут погрузиться в атмосферу Древней Руси. На данном маршруте будут расположены площадки со скульптурными изображениями персонажей славянской мифологии». Что же это за персонажи? «В каждой зоне будут располагаться скульптурные изображения славянских богов соответствующей тематики: на детских площадках – Берегиня и Жива, на конной тропе – Велес и Перун, в зоне тихого отдыха – Лада, в прибрежной зоне – Купало и Хорс» [\[17, с. 24\]](#). Проблема даже не в том, что иконография славянских божеств отсутствует и любое их скульптурное изображение будет изначально полнейшей фантазией – для художественного произведения это совершенно нормально. Проблема именно в том, что в этот перечень попадают персонажи, чей мифологический статус не ясен (Берегиня, Лада, Купало), либо не имеет отношения к культуре восточных славян (Жива). Таким образом, вторичная фольклоризация, о которой упоминалось выше, – это лишь частный случай того, что можно было бы назвать *вторичной мифологизацией* или даже *онеязычиванием* российской культуры (да простится автору столь заковыристый, но верный по сути термин, отражающий влияние различных представлений разной степени фантастичности, бытующих в неязыческой среде, на массовые представления населения России о

древней славянской культуре).

Славянское язычество и мистический туризм

Весьма вероятно (и даже несомненно), что славянская мифология (или, точнее, то, что за неё выдают те или иные авторы, чиновники, коммерсанты или местные энтузиасты, восстанавливающие «ис浓厚ные традиции») будет всё более востребована в туристической индустрии. Появился даже новый термин – «мистический туризм»: «Мистический туризм – достаточно актуальная тема в современном мире, это сравнительно новое направление, которое способствует значительному увеличению прибыли туристических фирм и является лучшим вариантом для искушённого путешественника. Такой вид туризма требует постоянной работы по поиску новых идей, легенд и необычных объектов, и знание славянской мифологии, несомненно, поможет в разработке новых мистических маршрутов» [\[18, с. 17\]](#). Возможно, знание славянской мифологии и способно помочь в разработке новых мистических маршрутов, но в данной работе вновь неприятно поражает потрясающая небрежность в работе с литературой. Мало того, что её подбор вызывает вопросы (так, наряду с научной литературой туда попала статья А. И. Асова – неутомимого популяризатора «Влесовой книги», печально известного фальсифицированного источника по древней истории славян), так ещё ряд ссылок, в частности, на работы А. А. Бескова, не имеют абсолютно никакого логического отношения к материалам публикации – то есть мы вновь сталкиваемся с фиктивными ссылками, а описание автореферата кандидатской диссертации А. А. Бескова выполнено с грубой ошибкой (указано, что он издан в Тамбове в 2015 г., тогда как на самом деле он опубликован в Нижнем Новгороде в 2008 г.). С таким отношением к делу вряд ли можно надеяться на то, что крупицы научного знания о славянском язычестве будут бережно сохраняться в рамках разработки новых туристических маршрутов.

Между тем, славянская языческая экзотика активно применяется для привлечения туристов и без какого-то методологического обоснования со стороны научного сообщества. Например, в Городецком районе Нижегородской области действует частный «антимузей» славянской культуры. (Использование слова «антимузей» – маркетинговый приём, намекающий на то, что здесь нет привычных музейных ограничений, то есть экспонаты можно трогать, использовать по назначению, там можно останавливаться на ночлег, проводить свадьбы и т. п.) «Антимузей» привлек внимание местных журналистов, в результате чего мы можем прочесть в местной прессе следующее: «Рядом с домом есть древнерусское капище Лады, статуи для которого Мария собственноручно вырубала топором на шестиметровых сосновых столбах. Здесь возлюбленные могут пройти обряд славянской ведической свадьбы, когда происходит объединение двух родов» [\[19\]](#). Науке сведения о почитании Лады в Древней Руси не известны, а «славянский ведизм» – это одно из направлений русского неоязычества, где реконструкция древнеславянского религиозно-мифологического комплекса осуществляется путём гипертрофированного использования сравнительного метода, так что собственно славянские древности подменяются «ведическими» (древнеиндийскими). Причём у этого направления есть совершенно отчётливая идеологическая подоплётка – постулат о «ведической» славянской культуре позволяет объявить славян прямыми потомками ариев и здесь неоязычество подходит опасно близко к неонацизму, неся в массы далеко не безобидные псевдонаучные мифы.

Призраки нацизма и проблемы научной экспертизы

В 2016 г. в Перми прогремело дело местного резчика по дереву Сергея Каменева,

которое довольно подробно освещалось в местной прессе [20–22]. Летом того года на фестивале «Купальские ночи» он выставлял свои работы – деревянные обереги с символикой, якобы имеющей отношение к славянскому язычеству. (Для ясности сразу нужно обозначить – науке не известен ни один символ, относительно которого было бы достоверно известно, что он имел какое-то магическое значение для восточных славян времён язычества. Ни в одном историческом источнике нет никаких упоминаний о такой символике. Соответственно, любые сведения такого рода являются в лучшем случае научной гипотезой, но чаще всего просто вымыслом. Таким вымыслом, например, является самый узнаваемый символ русского неоязычества – коловрат, представляющий собой удвоенную свастику.) Поскольку символы на поделках резчика так или иначе обыгрывали мотив свастики, у правоохранителей возникли вопросы к автору работ. Ему было предъявлено обвинение по статье «пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций». Состоялся суд. Как положено в подобных случаях, суд запросил экспертное заключение. Газета «Аргументы и факты» сообщает: «Преподаватель Алексей Антонов установил, что изготовленные Каменевым артефакты «являются языческими свастическими символами, сходными с нацистскими» [21]. Резчик был признан виновным и оштрафован на одну тысячу рублей. Три изъятых у резчика оберега суд постановил конфисковать, а два уничтожить.

Однако обвиняемый подал апелляцию и на очередное слушание пришёл с собственной экспертизой. «Кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории ПГНИУ Галина Волгирева изучила работы Каменева и установила, что все символы являются общеевропейскими рунами и давно присутствуют в русском искусстве, плюс ко всему «никак не связаны с нацистской символикой». (...) «Немецкая символика не смогла вобрать в себя священные руны, которыми, как оказалось, богата вся традиционная русская культура. А Гитлер использовал лишь обратную свастику и ограниченное количество рун», – подчеркнула Волгирева» [21]. Материал в «Коммерсанте» дополняет логику этого экспертного заключения: «Как следует из текста заключения, представленный на экспертизу материал отображает предметы рунического искусства. А из историографии известно, что руны являлись основой для всей общеевропейской письменности, их появление датируется IV веком до новой эры. Рунические символы использовались на всей территории России в народном ткачестве до XX века, а на Урале особенно. Так, в экспозиции Пермской художественной галереи сохранились пояса с изображением свастики. Нацистская же символика является вторичным явлением 30-х годов прошлого века по отношению к древнейшей общеевропейской рунической традиции» [20]. В целом при прочтении этих статей в прессе создаётся ощущение правового абсурда или даже «полицейского беспредела» и оказывается непонятным, почему несмотря на, казалось бы, убедительные доводы эксперта, кандидата исторических наук, суд отказался пересмотреть обвинительный приговор. Кроме того, журналист сообщает, что первая экспертиза была подготовлена преподавателем пермской фармакадемии (учёная степень и научное звание не упомянуты), что, как представляется, несколько обесценивает авторитет автора в глазах читателей и на этом фоне повышается авторитет автора второй экспертизы.

Действительно, на сайте Пермской государственной фармацевтической академии можно найти сведения о том, что на кафедре гуманитарных и социально-экономических дисциплин работает старший преподаватель Алексей Борисович Антонов, который преподаёт историю России и философию. Вероятно, автором упомянутой экспертизы был он. Действительно, не ясно, является ли он экспертом в области славянского язычества

или нацистской символики. (В РИНЦ у указанного преподавателя не найдено ни одной публикации.) Напрашивается мысль, что на роль эксперта по таким вопросам весьма желательно было бы приглашать людей с более выраженными академическими заслугами, причём в соответствующей области. Но что с квалификацией второго эксперта?

В РИНЦ мы можем ознакомиться с профилем доцента кафедры новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета П. Г. Волгиревой. Всего её работ насчитывается более 60, из них 6 опубликованы в изданиях из «ядра РИНЦ». Тематика этих работ связана с «крестьянским вопросом» в России (и конкретно в Пермской губернии) накануне революции 1917 г. Тема кандидатской диссертации: «Традиционная книжность Прикамья XVI – начала XX вв. как источник для изучения духовной культуры». Никакой связи с тематикой славянского язычества или (нео)нацизма эти работы не имеют. Но одна статья П. Г. Волгиревой резко выбивается из этого ряда. Речь о работе под названием «Руны в народном ткачестве Предуралья» [\[23\]](#). Можно предположить, что наличие у автора этой работы и послужило основанием для его привлечения в качестве эксперта по делу об экстремистской символике на резных оберегах.

Однако если почитать эту статью, можно прийти к совершенно ошеломительному результату. Несмотря на то, что она опубликована во вроде бы научном издании, она не имеет даже таких формальных признаков научности, как библиографический аппарат! Всё, что мы имеем, это лишь упоминание автором таких авторитетных для неё имён, как А. Н. Платов и Гвидо фон Лист. Кто же это? Антон Платов, известный в неоязыческой среде как Иггволод, является отечественным эзотериком, пропагандирующим «руническую магию». Гвидо фон Лист – австрийский оккультист XIX–XX вв., чьи идеи были созвучны сложившейся чуть позже нацистской мифологии [\[24\]](#). При этом Платов в статье именуется «наиболее крупным исследователем в области рунологии в отечественной историографии». По-видимому, другие исследователи остались попросту не известны Волгиревой, иначе трудно объяснить, как можно было обойти вниманием труды таких специалистов по рунической письменности, как Е. А. Мельникова [\[25\]](#) и Э. А. Макаев [\[26\]](#). Впрочем, вчитываясь в текст этой странной статьи далее, читатель может удостовериться в том, что знакомство с трудами серьёзных исследователей автору было только помешало, поскольку мы имеем дело не с научной работой, а с... эзотерической! На полном серьёзе автор применяет «сравнительно-астрологические методы анализа звёздных аспектов и конфигураций» (что бы это ни значило) и пишет, что «каждый рунический знак заключает в себе колоссальную информацию и обладает такой энергетической наполненностью, что позволяет человеку жить на самом высшем, а не просто на высоком уровне духовного развития» [\[23, с. 190, 184\]](#). В тексте статьи упоминаются и славянские руны, которые являются не чем иным, как современным мифом, конструктом русской неоязыческой субкультуры [\[27\]](#). В итоге автор вводит термин «пермские руны» (под которыми она понимает различные элементы орнамента на вышитых поясах русских старообрядцев) и эти руны оказываются в родстве как со «славянскими рунами», так и западноевропейскими. (То есть орнаменты на русской одежде «расшифровываются» через сопоставление их с чем-то похожими буквами германского рунического алфавита, а символическое значение последних Г. П. Волгирева черпает из эзотерических фантазий Гвидо фон Листа при посредничестве А. Платова.) Осознав особенности этой публикации, уже не приходится удивляться тому, что в экспертизе, подготовленной Г. П. Волгиревой и частично известной нам благодаря сделанному журналистами пересказу, обнаруживаются такие кошмарные с точки зрения

академической науки ляпсусы, как утверждения, что руны являлись основой для всей общеевропейской письменности, что их появление датируется IV веком до н. э., что рунические символы использовались на всей территории России в народном ткачестве до XX века, что свастика является руническим символом.

Разобранный кейс со всей очевидностью показывает нам, как остро может вставать вопрос о том, где найти экспертов, чья экспертность не вызывала бы нареканий. Учитывая, что экспертизы, представляемые в суд, могут напрямую влиять на судьбы людей, доказывая или опровергая наличие состава преступления и помогая определить степень вины, нельзя не увидеть в описанных затруднениях серьёзную социально значимую проблему.

Культурная политика и поддержка изобретённых традиций

Мы видим, что научные издания не являются нерушимыми бастионами, охраняющими научное знание. Разные нелепости, фейки, даже откровенная эзотерика в том или ином виде и в различных пропорциях могут достаточно легко попадать на страницы работ, претендующих на статус научных. Но при этом в опасности оказывается не столько наука, сколько общество. В самом деле, наука, основные силы которой концентрируются в академических институтах, наиболее сильных университетах, в авторитетных журналах, способных обеспечить качественное научное рецензирование, может достаточно эффективно (хотя и не без труда) противостоять псевдонауке. Профессиональные исследователи понимают, какие авторы и научные труды чего стоят. Но вот люди, далёкие от науки, этого не понимают. Из-за этого возможны казусы, когда некоторые сомнительные или же откровенно псевдонаучные идеи обретают поддержку местных властей, политиков или государственных органов.

Лингвист Е. Л. Березович в своих размышлениях, посвящённых взаимоотношениям науки и псевдонауки, отметила интересную и важную деталь: «Что касается моего опыта, то мне приходится сталкиваться в первую очередь с краеведами, интересующимися географическими названиями своего края. Нередко это очень интересные и знающие люди, настоящие энтузиасты, которых, конечно, всецело хочется поддерживать. Но встречаются и агрессивно настроенные краеведы, считающие, что раз они «здесь живут», то только им подвластны тайны местных названий, которые древнее санскрита и древнегреческого, имеют исключительно славянские корни, а если «буквы» в санскрите и северно-русском топониме «немного непохожи», то это поправимо: под выводы автора рисуется новая таблица «буквенных» соответствий. Иногда их деятельность поддерживается местной администрацией, культурная политика которой нынче нацелена на «прославление малой родины» и создание местной мифологии. Раньше я сталкивалась с этим преимущественно в экспедициях на Русский Север, когда мы встречались с работниками отделов и домов культуры, библиотекарями, учителями сельских школ, которые показывали нам книги краеведов (нередко рекомендованные к изучению на уроках и к использованию в различных «культурных мероприятиях»)» [\[28, с. 22\]](#).

А вот что пишет доктор исторических наук, директор экомузея-заповедника «Тюльберский городок» (Кемеровская обл.) В. М. Кимеев: «...общераспространённой практикой у современных аборигенов Сибири становится мифотворчество и конструирование при активной поддержке региональных властей разного профиля нового этнокультурного пространства, условно названного в философских кругах вторичным». «Вторичное ... пространство обычно конструируется лидерами фольклорных коллективов и профессиональными дизайнерами другой национальности при

значительной финансовой поддержке местных властей и зачастую имеет отдалённое отношение к первичному пространству. Затем посредством «возрождённых» фольклорных праздников и региональных фестивалей, широко разрекламированных в прессе, элементы вторичного этнокультурного пространства легитимизуются и обретают в сознании их создателей черты традиционности. Процесс формирования такого вторичного этнокультурного пространства с 1990-х гг. иногда стал именоваться в прессе, административных отчётах и научной литературе «национально-культурным возрождением» [\[29, с. 96\]](#).

В своей статье учёный демонстрирует, как в результате этих процессов в умах интеллигенции некоторых народов Сибири появляются представления о том, что на самом деле чуждые им культурные особенности, присущие окружающим их народам, были составной частью традиционного культурного комплекса.

Разумеется, подобные процессы идут не только в Сибири, но, по-видимому, повсеместно. Например, в Татарстане при активном содействии республиканских властей мифологизируется региональная история, что тесно связано с обустройством такого туристического и «сакрального» центра, как Болгар [\[30\]](#). Возрождение национальных традиций с явной примесью неоязычества при поддержке республиканских властей фиксируется в Якутии [\[31\]](#). Но рассмотрению таких процессов в масштабе России следует посвятить отдельное исследование. Здесь же нужно сосредоточиться на примерах, имеющих отношение к славянскому язычеству.

Любопытным примером того, как может происходить некоторая «легитимация» неоязыческих конструктов, является приветственное письмо за подписью депутата Государственной Думы седьмого созыва Е. А. Примакова (кстати, историка по образованию). Оно направлено «участникам мероприятия, посвящённого Дню зимнего солнцестояния – славянскому празднику Колядо», дата на документе – 21 декабря 2018 г. В документе говорится: «Наши древние традиции – бережно хранимые, передаваемые из поколения в поколение – это национальное достояние. (...) Древний день Колядо – День зимнего солнцестояния, сменяемый самой длинной в году ночью, даёт нам уверенность в том, что холод и мрак не бесконечны, что уже завтра солнца в нашей жизни будет больше, что весна придёт, а за ней и лето, что смерть будет снова побеждена» [\[32\]](#).

Праздник с таким названием у восточных славян этнографами не зафиксирован. Не упоминает его и ни один исторический источник. Мы вновь имеем дело с культурным симулякром, созданным нашими современниками. Разумеется, депутат вовсе не обязан знать такие детали. Он просто проявил вежливость по отношению к своим потенциальным избирателям, тем более, что ему это ничего не стоило. Зато энтузиасты, «возрождающие» якобы старинные славянские традиции, могут при случае ссылаться на подобный документ как на подтверждение «официального признания» их правоты.

Другой интересный пример мне придётся описать без подробностей, так как я связан обязательствами по неразглашению конфиденциальных данных. И всё же это крайне интересный кейс, который было бы неправильно скрывать от общественности. Некоторое время назад мне, как эксперту одного крупного фонда, поддерживающего проекты социокультурной направленности, попала для оценки грантовая заявка. Целью проекта было приобщение благополучателей «к своим историческим культурным корням через физические упражнения исконно русских телесных практик, народный танец и графику, повышение этнической идентичности, мотивации людей к коррекции собственного

физического и психологического состояния через народные традиции». Проект был выдержан в патриотических тонах, упоминался пресловутый культурный код, который нужно поддерживать, авторы заявки ссылались в том числе на цитаты из выступлений Президента России В. В. Путина. У заявителя был весьма внушительный список партнёров – музеи, общественные объединения, в том числе и региональное министерство культуры, представившее благожелательное письмо поддержки. Заявка могла бы произвести весьма внушительное впечатление, если бы я не знал, что упоминающиеся там «традиционные славянские оздоровительные практики» («вейга», «здрава», «жива»), наряду с различными «славянскими боевыми искусствами», изобретены в постперестроечное время на волне горячего интереса позднесоветского общества к мистике, экстрасенсорике, восточным духовным и телесным практикам (йога, ушу, цигун и пр.) [\[33, с. 132–139\]](#). Помимо занятий этими псевдославянскими оздоровительными практиками в заявке предлагалось также обучать целевую аудиторию проекта рисованию древнеславянских рун. Всё это в комплексе должно было и укрепить культурный код, и оздоровить благополучателей проекта.

Здесь мы видим тот же самый принцип – чиновники, не разбираясь в сути дела, в конкретном содержании проекта, готовы поддержать местную социокультурную инициативу. Реализация таких проектов с привлечением внешнего финансирования – это дополнительный плюс при формировании министерских отчётов о проделанной работе. А будь такой проект поддержан грантом – он приобретёт ореол качественного, одобренного и поддержанного «наверху». После этого можно думать и о «масштабировании» такого удачного проекта, передаче ценного опыта коллегам в других регионах и т. п. К сожалению, нет гарантии того, что подобная заявка не будет подана повторно и когда-нибудь не окажется поддержанной, ведь как мы уже знаем, проблема научной экспертизы стоит весьма остро и далеко не каждый эксперт обладает столь узкими познаниями, чтобы разглядеть подобный подвох.

Вполне вероятно, что указанные случаи – это лишь верхушка айсберга. Поскольку сейчас нет инструментов поиска материалов по каким-то обширным базам данных, индексирующих различные документы официального происхождения, документы подобные рассмотренным выше могут попасть в поле зрения исследователя только случайно. Представляется, что при систематическом поиске число таких примеров можно было бы значительно умножить.

Заключение

Современное российское государство взяло официальный курс на защиту традиционных ценностей от деструктивной идеологии, под которой понимается «разрушительная для российского общества система идей и ценностей». Этот курс описывается в известном Указе Президента РФ В. В. Путина № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В п. 7 Указа говорится, что «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». И действительно, нет сомнений, что здоровое, благополучное общество должно с уважением относиться к своим традициям, истории и культуре. Проблема в том, что под видом давних культурных традиций мы всё чаще и чаще сталкиваемся с культурным «новоделом». То, что многие из россиян считают древними славянскими традициями, на поверку оказывается культурными

симулякрами, которые искажают наше подлинное историко-культурное наследие, заменяют научные факты мифами массовой культуры. Это само по себе вызывает тревогу. Но ещё хуже, когда эти мифы оказываются идеологически ангажированными, что может приводить, например, к скрытой, «ползучей» реабилитации нацистской символики (рун, свастики), которая вдруг оказывается «исконно славянской».

Бодрийяр в своё время сделал любопытное наблюдение, что мы живём в мире, где всё больше и больше информации, но всё меньше и меньше смысла [\[34, р. 79\]](#). Эпоха интернета сделала это наблюдение ещё более актуальным. А широкое распространение наукометрии парадоксальным образом снова стимулирует этот процесс. К сожалению, преподаватели вузов просто вынуждены для достижения заложенных в индивидуальные и коллективные планы работы показателей производить наукоподобный продукт в виде публикаций в научных изданиях, активно привлекая к этому также аспирантов и студентов. Разумеется, очень часто такие работы не имеют никакой научной ценности. В лучшем случае, они «всего лишь» замусоривают информационное пространство, но не искажают научную информацию. Но, к сожалению, далеко не редки случаи, когда такие работы напрямую противоречат научным данным и из квазинаучных превращаются в антинаучные. В итоге, возвращаясь к соображению Бодрийяра, следует сделать поправку – прирастает уже не информация (пусть и малоценная), а дезинформация. Однако и этих – слабых или даже антинаучных работ хватает для того, чтобы их авторы могли накапливать символический капитал, который впоследствии позволяет им претендовать на какие-то должности, связанные с производством, оценкой и продвижением разного рода культурных и/или образовательных проектов. Для чиновников, внедривших в России наукометрические требования, но не научившихся анализировать наукометрические показатели, для журналистов, правоохранителей, общества в целом, все авторы научных публикаций «на одно лицо». Для доказательства того или иного утверждения всегда можно сослаться на какую-то научную публикацию, но вес этой публикации, её качество может оценить только узкая прослойка специализирующихся на соответствующей проблематике учёных (и речь здесь идёт, конечно, не просто об обладателях учёных степеней, а о людях, занимающихся наукой на солидном профессиональном уровне). Мы пришли к такой удручающей ситуации, когда зачастую наукудвигают вперёд одни люди, а экспертами являются другие. Эрозия институтов научной экспертизы подобна тому самому сну разума, который рождает чудовищ.

Можно ли как-то изменить ситуацию к лучшему? Вероятно, да, если повлиять на описанные выше процессы и перестать провоцировать это бессмысленное производство текстов, не имеющих научной ценности. Если наука вновь станет научной, а государственный аппарат и бизнес при выработке различных управленческих решений будут всерьёз полагаться на неё, то массовое сознание россиян будет более защищённым от влияния на него разных псевдонаучных концепций. Но чтобы убедиться в необходимости таких изменений и начать действовать в нужном направлении, нужно осознать тот вред, который эта ситуация наносит нашему обществу. Данная статья призвана внести свою скромную лепту в это осознание.

Библиография

1. Бесков А. А. Симуляция науки и симулякры культуры: иллюзорные представления о славянском язычестве в современной российской гуманитаристике // Вопросы философии. – 2022. – № 1. – С. 100–110. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-1-100-110>
2. Бесков А. А. Мифология, вооружённая лопатой, или Возможна ли археология

сверхъестественного? // *Stratum plus.* – 2022. – № 5. – С. 345–359. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp225345360>

3. Gerring John. *Case Study Research: Principles and Practices.* – New York: Cambridge University Press, 2007. – 265 р.

4. Морозова Т. П. Конь-солнце в славянской языческой мифологии // *Вестник славянских культур.* – 2019. – Т. 52. – С. 53–64.

5. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М: Наука, 1965. – 245, [1] с.

6. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. *Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов.* – М.: Наука, 1974. – 342 с.

7. Топорков А. Л. О «белорусских народных преданиях» и их авторе // *Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора.* – М.: Ладомир, 2002. – С. 245–254.

8. Левкиевская Е. Е. Механизмы создания мифологических фантомов в «Белорусских народных преданиях» П. Древлянского // *Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора.* – М.: Ладомир, 2002. – С. 311–351.

9. Лившиц В. В., Лившиц Е. А. Проблемы создания и трансляции хореографических произведений на основе славянской мифологии // *Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сборник докладов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 12 февраля 2020 г.): в 3-х томах / отв. ред.: Ю. В. Бовкунова, С. Н. Зенин, А. А. Шакмаков.* – Белгород: БГИИК, 2020. – Т. 1. – С. 177–181.

10. Данилов П. А., Буксикова О. Б. Русская народная игра «вербохлёт»: семантика и трансформация в хореографии // *Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сборник докладов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 12 февраля 2020 г.): в 3-х томах / отв. ред.: Ю. В. Бовкунова, С. Н. Зенин, А. А. Шакмаков.* – Белгород: БГИИК, 2020. – Т. 1. – С. 239–242.

11. Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. *Языческая реформа князя Владимира.* – М.: Индрик, 1998. – 328 с.

12. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М.: Наука, 1979.

13. Пасечник С. И., Лебедева М. И. Значение народного костюма в традициях, обрядах фольклоре Слобожанщины // *Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сборник докладов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 12 февраля 2020 г.): в 3-х томах / отв. ред.: Ю. В. Бовкунова, С. Н. Зенин, А. А. Шакмаков.* – Белгород: БГИИК, 2020. – Т. 1. – С. 248–255.

14. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.

15. Гаврилова К. А. Возвращение народной культуры народу: правильная масленица и методическое руководство сельской самодеятельностью // *Этнографическое обозрение.* – 2016. – № 6. – С. 27–43.

16. Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). – СПб.: Наука, 2012. – 228 с.

17. Довганюк Е. С., Моисеева Е. А., Шарапова А. В. Проект благоустройства и озеленения фрагмента Томилинского лесопарка (г. Лыткарино, МО) // *Вестник ландшафтной архитектуры.* – 2019. – № 18. – С. 22–25.

18. Бардасова А. С., Никитина О. Н. Национальные фольклорные образы как элемент развития туризма (на примере славянской демонологии) // Новые технологии развития туристской деятельности в Удмуртской Республике: Материалы научно-практической конференции, Ижевск, 23 ноября 2022 года. – Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2022. – С. 5-18.
19. Звонкова С. Ночь в XIX веке. Нижегородцы создали антимузей славянской культуры // Аргументы и Факты – Нижний Новгород. 2024. № 20. 5 мая. URL: <https://nn.aif.ru/culture/noch-v-xix-veke-nizhegorodcy-sozdali-antimuzey-slavyanskoy-kultury> (дата обращения: 20.06.2024).
20. Астахов Д. Художника не спасли обереги // Коммерсантъ (Пермь). 2016. № 204. 2 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3132402> (дата обращения: 20.06.2024).
21. Овчинников Д. Символы раздора. Как пермский резчик по дереву стал «нацистом» // Аргументы и факты. 2016. 21 ноября. URL: https://aif.ru/society/people/simvoly_razdora_kak_permskiy_rezchik_po_derevu_stal_nacistom (дата обращения: 20.06.2024).
22. Третьяков С. Пермского художника признали экстремистом из-за старинных славянских узоров // Комсомольская правда. 2016. 2 ноября. URL: <https://www.tver.kp.ru/daily/26602/3618010/> (дата обращения: 20.06.2024).
23. Волгирева Г. П. Руны в народном ткачестве Предуралья // Общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 182-191.
24. Goodrick-Clarke N. The Occult Roots of Nazism. Secret Aryan Cults and their Influence on Nazi Ideology. London, New York NY: I. B. Tauris & Co., 2004. – 293 р.
25. Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Восточная литература, 2001. – 496 с.
26. Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей (лингвистический и историко-филологический анализ). – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 156 с.
27. Бесков А. А. «Славянские руны» на российских экранах: репрезентация неоязыческого мифа // ПРАΞΗМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2019. – № 3. – С. 225-253. DOI: 10.23951/2312-7899-2019-3-225-253
28. Беляев Л. А., Березович Е. Л., Боринская С. А. и др. Наука и псевдонаука // Антропологический форум. – 2013. – № 18. – С. 9-140.
29. Кимеев В. М. Этнокультурный ренессанс и мифотворчество в современной обрядности народов Притомья // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 5 (43). – С. 96-99. DOI: 10.17223/19988613/43/20
30. Овчинников А. В. «Возрождение» Болгара и Свияжска – новейший опыт конструирования исторической памяти // Вестник Пермского университета. История. – 2017. – № 4(39). – С. 192-201. – DOI 10.17072/2219-3111-2017-4-192-201.
31. Яковлев А. И., Яковлева К. М. Традиционный якутский праздник ысыах в современном культурном ландшафте // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 1 (57). – С. 122-126.
32. Маслов В. Депутат Госдумы поздравил саратовцев с Колядой // Информационное агентство «Взгляд-инфо». 2018. 22 декабря. URL: <https://www.vzsar.ru/blogs/4279> (дата обращения: 21.06.2024).
33. Бесков А. А. Язычество восточных славян перед лицом современности. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. – 192 с.
34. Baudrillard J. Simulacra and simulation. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994. – 176 р

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема рецензируемой статьи обладает несомненной актуальностью. Более того, можно сказать, что вынесенные автором на обсуждение вопросы оказались актуальными с теоретической точки зрения и поистине «злободневными» в социальном плане уже более трёх десятилетий назад, когда рухнувшие идеологические запреты обнажили как недостаточность научных знаний о славянском язычестве, так и широкий интерес общества (часто весьма далёкого в своих устремлениях от стандартов научности) к этой тематике. Автор совершенно справедливо говорит о бытования в общественном сознании множества недостоверных, а то и совершенно фантастических, представлений о славянской мифологии и стремится оградить российской общество от вредных и опасных последствий продуцирования недостоверных мифологических образов и сюжетов. Статья в целом производит благоприятное впечатление, и она, несомненно, заслуживает публикации. Критические замечания могут быть частично учтены в рабочем порядке, частично – стать предметом осмысления в процессе подготовки последующих публикаций. Так, не вполне понятно, почему автор отдаёт предпочтение методу кейстади. Подобного возражения не возникло бы, если бы материал исследования был более-менее однородным, но, очевидно, в данном случае можно говорить о большом разнообразии содержания и совершенно разнородном его «идеологическом сопровождении». Применительно к рассматриваемой теме «отдельные примечательные «случаи» как единицы наблюдения интересующего исследователя аспекта социальной реальности» рисуют остаться именно «отдельными случаями». Зачем, например, автор характеризует столь детально публикации других исследователей? Теоретическая статья имеет совсем другие задачи. Далее, автор прав, когда он говорит о случаях «идеологической ангажированности» «языческого новодела», но это снова именно «случаи», и совсем не обязательно это ведёт «к «ползучей» реабилитации нацистской символики (рун, свастики)», а по прочтении остаётся именно такое впечатление. Вообще, хотелось бы порекомендовать автору пореже упоминать о возможных «фашистских» коннотациях русской символики, пусть даже и «псевдомифологической». Наш народ заслужил того, чтобы в границах одного высказывания не произносить «русский» и «фашизм». Большее сожаление вызывают замечания автора о вреде пресловутой наукометрии: «преподаватели вузов просто вынуждены для достижения заложенных в индивидуальные и коллективные планы работы показателей производить наукоподобный продукт в виде публикаций в научных изданиях, и т.д.». Довольно много пока в тексте и «технического брака», который должен быть устраниён до публикации статьи: «оказывается, что разного рода (псевдо)научные фантазии о славянском язычестве оказываются...», «опыт гитлеровской Германии является прецедентным» (просто «прецедентом»?), «на правоприменительную сферу» («практику»?), «летом того года» («того же года»?), «символикой, якобы имеющей отношение» (пропущена запятая), и т.п. Рекомендую принять статью к печати.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Пшеничный П.В. Роль фигур святых жен в составе древнерусских иконных композиций XV–XVI вв. с центральным изображением святителя Николая Мирликийского и образами избранных святых // Философия и культура. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.7.71245 EDN: YMNVJQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71245

Роль фигур святых жен в составе древнерусских иконных композиций XV–XVI вв. с центральным изображением святителя Николая Мирликийского и образами избранных святых**Пшеничный Петр Владимирович**

ORCID: 0009-0004-3704-0046

аспирант; кафедра истории отечественного искусства; Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, д.1, ауд. Г-420

✉ pshenichniy321@gmail.com[Статья из рубрики "Философия и искусство"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2024.7.71245

EDN:

YMNVJQ

Дата направления статьи в редакцию:

12-07-2024

Дата публикации:

19-07-2024

Аннотация: В древнерусском искусстве XV–XVI столетий нередко встречаются произведения, где изображение св. Николая Мирликийского, представленного в разнообразных иконографических типах, сопровождается образами святых жен. Эти памятники имеют сходное композиционное построение. Среди них наиболее показательны те иконы, где в среднике помещен образ мирликийского святителя, а на полях представлены фигуры избранных святых. Предметом исследования в данной работе является корпус памятников с центральным изображением св. Николая и фигурами избранных святых на полях, где присутствуют и образы женской святости.

Цель настоящей статьи – на примере памятников определенного иконографического извода определить роль фигур святых жен в данных иконных композициях и предложить интерпретацию ранее недостаточно изученного сюжета. Для этого мы прибегнем к иконографическому методу исследования, позволяющему выявить те или иные нюансы композиционного построения, раскрыть духовное содержание образа. Не меньшее значение в настоящей работе имеет и метод сравнительного анализа. Исследователи ранее уже обращались к рассматриваемым нами изображениям, однако самостоятельная роль образов женской святости в иконографическом составе данных икон была недостаточно акцентирована. Интересующие нас произведения объединяют состав фигур немногих святых жен на нижнем поле, которые ассоциируются с евангельскими событиями и темой стойкости в вере (свв. Параскева, Варвара или Ульяна), либо имеют ярко выраженные мотивы предстательства на Страшном Суде (св. Екатерина). Устойчивая традиция изображения именно этих святых жен в иконографическом составе данных памятников наводит на мысль об их соотнесенности с центральным изображением. Мы полагаем, что фигуры святых жен органично встраиваются в иконографическую систему рассматриваемых нами произведений: как и центральный образ св. Николая, они призваны акцентировать идею заступничества святых.

Ключевые слова:

Николай Мирликийский, святые жены, избранные святые, Параскева, Екатерина, Никита, Георгий, заступничество святых, Деисус, икона

Фигуры святых жен часто встречаются в иконографическом составе памятников средневекового искусства православных стран: в монументальных росписях храмов, в декоративно-прикладном искусстве, но особенно важную роль их образы играют в иконописи. Вариации изображений святых жен многочисленны, часто их изображают в качестве центрального сюжета памятника, с житийными клеймами, в составе избранных святых, в композициях с образом Богоматери или на полях тех произведений, где в среднике представлено изображение того или иного события Священной истории или фигуры других почитаемых святых.

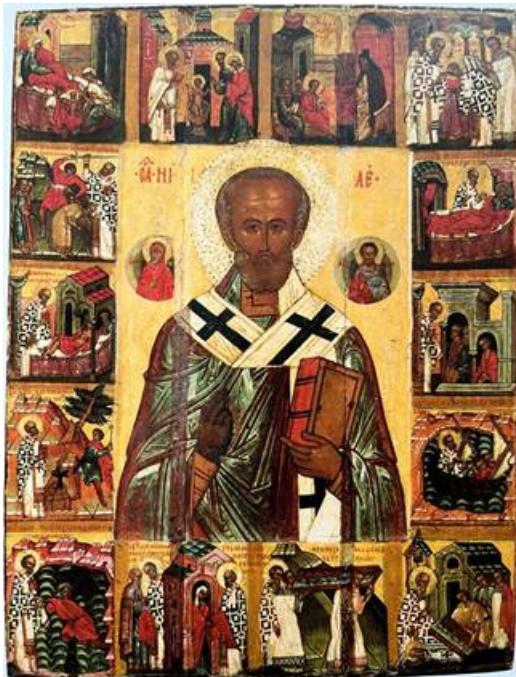
Особого внимания заслуживает устойчивая традиция размещать фигуры женской святости в композиционном составе икон с центральным образом св. Николая Мирликийского. Они привносят разнообразие в иконографический замысел произведения, дополняя и расширяя смысл центрального изображения. Этот сюжет в интересующий нас период XV–XVI столетий получил широкое распространение.

Начиная с самого раннего этапа истории древнерусского искусства, иконописцы прибегали к усложненным вариантам изображения св. Николая Мирликийского, опираясь как на пришедшие из Византии типы, так и создавая собственные иконографические схемы [\[1, с. 551\]](#). Это говорит о значительности данных памятников в культуре Древней Руси, о глубине и сложности их иконографического замысла. Образный строй рассматриваемых нами икон во многом определяется их иконографией.

Предметом данной работы является семантика образов святых жен в составе изучаемых композиций. Мы рассматриваем корпус памятников с центральным изображением св. Николая и фигурами избранных святых на полях, где присутствуют и образы женской святости. Поскольку отразившееся в древнерусской иконописи, на протяжении XV–XVI столетий, почитание образов святых жен достаточно устойчиво, перед нами не стоит

задача упоминания всех сохранившихся икон исследуемого типа. Подробно мы остановимся на наиболее репрезентативных произведениях.

Цель настоящей статьи – на примере памятников указанного иконографического извода выявить роль фигур святых жен в этих композициях и предложить интерпретацию таких изображений. Для этого мы прибегнем к иконографическому методу исследования, позволяющему выявить те или иные нюансы композиционного построения, раскрыть духовное содержание образа. Не меньшее значение в настоящей работе имеет метод сравнительного анализа, который предполагает привлечение новейших исследований, отражающих как специфику бытования текстов житий святых жен, так и традицию их почитания в культуре Древней Руси XIV–XVI столетий [\[2, 3, 4\]](#).

В иконе «Св. Николай Чудотворец, с клеймами жития и двумя избранными святыми (Параксевой и Ермолаем)», первой половины XVI в. (ГТГ) [\[5, кат. 21\]](#), кроме сложных детализированных клейм, присутствует образ святой мученицы, вносящий дополнительные смысловые акценты в иконографическую программу памятника. Поскольку изображения св. Ермолая в древнерусской иконописи являются редкими и появляются в составе композиций с избранными святыми, вероятнее всего, в качестве патрональной фигуры, то, возможно, и выбор св. Параксевы также продиктован этим мотивом. Однако во многих случаях соотнесение фигур святых жен и св. Николая Мирликийского может иметь под собой иные основания.

Рисунок 1 – Св. Николай Чудотворец, со св. Параксевой и св. Ермолаем, и житием св. Николая. Первая половина XVI в. (ГТГ)

Figure 1 – St. Nicholas of Myra, with chosen saints St. Paraskevi and St. Hermolaus of Nicomedia. First half of the 16th century (Tretyakov Gallery)

Такие изображения встречаются в составе памятников, где фигура святителя Николая Чудотворца в среднике бывает представлена в разнообразных иконографических изводах: например, «Св. Никола Можайский, с праздниками и избранными святыми», второй четверти – середины XVI в. (собрание С.Н. Воробьева) [\[6, кат. 8\]](#), а также в изображениях типа Николы Зарайского: «Св. Николай Чудотворец, с Деисусом и избранными святыми в клеймах», конца XV в. (Вологодский музей) [\[7, кат. 233\]](#) и «Св. Николай Чудотворец, с деисусным чином и избранными святыми», середины XVI в.

(Архангельский музей) [\[8, кат. 56\]](#).

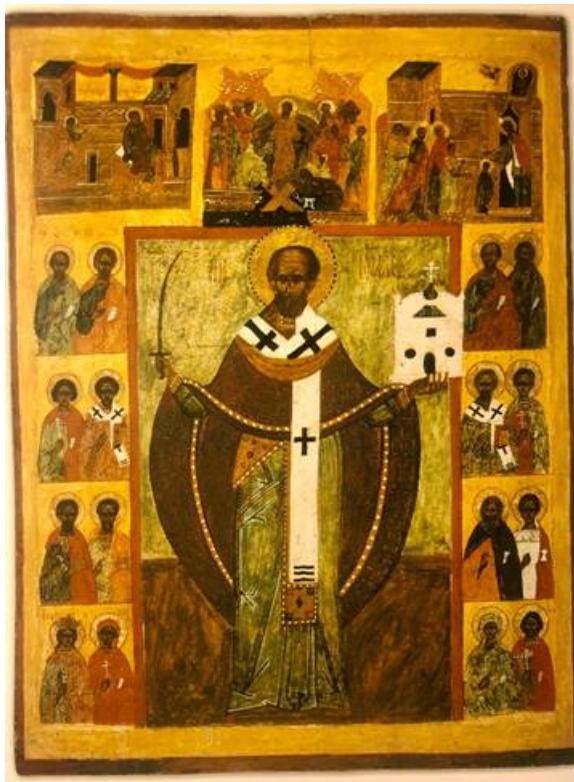

Рисунок 2 – Никола Можайский, с праздниками и избранными святыми. Вторая четверть – середина XVI в. (Собрание С.Н. Воробьева)

Figure 2 – St. Nicholas of Mozhaysk, with biblical scenes and chosen saints. Middle of 16th century (Private collection of S.N. Vorobyev)

Нередки изображения, где избранные святыне на фоне сопровождают поясной образ святителя Николая, например, «Св. Николай Чудотворец, с избранными святыми», первой трети XV в. (Новгородский музей) [\[9, кат. 21\]](#), «Св. Николай Чудотворец», первой половины XVI в. (Псковский музей) [\[10, кат. 38\]](#) и «Св. Николай Мирликийский, с Троицей Ветхозаветной, явлением Богоматери преподобному Сергию Радонежскому и избранными святыми», первой половины XVI в. (Музей им. Андрея Рублева) [\[11, кат. 59\]](#).

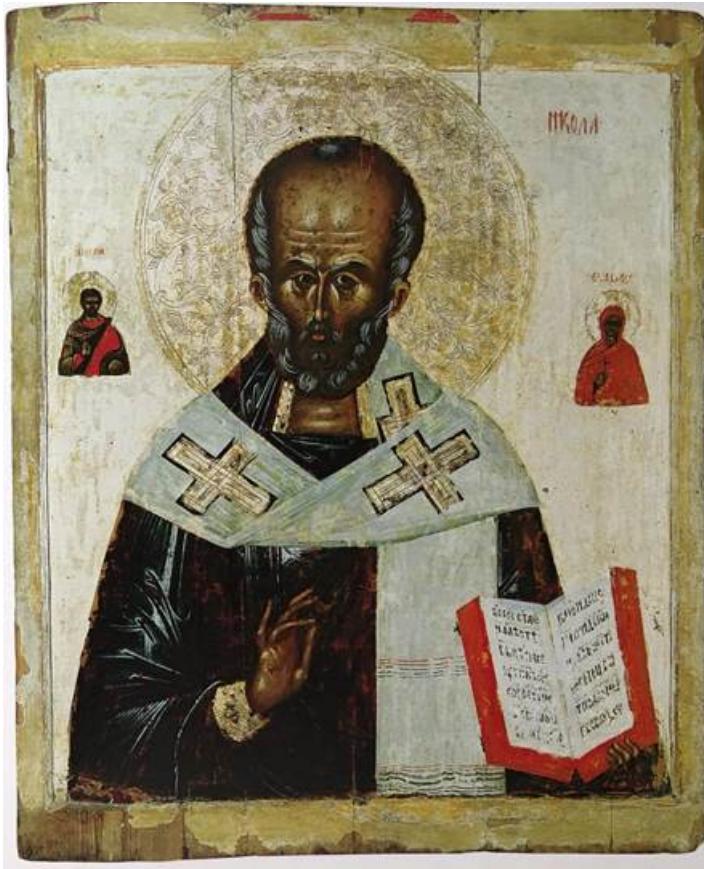

Рисунок 3 – Св. Николай Чудотворец, с избранными святыми. Первая треть XV в. (Новгородский музей)

Figure 3 – St. Nicholas of Myra, with chosen saints. First third of 15th century (Novgorod Museum)

Однако наиболее показательны композиции с центральным изображением св. Николая Мирликийского и образами избранных святых на полях. В качестве примера следует указать на целый ряд памятников со сходным композиционным построением: иконы второй половины XV в. (ГТГ) [\[5, кат. 16\]](#), конца XV–начала XVI в. (Владимиро-Суздальский музей) [\[12, кат. 17\]](#), начала XVI в. (Ростовский музей) [\[13, кат. 31\]](#), первой половины XVI в. (Архангельский музей) [\[8, кат. 44\]](#), первой половины XVI в. (ГРМ) [\[14, кат. 101\]](#). Все эти произведения объединяет устойчивый состав немногих святых жен среди фигур избранных святых на нижнем поле. Они составляют композиционную параллель изображеному вверху деисусному чину. Тем самым подчеркивается значимость представленных внизу святых. В это время особую важность приобретают те образы женской святости, которые ассоциируются с евангельскими событиями и темой стойкости в вере (как, например, св. Параскева Пятница, св. Варвара или св. Ульяна), либо имеют ярко выраженные мотивы предстательства на Страшном суде (св. Екатерина). Данные аспекты почитания святых жен, бытовавшие еще в домонгольское время, соотносятся, не в последнюю очередь, с защитными функциями самой фигуры св. Николая, что обнаруживает глубокую символическую взаимосвязь между этими образами и фигурой мирликийского чудотворца.

Относящаяся по своему стилю к иконописи Русского Севера икона «Св. Николай Чудотворец, с Деисусом и избранными святыми», второй половины XV в. (ГТГ), представляет традиционный для этого времени вариант рассматриваемой нами иконографии. В перечисленных выше памятниках, связанных с разными уровнями заказа

и зачастую отделенных друг от друга значительным хронологическим интервалом, отличительной особенностью является неизменный принцип размещения изображения св. Никиты по центральной оси с Христом и св. Николаем. Имена как мирликийского святителя, так и воина-мученика [\[15, с. 316\]](#) связаны с греческим словом «Νίκη» («победа») [\[16, с. 15\]](#), что исследователи уже замечали [\[16, с. 92\]](#). Образ св. Никиты «... по традиции особенно тесно связывался с образом Спасителя, выступал как победитель дьявола и нечистой силы» [\[12, с. 128\]](#), что созвучно с восприятием святого в качестве бесогона [\[17, с. 240\]](#). Зачастую эту схему сопровождает образ св. Георгия Победоносца, имеющий ту же семантику (как, например, на иконе «Св. Николай Чудотворец, с избранными святыми», конца XV– начала XVI в., из Владимиро-Сузdalского музея).

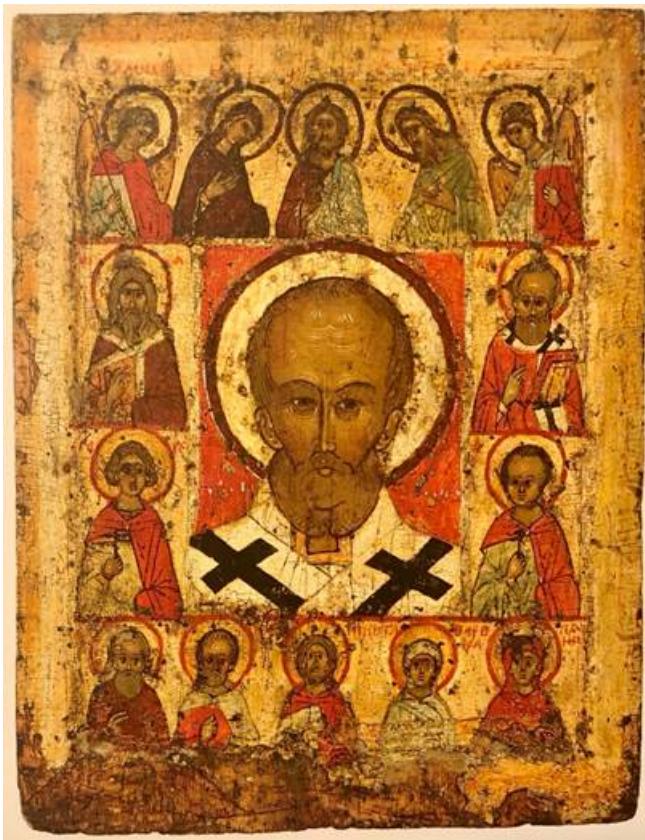

Рисунок 4 – Св. Николай Чудотворец, с Деисусом и избранными святыми. Вторая половина XV в. (ГТГ)

Figure 4 – St. Nicholas of Myra, with Deesis and chosen saints. Second half of 15th century (Tretyakov Gallery)

Однако исследователи не обратили достаточного внимания на самостоятельную роль образов святых жен в составе этих памятников. Соотнесение фигуры св. Параскевы с изображением мирликийского святителя не случайно: заступничество св. Николая и его многочисленные чудеса, связанные со спасением от стихий, пленения и всевозможных опасностей, широко известны [\[18, с. 97\]](#), однако и культ св. Параскевы обладает схожими мотивами покровительства.

В этом отношении показателен памятник, происходящий из Твери: боковая дверь иконостаса с изображением Деисуса, Чуда Георгия о змие, св. Никиты, побивающего беса, начала XVI в. (ГРМ) [\[16, кат. 25\]](#). Здесь объединяются темы молитвенного предстояния и попрания святыми сил ада [\[16, с. 90\]](#). Нельзя не отметить, что в деисусном чине на верхнем поле вместо привычной фигуры Иоанна Предтечи размещается образ

св. Николая Чудотворца.

Рисунок 5 – Боковая дверь иконостаса. Деисус, чудо Георгия о змие, св. Никита, побивающий беса. Начало XVI в. (ГРМ)

Figure 5 – The iconostasis door, Deesis, George's miracle of the serpent and St. Nicetas with demon. Beginning of 16th century (Russian Museum)

Б.А. Успенский полагает, что на славянской почве в глубокой древности, еще в эпоху распространения христианства, произошло слияние культа св. Николая и архангела Михаила: таким образом, сложилось представление о св. Николае Мирликийском как о молящемся перед Господом за православных христиан, подобно Богородице или архангелу Михаилу, что отражается и в памятниках иконографии [\[19, с. 14-23\]](#).

С учетом вышесказанного, не вызывает сомнений, что иконографическая программа этой иконы была продиктована именно стремлением подчеркнуть заступничество святых перед Господом, особенно свв. Николая, Георгия и Никиты, как и немногочисленного круга святых жен.

В славянской книжности, и только в ней, сохранился рассказ о чуде св. Параскевы Иконийской, которая особо почиталась на Руси [\[2, с. 76\]](#). Согласно преданию, при епископе Феодоре родной город этой святой, под названием Иконий, был осажден арабским войском, но по молитве мученицы Господь помиловал жителей, а войско неприятеля отступило [\[3, с. 588\]](#). Эта особенность культа св. Параскевы сближает восприятие ее образа с защитными гранями поклонения св. Николаю, что нашло отражение в традиции «совместного прославления святых заступников и помощников в разных бедах и напастях <...> Особенностью икон, отражающих эту традицию, является единая композиционная схема» [\[16, с. 15\]](#).

В иконографической программе иконы «Святитель Николай Чудотворец с Деисусом и избранными святыми», начала XVI в. (Ростовский музей) образы святых на полях размещены с нарушением иерархии святости: святители Василий Великий и Григорий Богослов представлены выше первоверховых апостолов Петра и Павла, что, вероятно, свидетельствует об экклесиологическом аспекте, привносимом в иконографический замысел памятника. Ниже святых апостолов размещены фигуры целителей Космы и Дамиана.

Рисунок 6 – Св. Николай Чудотворец, с Деисусом и избранными святыми. Начало XVI в. (Ростовский музей)

Figure 6 – St. Nicholas of Myra, with Deesis and chosen saints. Beginning of 16th century (Rostov Museum)

По мнению исследователей, о том факте, что св. Николай «... представлен как великий архиерей и глава Церкви Христовой, свидетельствуют образы Спаса Нерукотворного вверху и мучеников в нижней части иконы. Мученики, почитаемые за добровольно пролитую ими кровь во имя верности Христу, за подражание Спасителю в Его жертвенной смерти, воспринимались как те, кто стал основателем Церкви, ее «краеугольными камнями» [\[13, с. 130\]](#). Вероятно, изображение св. Николая в контексте деисусной композиции призвано подчеркнуть ту грань его почитания, которая связана с представлениями о св. Николае как о великом архиерее, проповеднике Евангелия, столпе и утвердителе истинной веры.

Апотропейское значение образа святителя Николая Мирликийского акцентировано тем, что среди размещенных на нижнем поле фигур присутствуют изображения святых жен – Параскевы, Варвары и Екатерины, что наводит на мысль о значительности их роли в общем композиционном замысле иконы. Отметим, что по центральной оси изображается св. Екатерина, вероятно, в связи с распространившимися в культуре Древней Руси защитными аспектами ее почитания. Речь идет о популярном представлении о святой как заступнице за христиан, пребывающих на смертном одре в преддверии Страшного Суда. Согласно древним воззрениям, тот, кто обратится к этой святой за молитвенной помощью, получит отпущение всех грехов [\[4, с. 96\]](#).

Исследователи отмечают, что, по сравнению с домонгольским временем, на рубеже XV–XVI столетий наступает подлинный расцвет культа св. Екатерины, связанный как с активизацией контактов Руси с посвященным св. Екатерине Синайским монастырем, так и с тем фактом, что мученица являлась покровительницей Катариной Цаккариа, приходившейся близкой родственницей Василию III, что в немалой степени

способствовало статусу святой как заступницы царского рода [\[4, с. 94\]](#).

Исходя из наличия указанных защитных мотивов, следует трактовать иконографию тех памятников, где в среднике располагаются образы других почитаемых святых: речь идет о св. Георгии Победоносце и св. Никите, как, например, в иконе «Великомученик Никита, побивающий беса, с Деисусом и избранными святыми», второй половины – последней трети XV в. (собрание С.Н. Воробьев) [\[20, кат. 22\]](#) или «Чудо Георгия о змие, с Деисусом и избранными святыми», последней четверти – конца XV в. (то же собрание) [\[20, кат. 29\]](#).

Рисунок 7 – Великомученик Никита, побивающий беса, с Деисусом и избранными святыми. Вторая половина – последняя треть XV в. (Собрание Воробьевых)

Figure 7 – St. Nicetas with demon, with Deesis and chosen saints. Second half of 15th century (Private collection of S.N. Vorobyev)

Подведем итоги. Композиции с центральным изображением св. Николая и избранными святыми вокруг него, где образы святых жен размещены на нижнем поле, представляют значительное явление в искусстве Древней Руси XV–XVI столетий. Рассмотренные нами иконы отражают устойчивую традицию. Тем более примечательно, что в композиционном составе данных памятников присутствуют изображения святых жен. Образы женской святости объединены с главной фигурой темой заступничества за православных христиан и призваны акцентировать апотропейические свойства культа представленного в среднике мирликийского святителя.

Библиография

1. Шалина И. А. Типология древнерусской иконографии святителя Николая

Мирликийского XI–XVI веков // Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире: сб. статей / Сост. и общ. ред. А. В. Бугаевский. М.: Скиния, 2011. С. 550–591.

2. Виноградов А. Ю. Великомученица Параскева Иконийская и ее «несохранившиеся» греческие акты // Кафедра византийской и новогреческой филологии: сб. статей. Вып. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 76–80.

3. Виноградов А. Ю. Параскева // Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2019. Т. LIV. С. 587–588.

4. Меняйло В. А. Агиология великомученицы Екатерины на Руси в XI–XVII веках // Искусство Христианского Мира: сб. статей. Вып. 4. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 2000. С. 92–107.

5. Святитель Николай Чудотворец. Иконы XIII–XX веков / Науч. ред. Л. В. Нерсесян. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2022.

6. Иконы из частных собраний. Русская иконопись XIV – начала XX века / Науч. ред. Г. В. Попов. М.: ТЕТРУ, 2004.

7. Рыбаков А. А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М.: Галарт, 1995.

8. Иконы Русского Севера: Шедевры древнерусской живописи Архангельского музея изобразительных искусств: в 2 т. / Глав. ред. Л. В. Нерсесян. М.: Северный паломник, 2007. Т.1.

9. Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI веков. / Глав. ред. Л. В. Нерсесян. М.: Северный паломник, 2008.

10. Васильева О. А. Иконы Пскова / Глав. ред. Л. В. Нерсесян. М.: Северный паломник, 2006.

11. Иконы XIII – XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева / Глав. ред. Л. В. Нерсесян. М.: Северный паломник, 2007.

12. Иконы Владимира и Суздаля / Глав. ред. Л. В. Нерсесян. М.: Северный паломник, 2006.

13. Вахрина В. И. Иконы Ростова Великого / Глав. ред. Л. В. Нерсесян. М.: Северный паломник, 2006.

14. Святая Русь / Отв. ред. Е. Н. Петрова, И. Д. Соловьева. СПб.: Palace Edition, 2011.

15. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четырех-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга первая. Сентябрь. М.: Ковчег, 2010.

16. Святой Николай Мирликийский в произведениях XII–XIX столетий из собрания Русского музея / Науч. ред. И. Д. Соловьева. СПб.: Palace Editions, 2006.

17. Иконы Вологды XIV–XVI веков / Глав. ред. Л. В. Нерсесян. М.: Северный паломник, 2007.

18. Бугаевский А. В., Виноградов А. Ю. Николай // Православная энциклопедия / Под. общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2018. Т. L. С. 90–104.

19. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

20. Шедевры русской иконописи XIV–XVI веков из частных собраний / Науч. ред. И. А. Шалина. М.: Благотворительный фонд «Частный музей Русской иконы», 2009.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования в представленной для публикации в журнале «Философия и культура» статье автором указан в заголовке («Фигуры святых жен в составе древнерусских иконных композиций XV–XVI вв. с центральным изображением святителя Николая Мирликийского и образами избранных святых») несколько условно. В большей мере в заголовке представлен объект исследования — композиционный канон древнерусских икон XV–XVI вв. (иконографический извод) с центральным изображением святителя Николая Мирликийского и образами избранных святых, в составе которого предмет исследования (апотропеический смысл символики образов святых жен) рассмотрен автором достаточно детально, но определен автором читателю несколько иначе: «Предметом исследования в данной работе является корпус памятников с центральным изображением св. Николая и фигурами избранных святых на полях, где присутствуют и образы женской святости». Фактически, в качестве предмета исследования автор заявляет эмпирический материал исследования, что очевидно уже в следующем предложении (целеполагании), где автор указывает, что намерен «на примере памятников определенного иконографического извода определить роль фигур святых жен в данных иконных композициях и предложить интерпретацию раннее недостаточно изученного сюжета». Примером может служить эмпирический материал, а не предмет исследования. Упомянутая же «роль фигур святых жен в ... иконных композициях» представляет с формально-логической стороны как раз расположение предмета («роль фигур святых жен» или точнее — апотропеический смысл символики их образов) в объекте («в ... иконных композициях»). Формальную ошибку подмены тезиса, конечно же, следует устраниТЬ, хотя в данной конкретной статье она не выглядит критической, поскольку центральное место в статье занимает анализ авторской выборки эмпирического материала («корпус памятников»), по итогам которого и становится ясным содержательная сторона изучаемого предмета исследования.

Сильной стороной исследования является детальный анализ отобранных примеров иконных композиций XV–XVI вв., представленных, в том числе, в хорошо атрибутированных иллюстрациях. Вместе с тем, рецензент обращает внимание, что автор игнорирует необходимость характеристики полноты сделанной им выборки («корпус памятников»). Это не является критической ошибкой, поскольку, вероятнее всего, смысл символики фигур женской святости в иконописи XV–XVI вв. оставался достаточно устойчивым, и его можно распространить на всю атрибутированию совокупность икон данного периода, содержащих изучаемые женские образы.

Предметно в статье рассмотрены: иконы Св. Николая Чудотворца, со св. Параскевой и св. Ермолаем, и житием св. Николая (первая половина XVI в.) из ГТГ, Николы Можайского, с праздниками и избранными святыми (вторая четверть — середина XVI в.) из собрания С.Н. Воробьева, Св. Николая Чудотворца, с избранными святыми (первая треть XV в.) Новгородского музея, Св. Николая Чудотворца, с Деисусом и избранными святыми (вторая половина XV в.) из ГТГ, Св. Николая Чудотворца, с Деисусом и избранными святыми (начало XVI в.) Ростовского музея, Великомученика Никиты, побивающего беса, с Деисусом и избранными святыми (вторая половина — последняя треть XV в.) из собрание Воробьевых., а также боковая дверь иконостаса «Деисус, чудо Георгия о змие, св. Никита, побивающий беса» (начало XVI в.). В целом для специалистов очевидно, что выборка эмпирического материала может считаться репрезентативной. Хотя авторское утверждение этого факта или конкретизация того, что автором рассмотрен полный корпус атрибутированных памятников существенно облегчили бы использование достигнутых автором результатов специалистам смежных направлений.

Таким образом, предмет исследования, хоть и представлен автором читателю несколько

путано рассмотрен достаточно детально на хорошем теоретическом уровне, и итоговый вывод автора о том, что «образы женской святости объединены с главной фигурой темой заступничества за православных христиан и призваны акцентировать апотропейские свойства культа представленного в среднике мирликийского святителя», хорошо аргументирован и заслуживает теоретического внимания. Заявленная цель работы достигнута.

Методология исследования, несмотря на путаницу формального характера с определением предмета исследования, хорошо фундирована опорой автора на подходы авторитетных ученых (Б. А. Успенский, А. Ю. Виноградов, И. А. Шалина и др.). Автор грамотно использует комплекс искусствоведческих (иконографический, сравнительный и семиотический анализ) и общенациональных (типология, сравнение, интерпретация) методов. В целом, за исключением указанной выше формально-логической ошибки, программа исследования хорошо представлена читателю и логично реализована. Итоговый вывод аргументирован и заслуживает доверия.

Актуальность выбранной темы автор обосновывает тем, что фигуры святых жен нередко встречаются в иконографическом составе памятников средневекового искусства православных стран, но остаются слабо изученными. Безусловно, обозначенный пробел достоин теоретического внимания особенно в контексте острой полемики вокруг отдельных гендерных вопросов.

Научная новизна исследования, выраженная в авторском анализе корпуса памятников и итоговом выводе, не вызывает сомнений.

Стиль текста в целом выдержан научный: единственное замечание касается необходимости расшифровать широко употребляемое в научном обороте сокращение (ГТГ) при первом упоминании. Структура статьи соответствует логике изложения результатов исследования.

Библиография, учитывая опору автора на анализ эмпирического материала, в достаточной мере раскрывает предметное поле, оформлена без заметных нарушений требований редакции и ГОСТа.

Апелляция к оппонентам вполне корректна и достаточна, хотя автор и не вступает в острую полемику с коллегами.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философия и культура» и после небольшой доработки с учетом замечаний рецензента может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил свою статью «Роль фигур святых жен в составе древнерусских иконных композиций XV–XVI вв. с центральным изображением святителя Николая Мирликийского и образами избранных святых», в которой проведено исследование феномена древнерусской иконописи и присущих ей характерных признаков.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что почитание святителя Николая Мирликийского было исключительно широко распространено в культуре Древней Руси, что нашло воплощение не только во множестве иконографических вариантов изображения этого святого, но и в тех оттенках смысла, которые передаются стилистическими особенностями конкретных памятников. Особый интерес для автора представляют те произведения, где в среднике дано изображение св. Николая, а на

полях – фигуры избранных святых. Такие иконы появились в Византии и получили распространение в искусстве православных стран, в том числе на Руси.

Актуальность исследования определяется необходимостью иконографического исследования произведений древнерусского религиозного искусства. Методика исследования строится на основе исторического, искусствоведческого и иконографического анализа. Теоретической основой исследования выступают труды таких российских искусствоведов как Шалина И.А., Виноградов А.Ю., Рыбаков А.А. и др. Эмпирической базой служат образцы древнерусской иконописи периода XV–XVI веков. В соответствии с поднимаемыми в статье проблемами цель исследования заключается в определении роли фигур святых жен в иконографических композициях и предложении интерпретации таких изображений на примере памятников с центральным изображением св. Николая и фигурами избранных святых на полях, где присутствуют и образы женской святости. Для достижения цели автором поставлены следующие задачи: интерпретация извода на основе иконографического метода исследования; определение роли образов святых жен в художественной культуре Древней Руси. Предметом исследования является семантика образов святых жен в составе изучаемых композиций.

На основе анализа научной обоснованности проблематики автор приходит к заключению, что, несмотря на определенный интерес к проблеме интерпретации образов женской святости в составе древнерусских икон, исследователи недостаточно активно обращались к данному аспекту темы. Детальное изучение автором данной тематики и составляет научную новизну исследования.

Автором проделан детальный художественный иконографический и композиционный анализ икон Св. Николай Чудотворец, со св. Параскевой и св. Ермолаем, и житием св. Николая (первая половина XVI в.), Никола Можайский, с праздниками и избранными святыми (вторая четверть – середина XVI в.), Св. Николай Чудотворец, с избранными святыми (первая треть XV в.), Св. Николай Чудотворец, с Деисусом и избранными святыми (вторая половина XV в.), Боковая дверь иконостаса. Деисус, чудо Георгия о змие, св. Никита, побивающий беса (начало XVI в.), Св. Николай Чудотворец, с Деисусом и избранными святыми (начало XVI в.), Великомученик Никита, побивающий беса, с Деисусом и избранными святыми (вторая половина – последняя треть XV в.).

Автор делает вывод, что все эти произведения объединяет устойчивый круг фигур немногих святых жен в составе избранных святых на нижнем поле. Они представляют композиционную параллель изображеному вверху деисусному чину. Этим подчеркивается значимость изображенных внизу святых. В это время особую важность приобретают те образы женской святости, которые ассоциируются с евангельскими событиями и темой стойкости в вере (как, например, св. Параскева Пятница), либо имеют ярко выраженные мотивы предстательства на Страшном суде (св. Екатерина). Эти аспекты почитания святых жен, бытовавшие еще в домонгольское время, соотносятся не в последнюю очередь с защитными функциями самой фигуры св. Николая, что обнаруживает глубокую символическую взаимосвязь между этими образами и фигурой мирликийского чудотворца.

В завершении автором представлены выводы по проведенному исследованию, включающие все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение иконографии определенного периода, особенностей формирования ее аутентичности представляет

несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 20 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, показал глубокие знания изучаемой проблематики, получил научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Бай Д. Китайские автобиографические документальные фильмы о самотерапии: к этике съемки // Философия и культура. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.7.71316 EDN: ZEQYJL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71316

Китайские автобиографические документальные фильмы о самотерапии: к этике съемки

Бай До

ORCID: 0009-0007-7735-720X

аспирант, кафедра истории западноевропейской и русской культуры, Санкт-Петербургский Государственный Университет

199034, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, линия Менделеевская, 5

✉ baiduorabota@163.com

[Статья из рубрики "Философия и искусство"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.7.71316

EDN:

ZEQYJL

Дата направления статьи в редакцию:

17-07-2024

Дата публикации:

24-07-2024

Аннотация: Статья посвящена автобиографическим документальным фильмам на тему самотерапии, которые стали популярны в Китае в последние три года. На примере фильмов «Светская беседа» и «Соберись перед прыжком» в статье анализируется, как режиссеры формируют характеры героев в фильмах с помощью диалогов и съемки, выстраивая образ как «жертвы семейных отношений» с целью построения сюжета самоисцеления. В статье отмечается, что режиссеры подобных фильмов часто слишком погружаются в свои собственные травмирующие переживания, вплоть до того, что используют камеру как инструмент для отстаивания их личной позиции, а не как путь к самосознанию. Они упускают из виду влияние течения времени на травмирующие воспоминания и не следят за равенством при общении со своими родителями. В результате когнитивных предубеждений режиссеров представление о травматичном

опыте в фильмах не является полностью объективным. Основываясь на теории когнитивной психологии и теории психоанализа фильма, автор статьи приходит к выводу, что обсуждение субъективности автора должно быть распространено на субъективность его когнитивной структуры, а не на персонализацию художественного выражения. Гипотезой исследования выступает предположение, что, хотя подобные документальные фильмы с субъективной перспективой могут помочь режиссеру выразить свои внутренние чувства, на деле приведенные автором аргументы являются аргументами в защиту его личной позиции. Тем самым не создается общая картина события; так, например, при кинопоказе в группе субъективная позиция автора формирует у зрителей единогласное негативное отношение к вопросу детской травмы. В статье обсуждаются перформанс, субъективность и этические проблемы, имеющие место в подобного рода фильмах. Цель статьи — выявить особенности данной «видеопрактики, входящей в сферу повседневной жизни», которые отличают ее от других нефункциональных повествовательных практик. В статье раскрываются методы документального фильма, позволяющие преодолеть разрыв между репрезентацией фильма и фактической реальностью.

Ключевые слова:

автобиографический документальный фильм, китайский документальный фильм, режиссерская субъективность, самоисцеление, семейная травма, съемочное поведение, самосхема, перформанс, рефлексия, интерсубъективность

После того как фильм «Марш Шермана» (1986, США, реж. Росс Макэлви, 155 мин.) был удостоен приза Большого жюри на кинофестивале «Сандэнс» 1987 года, автобиографические документальные фильмы с повествованием от первого лица стали важным жанром документального кино. С развитием цифровых технологий и сетевых платформ СМИ автобиографические документальные фильмы вступили в период своего расцвета. Новые технологии привели не только к появлению новых форм неигрового киноизображения, но и к формированию новых коллективных идентичностей.

В Китае автобиографические документальные фильмы возникли на рубеже XX и XXI веков, но им не уделялось достаточного внимания. Однако с 2016 года, также благодаря развитию цифровых технологий и сетевых платформ, они стали основным видом творческой деятельности для начинающих китайских режиссеров и кинолюбителей. И теперь на международных кинофестивалях, включая Берлинский международный кинофестиваль, кинофестиваль «Сандэнс» и Амстердамский международный фестиваль документального кино, можно увидеть большое количество китайских автобиографических документальных фильмов. В 2022 году в Китае появились два мастер-класса, посвященные автобиографическим документальным фильмам, для помощи желающим в их создании.

Работы, которые можно увидеть на кинорынке, имеют следующие общие черты: они, как правило, обсуждают семейную травму режиссеров, зачастую построены в кризисной повествовательной структуре «поднять проблему — решить проблему», а монологи, автобиографии и старые семейные фотографии выступают очевидными элементами их формы. Благодаря преимуществу рассказа истории от первого лица эти фильмы настолько притягательны и убедительны и часто вызывают у зрителя такие сильные эмоции, что теоретические исследования чаще всего остаются лишь вспомогательными, поскольку рациональность при просмотре и исследований этих фильмах нередко

отсутствует. При изучении подобных фильмов основные внимания часто сосредоточены либо на литературном отображении личной истории режиссера, либо на восхвалении автобиографического документального фильма за его формальное новаторство по отношению к традиционным документальным практикам, а также за смелость в публичном раскрытии личной жизни.

Но имеющиеся исследования часто упускают из виду меняющийся фон съемки в этих фильмах, их интертекстуальные связи с социальными тематиками, а также классические проблемы документалистики, такие как перформанс, субъективность и риторика, когда речь идет о вмешательстве в повседневную жизнь посредством личных видеопрактик.

Как будто если режиссер появляется в фильме в роли жертвы, то малейшее сомнение в его утверждениях скорее похоже на злонамеренную спекуляцию со стороны исследователя. Однако, как говорит Лаура Раскароли в своем исследовании субъективных фильмов, интерпретация таких фильмов заключается не в интерпретации их текстов, а в режиссерском «акте съемки» [\[1\]](#). Это подтверждает смелость данного исследования в постановке вопроса о субъективности режиссера и цели его съемок.

В рамках традиционной теории документального кинорежиссер всегда изучался как элемент, принадлежащий к символическому порядку фильма. Будь то модель перформанса, новый документальный фильм или, ранее, бунтарская рефлексивная модель, субъективность режиссера часто обсуждается только в контексте эстетики с точки зрения способа репрезентации. Похоже, что режиссер реализовать свою субъективность в лучшем случае может только путем творческой обработки реальности, но при этом он никогда не выходит за рамки установленных правил документалистики.

Но когда начинающие режиссеры утверждают, что «вводят камеру в повседневную жизнь» и «превращают ее в средство для раскрытия жизни», то необходимо рассматривать субъективность режиссера в других контекстах, указывая на право голоса, подразумеваемое в «акте съемки». Кроме того, следует признать, что субъективность режиссеров напрямую влияет на их понимание методов и функций камеры. Поэтому обсуждение субъективности режиссера недостаточно проводить, выделяя ее по критерию истинности или ложности, необходимо углубляться в мотивы, цели и намерения, стоящие за ней. Поскольку здесь речь идет уже о моралистическом выборе, основанном на кантовской этике [\[2\]](#).

Ретроспектива изучения «я» (self) может помочь более полно раскрыть личность и намерения режиссера. Существует два основных контрагента «я» в английском языке — «эго» (ego) и «сам» (self) соответственно [\[3; с. 363\]](#). Изучение «я» можно проследить до конца XVIII века. Кант отличал эмпирическое «я» (empirical self) как объект или предмет (object) от чистого «я» (pure ego) как агента (agent). У. Джеймс в 1890 году в своей книге «Принципы психологии» разделил «самость» на объектное «я» (self as known, me) и субъектное «я» (self as knower, I) [\[4; с. 352\]](#). Он подчеркивает «ответственность субъектного «я» за построение объектного «я»» [\[3; с. 364\]](#). В 1895 году Фрейд ввел понятия «ид», «эго» и «суперэго» для описания частей личности [\[5\]](#). Однако из-за доминирования в психологии бихевиористских взглядов с 1920-х по 1950-е годы для проведения эмпирических исследований психологи обычно считали природу субъектного «я» (I-self) неопределимой и вместо этого сосредоточили свой интерес на изучении измеримого объектного «я» (me-self). Субъектное «я» было оставлено философам и религиоведам. Только в начале 1970-х годов, после того как когнитивная революция пришла на смену бихевиоризму, внутренним психологическим процессам «я» стали

придавать большое значение [\[4; с. 355\]](#).

На этом этапе разные психологи подходили к понятию «я» с разных точек зрения, используя разные термины. В 1977 году Х. Маркус ввела понятие «самосхема» (self-schemata), которая отличается от самоконцепции (self-concept) как пассивной структуры, состоящей из описательной информации о собственном «я» индивида [\[6\]](#). Самосхемы — это когнитивные структуры, основанные на прошлом опыте и являющиеся активной обработкой информации о себе [\[4; с. 408\]](#).

В своей рецензии на фильм «Выслеживая Мэгги: неофициальная биография Маргарет Тэтчер» (1994, Великобритания, реж. Ник Брумфилд, 87 мин.) британский киновед Стелла Бруцци указывает на интересное различие между Ником Брумфилдом — режиссером и Ником Брумфилдом — актером [\[7\]](#). Поэтому изучение автобиографических документальных фильмов должно быть направлено на изучение режиссерского эго, которое является настоящим режиссером, представленным вне текста, и на изучение режиссерского восприятия событий. Это то, о чем упоминала Лаура Раскароли: глубина фильма во многом зависит от личного видения режиссера [\[1\]](#). Поэтому субъективность режиссера автобиографического документального фильма отличается от эстетической субъективности режиссера в рамках документального фильма в традиционной исследовательской перспективе. Субъективность в автобиографических документальных фильмах — это когнитивно-поведенческие паттерны режиссера. Восприятие режиссера влияет на его киномышление, в конечном итоге образуя содержание, форму и ценности фильма, которые воспринимают зрители.

Тема самотерапии стала популярной в автобиографических документальных фильмах в Китае с 2017 года. Фильмы «Светская беседа» (2016, Тайвань, Китай, реж. Хуан Хуэй-Чэнь, 88 мин.) и «Соберись перед прыжком» (2018, США, реж. Лю Бин, 93 мин.), представленные на международных кинофестивалях, побудили молодых режиссеров последовать их примеру. Режиссерами фильмов данного жанра обычно являются люди, получившие в детстве психологическую травму в семье. Жертвы семейных отношений становятся их самосхемой. И в фильме они постоянно проявляют жалость к себе. Такие фильмы всегда начинаются с непримиримой конфронтации между матерью и режиссером, и каждый из них наращивает конфликт до вершины через сложные повествовательные напряжения, а в финале конфликт завершается примирением.

Режиссеры используют диалоги и документальные материалы, включая старые семейные фотографии и видео, снятые другими членами семьи, а кроме того, свои собственные воспоминания, чтобы изобразить себя и своих матерей перед зрителями. Они пытаются представить и разрешить семейную травму драматическим способом, тем самым завершая самоисцеляющий маршрут.

К примеру, фильм «Соберись перед прыжком» построен на основе диалогов. Его режиссер Лю Бин для создания своего имиджа и имиджа родителей использует диалоги с остальными участниками. Стратегия диалогов Лю с тремя персонажами второго плана выстраивается обычно следующим образом: вначале он упоминает о семейном конфликте собеседника, а когда тот не хочет говорить об этом, он неожиданно начинает рассказывать о своих семейных конфликтах, пытаясь спровоцировать собеседника на откровенный разговор. Но его собеседники в настоящем времени уже примирились с неприятным опытом, или этот опыт не настолько неприятен, как думает Лю. Они не испытывают тех же чувств, что сохранились у режиссера в настоящем времени. А Лю продолжает побуждать их к диалогу своим рассказом о собственном опыте. В этот момент

трудно определить: режиссер проявляет эмпатию к ним и хочет рассказать их историю или, по сути, намеревается манипулировать собеседниками для достижения своих целей. Например, он использует слова Кира Джонсона и своего брата для озвучивания эмоций после того, как они пережили домашнее насилие, — «ненависть» (hate), «гнев» (anger). Эти слова, характеризующие отношение к родителям, произносятся самим Лю только один раз, а работу по повторению и усилению данных слов выполняют в фильме главные персонажи второго плана. Более того, сам Лю использует совсем другие слова — «боль» (pain) и «жалоба» (complain). Он скрывает свое негативное отношение к матери, представляя себя совершенно бессильной и беззащитной жертвой. А в то же время, он превращает героев второго плана в своих помощников, заимствует их слова, чтобы намекнуть зрителям на их эмоции, и завершает обвинение против своей матери. И всякий раз, когда Лю вдруг упоминает о своем опыте домашнего насилия, это неизбежно вызывает у его слушателей ошеломление и сочувствие.

Диалог — ключевое звено автобиографических документальных фильмов, где зрителям демонстрируются конфликты в отношениях между матерью и режиссером. Эпизоды с диалогами имеют высокую эмоциональную привлекательность. Однако существует различие между интервью и разговором с точки зрения дискурсивной власти. «Разговор как вид искусства следует правилам естественного возникновения, и темы поддерживаются или меняются благодаря сотрудничеству между собеседниками» [8]. Большинство современных автобиографических фильмов выглядят на первый взгляд как исследование прошлого через общение героя с матерью, но, строго говоря, такие беседы организованы в форме интервью и мало похожи на сцены из жизни, где диалоги случайно попадают в кадр. То есть режиссер вырывает героя из потока его повседневной жизни и помещает перед камерой специально для разговора. Поэтому большинство диалогов в нынешних фильмах не являются естественными, а содержание разговора не направляется обоими собеседниками — это спектакль, заранее спланированный режиссером. Зрители могут заметить, что режиссер, вспоминая о травмирующем событии, наталкивается на стену непонимания: его мать или вообще не помнит, что произошло, или озвучивает свое восприятие данного события. Подобная реакция еще больше усиливает дихотомию между образом обиженного режиссера, который долгое время был подавлен в семье, и образом некомпетентных родителей, которые игнорируют чувства своих детей. Об этом свидетельствует и фильм «Тысячелетний жук» (2022, Китай, реж. Ян Юйе, 55 мин.), показанный на кинофестивале «Матери» в 2022 году.

На самом деле режиссеры подобных фильмов приглашают матерей не к совместному разговору, а к завершению ВиО (вопросов и ответов, Q&A). Ответ матери правilen, по мнению режиссеров, только в том случае, когда он соответствует их схеме жертвы. Именно тогда мать удовлетворяет схеме идеальной матери. Таким образом, несмотря на то что конфликт матери и сына является реальным фактом из жизни, представленный в фильме он, по сути, оказывается результатом режиссерской стратегии. Неудовлетворенность у зрителей возникает вследствие того, что мать не отвечает герою или не реагирует правильно, чтобы удовлетворить режиссерскую схему. Это обусловлено тем, что с самого начала фильма зритель входит в ситуацию с точки зрения режиссера и составляет с ним единство.

Режиссеры автобиографических фильмов заявляют, что используют съемки как образ жизни, для того чтобы открыть новые перспективы в отношениях с матерями, но на протяжении большей части фильма неоднократно описывают боль из прошлого. В своем «принуждении к повторению» они показывают погружение в боль и скрывающийся за

ним «принцип удовольствия» [9]. Таким образом, прошлое оказывается не только архивом памяти режиссера, но и материалом и временной формой фильма. Режиссер гибко использует этот материал, так же как и «смещение» в работе сновидения: он может извлечь любой фрагмент, который ему запомнился. Поэтому, когда режиссер берет интервью у матери, он наделяет себя правом решать, о чем говорить. Мать приглашается в данном случае только для того, чтобы ответить на вопросы установленной режиссером сюжетной линии. Он прекрасно знает, что ответит мать, а мать без всякого умысла сотрудничает с режиссером в завершении постановки «извинения» в «схеме лечения». После длительного напряжения конфликта матери и сына проблема разрешается внезапно и окончательно сразу после того, как мать извиняется перед сыном. В большинстве фильмов с «Светской беседой» и «Соберись перед прыжком» в качестве референса, когда конфликт повествования достигает вершины режиссер выстраивает сцену диалога. Он сталкивается с матерью, пересчитывая все обиды прошлого. Мать извиняется перед ним, и годы психологической боли, которую испытывал режиссер, мгновенно забываются — фильм заканчивается хеппи-эндом.

Д. Лакапра утверждает, что объективность репрезентации травмы тесно связана с психологическим расстоянием между описанием травматических событий и самого события. Ни слишком близкое расстояние от события (что только воссоздает психологическую динамику в момент травмы), ни слишком далекое (когда травматик отдает предпочтение правилам литературного письма) не может воспроизвести травматическое событие [10]. Объективность репрезентации травмы также связана с выбором языка со стороны режиссера, в частности выбирает ли он риторический или буквальный язык. Выбор языка разных стилей отражает уникальную режиссерскую идею о травме и воспроизведстве травмы [11].

Режиссеры постоянно обращаются к прошлому, что является подтверждением клинической особенности повторного вторжения травмы в память и результатом принятия ими аналитической мысли, проповедуемой Фрейдом, чтобы объяснить настоящее с помощью интерпретации прошлого. Некоторые режиссеры, даже рассуждая с аудиторией спустя годы о своей прежней работе, сохраняют последовательное понимание своих матерей и их травм. Стоит ли удивляться, что травматическое «я» [12] стало определенной частью их личности и что дистанция от прошлого «я», порожденная временем, не вызвала никаких изменений в восприятии режиссерами своих матерей и своих нынешних «я». Так удовлетворили ли съемки этих произведений желание режиссера познать мир во всей его полноте, или они выполнили некое фантазийное разрешение его желания? Съемочный акт новых режиссеров лежит между дедуцированием в воображаемом мире собственной травмы и соблюдением символического порядка нарративного произведения. Что такое истинное понимание? Это возможность для документальных фильмов углубить познания в области философии. На самом деле самоописание, осуществляемое камерой, способно дать новое самопознание, создать объективную перспективу при выражении субъективных чувств, а также создать новые текстуальные формы.

Почему человек решил продемонстрировать свою травму на публике посредством съемки, а не держать ее в дневнике, втайне от всех? Этот выбор тесно связан с популярностью средств массовой информации в данный конкретный момент. Но в отличие от записей в дневнике «написание» камерой является одновременным и присутствующим, а не последующим. И поскольку текст создается при участии других людей на съемочной площадке рядом с режиссером, его перспектива является более

полной (это происходит, когда режиссер не так зациклен на предпосылках своего эго). Продолжительность производственного процесса более длительная, и события, подлежащие съемке, можно рассматривать многократно в рамках комплексной перспективы. Таким образом, вмешательство съемки в жизнь предоставляет режиссеру возможность рефлексии. Основа этой рефлексии заключается в осознании режиссером того факта, что камера позволяет «отдалиться от себя», в осознании «настоящего времени» при записи камеры и появлении интеробъективности по отношению к своим субъектам.

Например, короткометражный документальный фильм режиссера-любителя «Диалог» (2022, Китай, реж. Шэнь Янь, 16 мин.) был показан на семинаре FamilyLens, организованном режиссером Гу Сюэ в июне 2022 года. Несмотря на то что фильм снят не с точки зрения жертвы-ребенка, а с точки зрения матери, Шэнь тем не менее достигла эмоциональной и позиционной трансценденции над собственной субъективностью. В одном из эпизодов фильма Шэнь и ее дочь просматривают кадры из предыдущего съемочного дня, и вдруг дочь раздражается и говорит: «Мама, ты меня не любишь». Вместо того чтобы превратить текущую съемку в площадку для самооправдания, Шэнь, попереживав, начинает расспрашивать дочь, почему она так считает. Дочь указывает на экран компьютера и говорит: «Ты меня здесь не любишь». Атмосфера в фильме становится напряженной и выпрыгивает из темы, которую Шэнь намеревалась передать: сидя дома в изоляции из-за эпидемии и проводя время с дочерью, она не понимает, почему дочери так трудно выполнять домашние задания. Фильм на мгновение прерывается, и ставится под сомнение мощный аргумент, который приводил режиссер, чтобы доказать, что заниматься с дочерью домашним заданием — это очень сложно. Хотя Шэнь чувствовала себя уязвленной тем, что дочь ее неправильно поняла и обвинила в нелюбви к ней, она впоследствии внимательно посмотрела ролик, на который та указала, и вспомнила, почему дочь так решила. Шэнь превращает это неожиданное событие, не связанное с первоначальной нитью повествования, в новую тему для размышлений и снимает на камеру процесс поиска, что придает фильму аутентичную и по-настоящему саморефлексивную форму. Шэнь начала искать собственные проблемы, ничего не доказывая и не наряжаясь в образ идеальной матери, и «рефлексия себя» возникает в процессе съемок и монтажа, где камера является инструментом для открытия чего-то нового, а не оружием для защиты режиссерского эго. Процесс рефлексии вмонтирован в фильм, что, естественно, обогащает структуру повествования, а взаимодействие между экранами (монитора компьютера и камеры) создает насыщение времени и пространства фильма.

Стоит отметить, что есть и другие режиссеры, которые пытаются вырваться из ограничений своего собственного эго. Однако фильмы с такой спецификой — достаточно редкое явление среди современных самотерапевтических документальных фильмов. Сравнение фильмов с указанной спецификой с остальным большинством позволяет глубже понять, что когнитивная структура режиссера влияет на видение и съемку, а затем непосредственно формирует текст фильма. Поэтому только тогда, когда режиссер признает динамику времени, вместо того чтобы погрузиться в твердую веру в виктимность, когда он осмеливается ослабить контроль над правом на речь, он позволяет себе стать объектом взаимодействия других персонажей, а также позволяет зрителю увидеть его многогранную и сложную природу и открывает тему, а не замыкается в рамках собственной перспективы. Только таким образом «акт съемки» может превратиться в инструмент вмешательства в отношения и привести к подлинному самоисцелению, и только таким образом фильм может стать путем к реальной гармонии между людьми, а не платформой для создания более антагонистических идеологий.

Библиография

1. Раскароли Л. Личная камера: субъективное кино и фильм-эссе // Лондон и Нью-Йорк: Wallflower press. 2009.
2. Чжан Пэн. Холокост и кризис исторической репрезентации: к этике написания // Культурные исследования. 2021. № 9. С. 244. 章朋. 纳粹大屠杀与历史的表征危机——走向一种书写伦理学. 文化研究[J], 2021年9月:244.
3. Ван Имин, Цзинь Юй. Анализ отношений между двумя концепциями самости (эго и самость) // Психологической науки. 2001. № 3. С. 363–364. 王益明, 金瑜. 两种自我(ego和self)的概念关系探析. 心理科学[J], 2001年第三期: 363-364.
4. Ларсен Р. Дж., Бусс, Д. М. Психология личности: Домены знаний о природе человека. // перевод Го Ю. Ю. Пекин: Народная почта и телекоммуникационная пресса. 2011. 2-е изд. С. 408.
5. Хуан Ситин, Ся Линьсян. Об эго в личности // Шэньсийского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). 2004. № 3. С. 108. 黄希庭, 夏凌翔. 人格中的自我问题. 陕西师范大学学报(哲学社会科学版) [J], 2004年3月:108.
6. Браун Дж. Д. The Self // перев. с англ. Чэнь, Х. К. Пекин: Народная почта и телекоммуникационная пресса. 2004. С. 97.
7. Tangled Tea. Импульс «материнского убийства», стоящий за «Зависимостью»: я бы хотел, чтобы у камеры было что-то вроде оружия // O-Convex Mirror DOC: [сайт]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/J7-AZXZ5OXorfxny56sSjw> (дата обращения: 28.02.2024). 纠结的茶.《瘾》背后的“弑母”冲动:我希望摄像机有种武器的成分存在. 凹凸镜DOC,2020年7月28日.
8. Лакофф Г., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем // London: University Of Chicago Press. (2003) - Цит. по: Бергер А. А. Нarrативы в популярной культуре, медиа и повседневной жизни. Нанкин: Издательство Нанкинского университета, 2006, С. 185-186.
9. Хорни К. Д. Новые пути в психоанализе // Шанхай: Илинь. 2016. С.101.
10. ЛаКапра Д. Писать историю, писать травму // Балтимор: Johns Hopkins University Press. 2001.
11. Ши Яньлин. Воспроизведение, память и восстановление: Три аспекта исследований теории травмы в Европе и Америке // Ланьчжоуский университет (социальные науки). 2011(3). Том 39 (2), С. 132–138. 师彦灵. 再现、记忆、复原——欧美创伤理论研究的三个方面. 兰州大学学报(社会科学版)[J], 第39卷第2期,2011年3月: 132-138.
12. Лифтон Р. Дж. Протеиновая самость: Устойчивость человека в век фрагментации // Нью-Йорк: Бейсик, 1993. С. 137.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философия и культура» статье под заголовком «Автобиографические документальные фильмы о самотерапии: понимание режиссера, приемы риторики и критерии истинности», по всей вероятности, является психологическая специфика содержания документальных фильмов в жанре автобиографической самотерапии («самотерапических фильмов»). Автор, к сожалению, конкретно не сформулировал предмет своего интереса, указав на него перечислением ряда категорий, так или иначе раскрывающих само-схему самотерапических фильмов (когнитивную структуру, основанную на прошлом опыте и являющуюся активной обработкой информации о себе): понимание режиссера, приемы

риторики и критерии истинности. Наверно, можно было бы сформулировать, что предметом исследования автор выбрал типичную для анализируемого кинодокументального жанра психологическую самосхему режиссера. Впрочем, ввиду отсутствия мнения автора на этот счет во введении статьи, читателю приходится догадываться, что именно автор изучал в своем исследовании вплоть до итоговых выводов, где, наконец, автор заявляет: «Сравнение фильмов с указанной спецификой с остальным большинством позволяет глубже понять, что когнитивная структура режиссера влияет на видение и съемку, а затем непосредственно формирует текст фильма». Впрочем, такую почти детективную интригу скорее можно отнести к стилистическому преимуществу статьи и не следует считать критической формальной ошибкой, поскольку автор последовательно знакомит читателя со спецификой объекта исследования, раскрывает методологические основания решения научно-познавательных задач (психологические), а за тем на примере психолого-герменевтического анализа конкретного эмпирического материала (репрезентативной выборки «самотерапевтических фильмов» китайских кинодокументалистов) раскрывает указанные в заголовке статьи аспекты психологической специфики содержания документальных фильмов в жанре автобиографической самотерапии (понимание режиссера, приемы риторики и критерии истинности). Следует отметить, что описанные «критерии истинности», скорее являются условиями, при которых можно достичь задекларированную цель жанра (самотерапию), т. е. при которых фильм подобного жанра можно отнести к психологической само-схеме режиссера, способной действительно оказать положительное терапевтическое воздействие. В других случаях, хотя автор прямо и не заявляет этого, «самотерапевтические фильмы», по существу, являются психологической манипуляцией и зрителем, и реальным персонажем фильма, которого режиссер заставляет публично извиняться по далеко не всегда реально обоснованному поводу. Рецензент подчеркивает, что автор не акцентировал внимания читателя, что предмет травмы зритель подобных фильмов вынужден воспринимать исключительно на веру, доверяя режиссеру без каких-либо веских доказательств. Сам жанр не предполагает сомнений, что виновник травматического события определен и должен обязательно в итоге признать себя виновным. Иначе, якобы, не случится чудесное исцеление травмированной особы. Но и чудесное исцеление в форме практически постановочного хеппи-энда — лишь желаемое событие, которое способно оказать действительный терапевтический эффект при соблюдении перечисленных автором статьи условий.

Таким образом, предмет исследования, хоть и не формализован в вводной части статьи, раскрыт на высоком теоретическом уровне, и представленная статья заслуживает публикации в авторитетном научном журнале.

Методология исследования хорошо фундирована путем экскурса в развитие психологии самости. Автор кратко проанализировал основные этапы становления научно-психологических концепций «я», «эго», «сам» и установил различия «само-концепции», отличающейся статичностью представлений о минувшем, и «само-схемы», являющейся динамичной терапевтической когнитивной моделью самовосприятия и само-конструирования. В целом, выбранный психологический ракурс, подкрепленный анализом специфики кинодокументального творческого процесса автобиографических фильмов, релевантен решаемым в исследовании научно-познавательным задачам. Предложенные автором «критерии истинности» (условия терапевтического эффекта) могут рассматриваться как в качестве своего рода рекомендаций по самотерапии посредством кинодокументалистики, как и в качестве аналитической схемы герменевтики содержания самотерапевтических фильмов.

Актуальность выбранной темы автор пояснил тем, что китайская кинодокументалистика

переживает пик популярности фильмов проанализированного в статье жанра, что подтверждается в рамках международного фестивального движения.

Научная новизна исследования, заключающаяся в предложенных автором «критериях истинности» самотерапевтической кинодокументалистики, заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста в целом выдержан научный, хотя рецензент рекомендует сформулировать точнее ряд высказываний: «поскольку рациональность при просмотре и исследований этих фильмах нередко отсутствует», «При изучении подобных фильмов основные внимания часто сосредоточены...», «В рамках традиционной теории документального кинорежиссер всегда изучался как элемент, принадлежащий к символическому порядку фильма», «когда травматик отдает предпочтение правилам литературного письма», «достаточно редкое явление среди современных самотерапевтических документальных фильмов»).

Структура статьи хорошо раскрывает логику изложения результатов научного поиска.

Библиография раскрывает проблемное поле исследования, но оформлена без учета требований редакции и ГОСТа (согласно ГОСТу описания приводятся на языке описываемого источника, если же автор из свои соображений считает необходимым представить русскому читателю русскоязычный перевод источника, то это делается как дополнительный элемент описания в квадратных скобках).

Апелляция к оппонентам вполне корректна и достаточна. Автора аргументировано участвует в актуальной теоретической дискуссии.

Статья, безусловно, представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философия и культура» и после небольшой доработки может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет статьи «Китайские автобиографические документальные фильмы о самотерапии: к этике съемки» - этические проблемы, возникающие в ходе создания китайских автобиографических документальных фильмов о самотерапии.

Методология исследования разнообразна и включает сравнительно-исторический, аналитический, описательный и др. методы.

Актуальность статьи необычайно велика, особенно в свете возросшего интереса современного научного сообщества к истории и культуре Востока, в т.ч. киноискусству. Добавим, что существует дефицит исследований, посвященных искусству кино, и исследователь восполняет этот пробел.

Научная новизна работы также не вызывает сомнений, равно как и ее практическая польза. Статья продолжает ряд исследований, начатых автором, что позволяет всесторонне охватить изучаемую тему.

Перед нами – небольшое, но вполне достойное научное исследование, в котором стиль, структура и содержание полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к статьям такого рода. Оно отличается обилием полезной информации и важными выводами.

Остановимся на ряде положительных моментов. Во введении автор отмечает: «В Китае автобиографические документальные фильмы возникли на рубеже XX и XXI веков, но им не уделялось достаточного внимания. Однако с 2016 года, также благодаря развитию цифровых технологий и сетевых платформ, они стали основным видом творческой

деятельности для начинающих китайских режиссеров и кинолюбителей. И теперь на международных кинофестивалях, включая Берлинский международный кинофестиваль, кинофестиваль «Сандэнс» и Амстердамский международный фестиваль документального кино, можно увидеть большое количество китайских автобиографических документальных фильмов. В 2022 году в Китае появились два мастер-класса, посвященные автобиографическим документальным фильмам, для помощи желающим в их создании».

«Работы, которые можно увидеть на кинорынке, имеют следующие общие черты: они, как правило, обсуждают семейную травму режиссеров, зачастую построены в кризисной повествовательной структуре «поднять проблему — решить проблему», а монологи, автобиографии и старые семейные фотографии выступают очевидными элементами их формы. Благодаря преимуществу рассказа истории от первого лица эти фильмы настолько притягательны и убедительны и часто вызывают у зрителя такие сильные эмоции, что теоретические исследования чаще всего остаются лишь вспомогательными, поскольку рациональность при просмотре и исследований этих фильмах нередко отсутствует», — подчеркивает исследователь. В ходе работы он делает важное заключение: «Ретроспектива изучения «я» (self) может помочь более полно раскрыть личность и намерения режиссера. Существует два основных контрагента «я» в английском языке — «эго» (ego) и «сам» (self) соответственно [3; с. 363]. Изучение «я» можно проследить до конца XVIII века. Кант отличал эмпирическое «я» (empirical self) как объект или предмет (object) от чистого «я» (pure ego) как агента (agent). У. Джеймс в 1890 году в своей книге «Принципы психологии» разделил «самость» на объектное «я» (self as known, me) и субъектное «я» (self as knower, I) [4; с. 352]. Он подчеркивает «ответственность субъектного «я» за построение объектного «я»» [3; с. 364]. В 1895 году Фрейд ввел понятия «ид», «эго» и «суперэго» для описания частей личности [5]. Однако из-за доминирования в психологии бихевиористских взглядов с 1920-х по 1950-е годы для проведения эмпирических исследований психологи обычно считали природу субъектного «я» (I-self) неопределенной и вместо этого сосредоточили свой интерес на изучении измеримого объектного «я» (me-self). Субъектное «я» было оставлено философам и религиоведам. Только в начале 1970-х годов, после того как когнитивная революция пришла на смену бихевиоризму, внутренним психологическим процессам «я» стали придавать большое значение [4; с. 355].

На этом этапе разные психологи подходили к понятию «я» с разных точек зрения, используя разные термины. В 1977 году Х. Маркус ввела понятие «самосхема» (self-schemata), которая отличается от самоконцепции (self-concept) как пассивной структуры, состоящей из описательной информации о собственном «я» индивида [6]. Самосхемы — это когнитивные структуры, основанные на прошлом опыте и являющиеся активной обработкой информации о себе».

Исследователь верно характеризует такие фильмы: «Режиссеры используют диалоги и документальные материалы, включая старые семейные фотографии и видео, снятые другими членами семьи, а кроме того, свои собственные воспоминания, чтобы изобразить себя и своих матерей перед зрителями. Они пытаются представить и разрешить семейную травму драматическим способом, тем самым завершая самоисцеляющий маршрут».

Библиография исследования обширна, включает основные, в т.ч. иностранные, источники по теме, оформлена корректно.

Апелляция к оппонентам достаточна и сделана на достойном профессиональном уровне. Выводы, как мы уже отмечали, сделаны серьезные и обширные: «Стоит отметить, что есть и другие режиссеры, которые пытаются вырваться из ограничений своего собственного эго. Однако фильмы с такой спецификой — достаточно редкое

явление среди современных самотерапевтических документальных фильмов. Сравнение фильмов с указанной спецификой с остальным большинством позволяет глубже понять, что когнитивная структура режиссера влияет на видение и съемку, а затем непосредственно формирует текст фильма. Поэтому только тогда, когда режиссер признает динамику времени, вместо того чтобы погрузиться в твердую веру в виктимность, когда он осмеливается ослабить контроль над правом на речь, он позволяет себе стать объектом взаимодействия других персонажей, а также позволяет зрителю увидеть его многогранную и сложную природу и открывает тему, а не замыкается в рамках собственной перспективы. Только таким образом «акт съемки» может превратиться в инструмент вмешательства в отношения и привести к подлинному самоисцелению, и только таким образом фильм может стать путем к реальной гармонии между людьми, а не платформой для создания более антагонистических идеологий». На наш взгляд, статья будет иметь большое значение для разнообразной читательской аудитории - психологов, режиссеров, студентов и педагогов, историков, искусствоведов и т.д. а также всех тех, кого интересуют вопросы психологии, киноискусства и международного культурного сотрудничества.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Бабич В.В. Нarrативная идентичность: между онтологией и эпистемологией (опыт XX века) // Философия и культура. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.7.43834 EDN: QGLPBB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43834

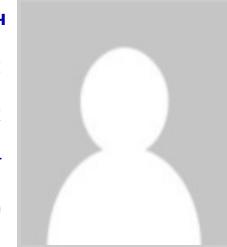
Нarrативная идентичность: между онтологией и эпистемологией (опыт XX века)**Бабич Владимир Владимирович**

ORCID: 0000-0001-8537-9782

кандидат философских наук

доцент кафедры истории и философии науки, Томский государственный педагогический университет

634061, г. Россия, Томская область, г. Томск, ул. Киевская, 60

✉ v.v.babich@gmail.com

[Статья из рубрики "Онтология: бытие и небытие"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2024.7.43834

EDN:

QGLPBB

Дата направления статьи в редакцию:

18-08-2023

Аннотация: Рассматривается эпистемологический и онтологический аспект «интерпретации» в структуре нарративной идентичности. Предложена модель репрезентации структуры нарративной идентичности в виде герменевтической спирали. Анализируется проблема значения нарратива для человеческого существования с точки зрения двух противоположных позиций. Первой, утверждающей, что нарратив – это «когнитивный инструмент», посредством которого ретроспективно конструируется значимый порядок, фальсифицирующий истинную природу опыта существования субъекта. Анализ данной точки зрения опирается на традицию критики нарративности сформированной такими философами как Артур Данто, Луис Минк, Хейден Уайт и Питер Стросон, концептуализирующих нарратив в качестве «когнитивного инструмента». Противоположной позицией выступает философский взгляд на нарратив как на онтологическую категорию, характеризующую особый способ бытия человека. Анализ нарратива в качестве конститутивного элемента человеческого существования опирается на традицию герменевтического метода, работы Поля Рикёра и Чарльза

Тейлора. Утверждается, что опыт человеческого существования несводим исключительно к нарративности, однако это не противоречит тому, что нарративные интерпретации опыта играют конститутивную роль в существовании человека. Формируется вывод о том, что важным элементом для понимания онтологического значения нарратива является тот факт, что нарративные интерпретации оказывают реальное влияние на наше существование в мире: они позволяют конструировать нашу самость, принимают участие в создании интерсубъективного мира и влияют на то, как мы взаимодействуем с другими. С эмпирической точки зрения это означает, что интерпретации имеют реальные, материальные, мирообразующие последствия. Исследователи, которые отрицают способность нарративов конституировать человеческое существование, рассматривают значение и роль (само-)интерпретации с точки зрения антиреализма и придерживаются онтологического предположения о том, что существует опыт понимания реальности, который не зависит от человеческой способности придания смыслов и значений.

Ключевые слова:

нарративная идентичность, герменевтическая спираль, нарратив, интерпретация, опыт, реализм, антиреализм, герменевтика, экзистенциализм, самость

Введение

По мере того, как изучением нарративов занимается все больше дисциплин, формируется множество мнений о том, что такое нарративы, как они связаны с существованием человека и почему они важны для нас. Несмотря на множественность методологических подходов к анализу нарратива, большинство исследователей согласны с тем, что нарратив не просто повествует о том, что происходило, но выявляет или создает значимые связи между событиями и опытом их переживания, тем самым делая их понятными [18, 24, 21]. В попытке прояснить данный тезис философы разделились на тех, кто понимает нарратив в первую очередь как когнитивный инструмент для конструирования значимого порядка, эксплицирующего опыт человеческого существования (Хейден Уайт, Луи Минк, Дэниел Деннетт, Питер Стросон), и тех, кто рассматривает его в качестве онтологической категории, характеризующей особый способ бытия человека в мире (Поль Рикёр, Чарльз Тейлор, Алasdер Макинтайр). Проблема значения нарратива для человеческого существования является неотчуждаемой частью спора этих двух позиций и предполагает прояснение вопроса о том, что вообще считается реальным и какой онтологический статус отводится личному повествованию, формирующему нарративную идентичность.

Переплетение эпистемологического и онтологического

Важной вехой формирования эпистемологического восприятия нарратива являются дебаты, начатые такими философами истории, как Артур Данто, Луис Минк и Хейден Уайт, которые утверждали, что исторические повествования ретроспективно проецируют нарратив на события. Данто понимал нарратив как «объясняющий рассказ», целью которого является убедить слушателя в чем-то, поэтому он сопровождается эмоциональной нагруженностью [7, с. 194]. Минк утверждал, что «Истории не проживаются, но рассказываются. Жизнь не имеет начала, середины и финала» [25, с. 60]. По его мнению, нарратив есть видение исторических событий и обстоятельств,

«сводящее» всех их вместе в едином мысленном постижении [26]. Нarrатив рассматривается в качестве когнитивного инструмента, наделяющего референциальностью наши истории о мире и себе. По мнению Уайта, «ценность, придаваемая нарративности в репрезентации реальных событий, возникает из желания, чтобы реальные события отображали связность, целостность, полноту и завершенность жизни, которые есть и могут быть только воображаемыми» [34, с. 23]. Данные высказывания предполагают, что нарратив проецирует ложный порядок на хаос человеческого существования, поэтому он не может рассматриваться в качестве онтологической категории.

Эпистемологический подход к анализу нарратива предлагает восприятие нарратива в качестве формы знания о мире и нашем существовании в нем. Данто, Минк и Уайт признают, что нарративы играют важную роль в осмыслиении реальности, но в то же время утверждают, что существует более глубокий уровень, на котором человеческое существование воспринимается как непосредственная данность, поток реального опыта, который носит неповествовательный характер.

Позиция, согласно которой нарратив — это всего лишь «когнитивный инструмент», позволяющий нам примириться с беспорядком реальности, не является онтологически нейтральной: она основана на определенной концепции природы реальности как ненарративного потока событий, на который проецируется значимый порядок. Это онтологическое допущение лежит в основе, аргумента Питера Стросона, который утверждает, что самость состоит из последовательности непосредственно данных моментов и что все процессы самоинтерпретации, которые человек пытается выразить через нарративную непрерывность своей жизни, искажают эту реальность. Современная нейронаука, по словам Стросона, показала, что воспоминания о своем прошлом и рассказы о нем обязательно содержат искажения, а значит: «чем больше вы вспоминаете, пересказываете, рассказываете о себе, тем дальше вы рискуете уйти от точного самопонимания, от истины своего существования. Некоторые постоянно рассказывают о своем повседневном опыте другим в форме историй. Они все больше уходят от истины» [30, с. 447]. Стросон выступает против того, что он называет «психологическим тезисом нарративности», согласно которому люди проживают свою жизнь в нарративом опыте. Он полагает, что существуют люди, которых можно обозначить как «эпизодические личности», те, кто не видит свою жизнь как разворачивающийся нарратив и не считает себя тем, кто существовал в прошлом и будет существовать в будущем, тем самым они воспринимают осознаваемую самотождественность своего существования не как нечто длящееся.

Тезис Стросона о том, «что основы темпорального темперамента генетически детерминированы», смещает вопрос о значении нарратива для человеческого существования с области философского вопрошания о реальности в спектр естественно-научных теорий [30, с. 431]. Стросон пытается превратить философский вопрос о субъективности в эмпирический вопрос, предполагая, что наши гены определяют, являются ли мы «диахроническими» или «эпизодическими» личностями, его размышления основаны на убеждении, что «эпизодическое существование» этически более ценно. Подобный этос, в свою очередь, основан на онтологическом предположении, что «реальное» не является нарративом.

Воспринимая нарратив как когнитивный инструмент, Стросон отказывает ему в универсальности, считая идеал саморефлексии ошибочным. Философ делает вывод, что сократовский принцип «неисследованная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой» не

может быть общезначимым. «Нarrативность не является необходимой частью “исследованной жизни” (как и диахрония), и в любом случае неочевидно, что исследуемая жизнь, которую Сократ считал необходимой для человеческого существования, всегда является благом. Люди могут развиваться разными способами без какого-либо явного, особенно нарративного размышления, точно так же, как музыканты могут совершенствоваться на практических занятиях, не вспоминая эти сессии. Практика хорошей жизни для многих является совершенно ненarrативным проектом» [\[30, с. 448\]](#).

Для иллюстрации своих мыслей Стросон обращается к роману Сартра «Тошнота». Герой романа Рокантен утверждал, что «мир объяснений и разумных доводов и мир существования — два разных мира» [\[15, с. 159\]](#). «Вот ход моих рассуждений: для того, чтобы самое банальное происшествие превратилось в приключение, достаточно его рассказать. Это-то и морочит людей; каждый человек — всегда рассказчик историй, он живет в окружении историй, своих и чужих, и все, что с ним происходит, видит сквозь их призму. Вот он и старается подогнать свою жизнь под рассказ о ней. Но приходится выбирать: или жить, или рассказывать» [\[15, с. 51\]](#). В романе Сартр предполагает, что пытаясь осмыслить наши переживания, рассказывая о них, мы обнаруживаем более первичный уровень опыта нашего существования, который не может быть сведен к нарративу. «Существование — это не то, о чем можно размышлять со стороны: нужно, чтобы оно вдруг нахлынуло, навалилось на тебя <...> или же ничего этого просто-напросто нет [\[15, с. 162\]](#).

Подобным образом в романе Камю «Посторонний» нарратив не рассматривается как форма, которая претендует на объяснение мира, презентирующая переживания субъекта, встраивая их в каузальный порядок. В романе нарратив рассматривается как вторичный, ретроспективный процесс, фальсифицирующий истинную природу опыта субъекта. История, рассказанная прокурором в ходе судебного разбирательства, объясняет действия Мерсо, заключая их в цепь причин и следствий, противопоставляется его собственному лаконичному способу изложения событий, причиной которых он явился, оставляя их в значительной степени бессвязными, случайными и необъяснимыми. Прокурор, описывая «ход событий, которые привели этого человека к хладнокровному, предумышленному убийству», настаивает на том, что «Перед вами, господа, человек вполне разумный. Вы его слышали, не так ли? Он умеет отвечать на вопросы. Он знает цену словам» [\[10, с. 100\]](#). Однако Мерсо не может узнать себя в этой истории, и то, как суд бесконечно анализирует его «душу», приводит его в еще большее замешательство: «когда толковали о моей душе, все словно затопило мутной водой, и у меня стала кружиться голова» [\[10, с. 105\]](#). Упорство Мерсо нарративизации реальности имеет решающее значение для того, чтобы сделать его «посторонним», неспособным и не желающим дать социально приемлемые объяснения своим действиям. В романе предполагается, что он осужден не только за убийство араба, сколько за отчуждение от общества, от обычая и морали, прикрывающих абсурдность человеческого существования. Поэтому прокурор символический вменяет Мерсо второе убийство, которое он не совершал, однако «соразмерно этой вине его надлежит покарать».

В романе можно обнаружить одновременно эпистемологическое утверждение о том, что нарратив не обеспечивает доступа к тому, что произошло (реальность остается принципиально непостижимой), и онтологический тезис, согласно которому человеческая реальность лишена содержательных связей и ускользает от попыток

осмыслиения с помощью нарратива.

Подобное разделение мы обнаруживаем в анализе Ролана Барта прошедшего времени (*le passé simple*), в результате которого формулируется не только эпистемологическое утверждение о том, что нарративы претендуют на объяснение мира с помощью прошедшего времени, благодаря которому «глагол имплицитно принадлежит причинно-следственной цепи», но и онтологическое предположение, что реальность «как таковая» «необъяснима», «разбросана перед нами». Повествование как «выражение порядка» сводит «разорванную реальность к чистому логосу» и ставит рассказчика в положение «демиурга, бога или чтеца» [\[27, с. 26-27\]](#). «Если говорить точнее, в концепт впитывается не сама реальность, а скорее определенные представления о ней...» [\[3, с. 84\]](#). Барт говорит о «эффекте реальности» как об «отсутствии означаемого, поглощенного референтом», это прежде всего констатация разрыва между реальными объектами и языковыми символами, отображающими их [\[4, с. 400\]](#). Нарратив отображает не объективную действительность, но конструирует и воспроизводит «референциальную иллюзию», достигая совпадения артикуляции не с реальностью мира, а с реальностью текстов. Повествование осуществляется «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой» [\[4, с. 384\]](#).

Таким образом, в нарративе переплетается онтологическое и эпистемологическое. В основе каждого нарратива лежит та или иная онтологическая установка — взгляд на человеческое существование и окружающую его реальность — и точно так же присутствует определенный эпистемологический взгляд. Даже заявление о том, что нарративы ложно навязывают образ стабильной, связанной причинно-следственными связями, непрерывной, однозначной, поддающейся расшифровке реальности, является онтологическим утверждением. Подобный эпистемологический взгляд на ограниченность человеческой способности познавать реальность переплетается с онтологической точкой зрения, утверждающей, что человеческое существование и реальность в целом хаотичны, лишены какого-либо внутреннего смысла и порядка повествования. Мир ускользает от человеческой способности знать и понимать, поэтому повествовательная структура, обнаруженная в нарративе, предстает в качестве ложного спроектированного на этот мир порядка. Тем самым одновременно отвергается онтологическое допущение, что в мире существует осмысленный порядок, и эпистемологическое утверждение, что мы можем этот порядок познать.

Подобная критика нарратива опирается на противопоставление «реальности» и «искусственного» порядка, артикулированного человеческого смысла, и с эпистемологической позиции сводится к тезису о том, что рассказ о себе является вторичным и не реальным по отношению к опыту, который дан здесь и сейчас или был пережит ранее. В данной интерпретации смысл конструируется в процессе наррации, т. е. «мыслится как лишенный какого бы то ни было онтологического обеспечения и возникает в акте сугубо субъективного усилия», а не в результате субъектно-объектных процедур [\[13\]](#). Смысл событий, включенных в нарратив, трактуется не как нечто фундированное онтологией, но как возникшее в самом процессе повествования о событиях и неизбежно содержащее интерпретации.

Постмодернисты, идут намного дальше экзистенциалистов, требуя отказа от придания смысла абсурдному миру, они отвергают антропологическую перспективу гораздо более радикально. Если для Камю «Абсурд рождается из столкновения человеческого разума и

безрассудного молчания мира» [\[9, с. 241\]](#), при этом оставаясь «единственной связующей нитью между ними» [\[10, с. 163\]](#), то постмодернисты не противопоставляют человека абсурду, а растворяют его в нем. Делёз заменяет субъекта «анонимной номадической сингулярностью», а смысл предлагает рассматривать не в качестве «предиката или свойства, а как событие» [\[8, с. 146\]](#). По мнению Делёза, жизнь проникнута квазипричинностью, которая выражается в языковых аффектах. Абсурд как характеристика высказывания и как характеристика существования утверждается в качестве единой категории [\[11\]](#).

В основе таких радикальных воззрений лежит эмпирико-позитивистская установка считать наиболее «реальным» то, что дано непосредственно в чувственном восприятии. Предполагается, что такое непосредственное восприятие дает доступ к реальности самой по себе. Таким образом, определенный метод познания реальности отождествляется с природой реальности. Подобный способ мышления прослеживается в дебатах о нарративности в течение последних десятилетий. Например, Уайт утверждал, что «Реальные события должны просто быть; они вполне могут служить референтами дискурса, о них можно говорить, но они не должны изображать из себя рассказчиков нарратива» [\[34, с. 8\]](#). Позже Уайт смягчил свою позицию, но его аргументы по-прежнему продолжали зависеть от противопоставления «структур смысла» (structures of meaning) и «фактических ситуаций» (factual situations) [\[33, с. 31\]](#).

Наиболее радикальные аргументы «против нарративности» имеют тенденцию зависеть от онтологических допущений, характерных для эмпирико-позитивистской традиции мышления. Аргумент, согласно которому нарративы ретроспективно налагают иллюзию порядка на «реальное», предполагает предшествующее существование «сырых», атомизированных единиц опыта, которые не зависят от человеческих процессов приятия смысла и значения; именно они утверждаются в качестве действительно «реального».

Нарративность как характеристика человеческого существования

Попытка провести четкое различие между онтологическим и эпистемологическим подходами к нарративным измерениям человеческого существования особенно проблематична с феноменолого-герменевтической точки зрения. Герменевтика отвергает идею непосредственного, «точечного» опыта. Во-первых, потому, что темпоральность имплицитно присутствует в опыте, из чего следует, что горизонты прошлого и будущего всегда присутствуют в настоящем. По выражению Гуссерля, даже кажущееся непосредственным чувственное восприятие конституируется «синтетически», соединяя в темпоральном горизонте прошлое и настоящее, формируя ориентацию будущего в контексте интерпретационного процесса [\[6, с. 101–102\]](#). Во-вторых, герменевтика подчеркивает, что опыт всегда культурно и исторически опосредован. По мнению Рикёра, герменевтика отбрасывает картезианское представление о прямом доступе к себе и утверждает тезис о том, что субъективность всегда опосредована. «Не бывает понимания себя, не опосредованного знаками, символами, текстами; понимание себя совпадает в конечном итоге с интерпретацией, примененной к этим последующим текстам» [\[28, с. 29\]](#). На основании этого тезиса Рикёр формирует модель нарративной идентичности.

Структура герменевтического круга отображает процессы формирования значений и смыслов опыта. Поскольку не только наш исторически сложившийся горизонт

интерпретации обуславливает понимание реальности, но и критика предшествующей артикуляции, а также обретение нового опыта могут выступать причинами трансформации смыслов и значений, понимания нашего представления о том, кто мы есть. В результате одна артикуляция превращается в другую, наиболее предпочтительную для субъекта, тем самым порождая новый нарратив. Такую динамику Тейлор определяет как принцип «наилучшей из возможных артикуляций опыта» (Best Account) [\[31\]](#). Данный процесс можно представить в виде герменевтической спирали.

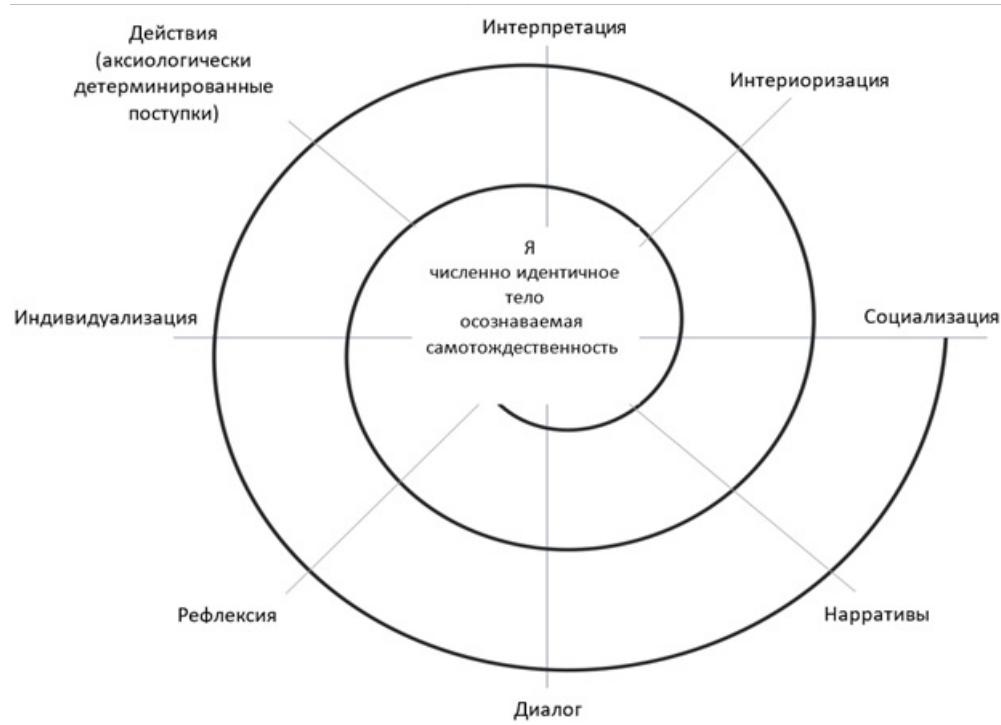

Рис. 1. Герменевтическая спираль

Герменевтическая спираль — это модель сложного процесса, описывающего взаимодействие между артикуляцией субъекта и его дoreфлексивным опытом эмоционального переживания значений и смыслов, с одной стороны, и личного нарратива и существующим в культуре спектром интерпретаций, с другой [\[1, с. 62-63\]](#).

Опираясь на опыт мышления Хайдеггера, Гадамера и Арендт, Рикёр конкретизирует теорию нарративной идентичности, в которой подчеркивает не только культурно и исторически опосредованный характер самоинтерпретации, но и то, как представленные в культуре нарративы принимают участие в формировании нашего горизонта интерпретации, опосредуя наше отношение к миру и к самим себе. Если нарративы, присутствующие в культуре, в первую очередь воздействуют на то, как мы воспринимаем себя в мире, окружающие нас события и вещи (соотнося свой опыт со спектром наличных интерпретаций), то нет «чистых», «необработанных», непосредственных переживаний, нарративная интерпретация которых обязательно была бы вопросом ретроспективного искажения. Наши личные нарративы всегда находятся в диалогическом отношении с нарративами культуры, и обе эти сферы являются объектами постоянной переинтерпретации. Следовательно, утверждает Рикёр: «Наше собственное существование не может быть отделено от описания, которое мы можем дать о себе» [\[29, с. 156\]](#). С точки зрения герменевтики спор о том, проживаем мы жизнь «как она есть» или рассказываем о ней нарративы, представляет собой сомнительное противопоставление. Неверно, что жизнь сама по себе каким-то образом, «как бы по своей природе», следует структуре нарратива, но также неверно и то, что мы сначала проживаем, а затем

превращаем пережитый опыт в историю. Скорее, жизнь и рассказ о нашей жизни переплетаются друг с другом в сложном движении взаимной детерминации. При таком взгляде нарративная интерпретация опыта не является процессом фальсификации чего-то «истинного» и «реального», а является элементом, конституирующем существование человека. Джером Брунер писал: «жизнь, как она есть, неотделима от жизни рассказываемой, или, говоря более прямо, жизнь — это не то, “как это было”, но как это проинтерпретировано и переинтерпретировано, рассказано и пересказано» [\[19, с. 12\]](#). Герменевтическая традиция предполагает, что человеческое существование имплицитно содержит в себе процесс постоянной интерпретации и осмысления, и поэтому проблематично утверждать противопоставление между жизнью и нарративом на основании предположения, что только последнее содержит интерпретацию.

Рикёр не раскрывает вопроса об отношениях нарратива и опыта, когда утверждает, что: «время становится человеческим временем в той мере, в какой он артикулируется нарративным способом, и, наоборот, повествование значимо в той мере, в какой оно очерчивает особенности временного опыта» [\[14, с. 13\]](#). Полное отождествление опыта и нарратива трудно себе представить. Сложно согласиться с тезисом, утверждающим, что невозможен не нарративизированный опыт существования. Однако одно дело предположить, что нарративная интерпретация конститутивна для человеческого существования, и совсем другое — утверждать, что любой опыт нарративен. Второй тезис предлагает расплывчатое понимание нарративности, отождествляя ее с временной структурой опыта как таковой, при этом понятие нарративности рискует утратить свое значение. Становится трудно или невозможно оценить правомерность различных интерпретаций, предлагаемых нарративами. В свою очередь, первый тезис подразумевает, что решающим аспектом нашего бытия в мире является то, что мы занимаемся нарративной интерпретацией опыта и эта интерпретация является конституирующем элементом нашего «Я». Это позволяет критически дистанцироваться от идеи существования стабильного, субстанциального ядра личности. Возникающие повествования и новый опыт постоянно бросают вызов нашим нарративным интерпретациям, образуя динамику нарративной идентичности (см. рис. 1).

Отношение между опытом и нарративом можно прояснить через понятие интерпретации. Если опыт всегда имеет структуру интерпретации, как это утверждается в герменевтической традиции, то нарративы могут быть поняты как имеющие структуру «двойной герменевтики» в том смысле, что они являются интерпретациями опыта, который уже содержит интерпретацию. Энтони Гидденс и Юрген Хабермас утверждали, что гуманитарные науки, в отличие от естественных, характеризуются «двойной герменевтикой», поскольку они имеют дело с объектами, которые сформированы с помощью первичной интерпретации [\[23; 17\]](#).

Рикёр использует понятие «мимесис II» для обозначения того, как литературные и исторические нарративы создают повседневные префигуративные интерпретации совершаемых действий. Его понятие «рефигурации», или «мимесиса III», в свою очередь, относится к процессу, посредством которого люди интерпретируют литературные и исторические нарративы с точки зрения своих конкретных жизненных ситуаций и тем самым переинтерпретируют свой опыт в свете культурных нарративов [\[14, с. 66, 93-94\]](#). В своих «Лекциях о воображении» Рикёр говорит о возможности литературы преобразовывать реальность: «литературные произведения не репродуцируют предшествующую реальность, они воспроизводят новую реальность. Они не связаны тем первичным, которое предшествует им» [\[32, с. 97\]](#). Данный процесс можно

охарактеризовать в терминах «двойной герменевтики». Мы постоянно интерпретируем нашу жизнь при помощи систем языкового обмена; мы также вовлечены в постоянный процесс переформирования нашей идентичности, который обусловлен диалогическим отношением «Я» к культурно опосредованным нарративным моделям. Следовательно, существует интерпретативный континуум, который варьируется от базовой интерпретационной структуры «точечного» чувственного восприятия до более сложных смыслообразующих практик, таких как нарративные интерпретации опыта.

Герменевтическое понимание данного процесса выходит за рамки дилеммы «нахождения» или «конструирования» умопостигаемого порядка. То, что Рикёр характеризует как процесс «сюжета», — это не вопрос презентации заранее заданного повествовательного порядка, а скорее, творческая реорганизация реальности, синтез переживаний, событий и интерпретаций таким образом, чтобы охарактеризовать наш опыт [\[14, с. 237-238\]](#). В этом процессе нарративной интерпретации мы одновременно артикулируем значимые связи между прошлым опытом и реконструируем нашу идентичность в настоящем. Рикёр демонстрирует возможность рассматривать нарративную идентичность как конститутивную деятельность, которая представляет собой не внешне детерминированный порядок, а творческий процесс переосмысливания собственного опыта существования.

Нарративная модель идентичности привлекательна тем, что, концептуализируя субъекта в качестве самоконституирующейся реальности в диалогическом процессе реинтерпретации культурно опосредованных нарративов, она не только позволяет эксплицировать активную деятельность субъекта и его способность к смыслообразованию, но и проясняет модальность нашего социального существования в качестве «животных, рассказывающих истории» [\[20\]](#). Как пишет Колин Дэвис, такие модели привлекательны тем, что принимают во внимание как «декентрализацию субъекта (истории, которые мы рассказываем о самих себе, никогда не являются полностью нашими собственными)», так и то, что «позволяет представить себя агентами, а не просто жертвами наших желаний и тревог» [\[21, с. 150\]](#). Это объясняет, почему даже теоретики, поддерживающие концепцию «смерти субъекта», подходят к осмысливанию предмета в нарративных терминах. Юлия Кристева, вслед за Рикёром, разделяет точку зрения Арендт о том, что возможность повествования определяет специфику нашей жизни и одновременно погружает нас в социальность, утверждая возможность поделиться опытом с другими [\[16; 22\]](#).

Альтернативой предположению, что нарративы — это проецирование ложного порядка на реальность, выступает возможность рассматривать их как нечто конститутивное для человеческого существования. Существует давняя традиция повествовательной прозы (к которой относятся «Дон Кихот», «Госпожа Бовари» и т. д.), которая рассматривает влияние историй на то, как люди интерпретируют опыт своего существования. М.Г. Павлова, анализируя концепцию повествования Рикёра, утверждает, что для формирования самости имеет значение круг чтения и выбранные для самотолкования литературные персонажи. «Выход к самости (к тому, кто я есть) и, что немаловажно, к истолкованию собственных жизненных ситуаций осуществляется возможностью придать своему существованию смыслы, почерпнутые из повествовательных ресурсов, имеющихся в распоряжении Я. Таким образом, процесс прочтения, проживания предлагаемого вымышленными мирами, — один из немаловажных этапов интерпретации и изменения самого себя» [\[12, с. 15\]](#).

Модель нарративной идентичности утверждает, что культурные нарративы и фрагменты

индивидуальных жизненных историй подвержены постоянному переосмыслению. Нarrативная интерпретация проживаемого опыта — это бесконечный процесс, в котором прошлое постоянно пересказывается по отношению к настоящему и будущему. Нarrатив — лишь один из нескольких способов, с помощью которых мы придаём смысл опыту нашего существования. Вместо того чтобы предполагать, что этот интерпретационный процесс ведет к формированию единого непротиворечивого нarrатива, мы можем рассматривать его как динамическое взаимодействие бесчисленных нarrативных фрагментов, образующих новые повествования, находящиеся между собой в отношении соперничества, конфликта, диалога и подвергающихся бесконечным пересмотрам.

Концепция нarrативной идентичности предполагает, что нarrативы существуют только благодаря индивидуальным интерпретациям, из чего следует, что культурные системы не могут механически определять процессы смыслообразования. Из-за своей темпоральности и исторической ситуативности нarrативная интерпретация необходимо характеризуется тем, что Гадамер обозначил как «всегда понимать по-другому». «К исторической конечности нашего бытия относится наше сознание того, что те, кто придут после нас, будут понимать по-другому [immer anders verstehen werden]» [\[5, с. 439\]](#). Интерпретация, с герменевтической точки зрения, никогда не может быть окончательной или исчерпывающей. Артикулируемая интерпретация выступает методом рефлексивного размышления, в ходе которого мы не утверждаем априорные «вечные истины», а с учетом дополнительных фактов последовательно разрешаем возникающие противоречия между нarrативами, тем самым формируя «наилучшую из возможных артикуляцию опыта» (best account), что с эпистемологической точки зрения соответствует принципу фаллицизма, утверждающего, что любое высказывание о предмете суждения не является исчерпывающим и окончательным и подразумевает замену на лучшую интерпретацию в будущем; а с онтологической точки зрения соответствует принципу «разомкнутости субъекта». Это определяет понимание собственного будущего как неопределенного творческого проекта и одновременно возможность нахождения смысла в собственном опыте прошлого.

Заключение

Результаты исследования сближают нас с позицией «реалистов», согласно которой нarrативные интерпретации оказывают реальное влияние на наше существование формируя его: они позволяет конструировать нашу самость, принимают участие в создании интерсубъективного мира и влияют на то, как мы взаимодействуем с другими. С эмпирической точки зрения это означает, что интерпретации имеют реальные, материальные, мирообразующие последствия.

Если человеческую способность к смыслообразованию и приятию значения опыта не воспринимать как «нереальное», то трудно понять, почему интерпретационный процесс, посредством которого мы устанавливаем нarrативные связи между эпизодами нашего существования, — интерпретации настоящего опыта по отношению к прошлому и будущему и переинтерпретация прошлого в свете настоящего, — был бы обязательно чем-то фальсифицирующим. В исследованиях мы должны учитывать разницу между опытом и нarrативом, однако это не противоречит тому, что нarrативные интерпретации опыта играют конститутивную роль в нашем существовании.

Таким образом, исследователи, которые отрицают способность нarrативов конституировать человеческое существование, рассматривают значение и роль (само-)интерпретации с точки зрения антиреализма и придерживаются онтологического предположения о том, что существует опыт понимания реальности, который не зависит от

человеческой способности придания смыслов и значений. Мнение о том, что нарративная интерпретация неизбежно искажает «первоначальный», «чистый» опыт, сомнительно с точки зрения герменевтической традиции мышления. Когда человеческое существование понимается как процесс интерпретации, осуществляемый в темпоральном горизонте, включающий в себя постоянное переплетение прошлого, настоящего и будущего, проблематично представить себе «подлинный», неискаженный, непосредственный опыт существования нашего Я, очищенный от интерпретаций и независимый от прошлого, настоящего и будущего. Если такой «чистый опыт» не может быть извлечен, то нет причин отвергать нарративные интерпретации как нереальные или заведомо ложные.

Библиография

1. Бабич В.В. *Homo loquens: ценности в структуре нарративной идентичности* // Философская мысль. – 2023. – № 6. – С. 55–67. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.6.40863
2. Барбашина Э. В. Особенности современного нарративного подхода // После постпозитивизма : материалы Третьего Международного конгресса Русского общества истории и философии науки, Саратов, 08-10 сентября 2022 года. – Москва: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2022. – С. 150–152.
3. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 72–130.
4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
5. Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
6. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. – 192 с.
7. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. – 292 с.
8. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. – 472 с.
9. Камю А. Миф о Сизифе. М.: Астрель, ACT, Neoclassic, 2011. – 244 с.
10. Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула. М.: ACT, 2014. – 381 с.
11. Косилова Е. В. Концептуализации абсурда в философии : от логики к «Логике смысла» // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 208–221.
12. Михайлова Г. П. Читая «Гамлета», или обретение самости / Г.П. Михайлова // Вопросы русской литературы. – 2016. – № 4 (38–95). – С. 14–31.
13. Нарратив. Новейший философский словарь [электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/slo/var/phi/los/ophy/64.htm> (дата обращения 14.08.23).
14. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М., СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с.
15. Сартр Ж.П. Тошнота: Роман; Стена: Новеллы. Харьков: Фолио; М.: ACT, 2000. – 399 с.
16. Сидорова М. А. Роль понятий теории действия Х. Арендт в концепции «Человека могущего» П. Рикёра // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – № 3 (27). – С. 47–54.
17. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие // Интерпретация и объективность понимания / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
18. Шмид В. Нарратология. М: Litres, 2022. 608 с.
19. Bruner J. Life as narrative // Social research. – 1987. – Р. 11–32.
20. Cavarero A. Relating narratives: Storytelling and selfhood. – Routledge, 2014. – 184 р.

21. Davis C., *After Poststructuralism: Reading, Stories and Theory*, London: Routledge, 2004. – 224 p.
22. Flakne A. Julia Kristeva, "Hannah Arendt: Life is Narrative" // *Philosophy in Review*. – 2001. – Vol. 21. – № 5. – P. 344–346.
23. Giddens A. *New Rules of Sociological Method. A Positive Critique of Interpretative Sociologies*. Oxford: Blackwell Publishers, 1994. – 196 p.
24. Eiranen R. et al. *Narrative and experience: interdisciplinary methodologies between history and narratology* // *Scandinavian Journal of History*. – 2022. – Vol. 47. – № 1. – P. 1–15.
25. Mink L. O. *Historical Understanding*. – Ithaca (New York): Cornell University Press, 1987. – 285 p.
26. Mink L. O. *The Autonomy of Historical Understanding* // *Philosophical Analysis and History*. – N.Y., 1966. – P. 33–45.
27. Racine O., Racine S. BARTHES, ROLAND 1953 Writing Degree Zero. Trans. Annette Lavers and Colin Smith. Pref. by S. Sontag. New York, Hill & Wang, 1968. Le degré zero de l'écriture. Paris, Seuil, 1953 // *Philosophy and Non-Philosophy Since Merleau-Ponty*. – 1997. – 344 p.
28. Ricoeur P. *Du texte à l'action* / P. Ricoeur—*Essais d'hermeneutique*, t. 2. – Paris: Ed. du Seuil, 1986. – 409 p.
29. Ricoeur P., Kemp P., Marchetti F. *L'histoire comme récit et comme pratique: entretien avec Paul Ricoeur* // *Esprit* (1940–). – 1981. – № 54. – P. 155–165.
30. Strawson G. *Against narrativity* // *Ratio*. – 2004. – Vol. 17. – № 4. – P. 428–452.
31. Taylor C. *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 142 p.
32. Taylor G. H. *Ricoeur's Philosophy of Imagination* // *Journal of French Philosophy*. – 2006. – Vol. 16. – 93–104 p.
33. White H. *Historical discourse and literary writing* // *Tropes for the Past*. – Brill, 2006. – P. 25–34.
34. White H. *The value of narrativity in the representation of reality* // *Critical inquiry*. – 1980. – Vol. 7. – № 1. – P. 5–27.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается вопрос об одном из важных аспектов соотношения опыта и выражающей его речи, а именно, о том, каким образом речь, повествование преобразуют опыт, делая возможным как усвоение социальных и культурных норм, так и становление самосознания индивидуальности. Статья в целом производит очень хорошее впечатление, автор демонстрирует понимание рассматриваемой проблематики и широкую эрудицию. Следует отметить также, что статья написана профессиональным и в то же время понятным языком, и это обстоятельство, как и её содержательные достоинства, не позволяет сомневаться в том, что она встретит заинтересованное внимание читателя. Автор отстаивает положение о невозможности «чистого» опыта вне его выражения в речи (а также других осмысленных действиях). Конечно, сам этот тезис (с учётом герменевтической традиции, а также философских концепций, в которых так или иначе осмыслился «принцип историзма») трудно признать новаторским, тем не менее, попытки «избавиться» от «непрозрачного языка» и других, якобы, «замутняющих» изначальную чистоту опыта практик, время от времени

воспроизводятся в философских дискуссиях, а потому и возвращение к теме «языка» (в самом широком смысле) как естественной стихии самосознания представляется вполне оправданным. Критические замечания, которые возникают в процессе изучения текста, не могут рассматриваться в качестве препятствий для публикации статьи. Прежде всего, можно было бы порекомендовать автору уточнить название. Дело в том, что оно указывает на универсальную философскую проблему, которая, конечно же, была открыта отнюдь не в прошлом веке, между тем, автор непосредственно учитывает только литературу последних десятилетий. А уже упомянутая многовековая герменевтическая традиция? А Гегель с его блестящей концепцией понимания как «интеграции» истории культуры в границах субъективности? По-видимому, в название статьи следует внести дополнение, которое помогало бы читателю увидеть, что классическая философия в ней не рассматривается (если не считать упоминание картезианства, которое, думается, должно было бы уравновешиваться гегелевской или романтической исторической герменевтикой). Далее, следовало бы скорректировать и второй подзаголовок статьи, можно предложить, например, такой вариант: «Нarrативность как характеристика человеческого существования» («нarrативность», конечно же, не может «уравниваться» с «существованием»). Наконец, некоторые формулы, которые, исходя из контекста, должны были бы нести какой-то оригинальный смысл, звучат как тривиальные истины, для признания справедливости которых вряд ли нужно предпринимать какие-то исследования. Прочитаем, например, следующий фрагмент заключения: «Важным элементом для понимания онтологического значения нарратива является тот факт, что нарративные интерпретации оказывают реальное влияние на наше существование в мире: они позволяет конструировать нашу самость, принимают участие в создании интерсубъективного мира и влияют на то, как мы взаимодействуем с другими. С эмпирической точки зрения это означает, что интерпретации имеют реальные, материальные, мирообразующие последствия». Неужели кто-то когда-то оспаривал столь очевидные констатации? Думается, автор мог бы предотвратить возникновение у читателя недоумения в подобных местах, подчёркивая, что результаты его изысканий подтверждают взгляд (разумеется, хорошо известный), согласно которому, и т.д. Высказанные замечания, однако, автор мог бы по возможности учесть в рабочем порядке в процессе окончательной подготовки статьи к печати. Рекомендую рецензируемую статью для публикации в научном журнале.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Широкова М.А. Христианский дискурс английского сериала «Робин из Шервуда» (1984–1986) и его отражение в современном литературном интернет-пространстве России. Статья вторая // Философия и культура. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.7.71276 EDN: QOTHNJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71276

Христианский дискурс английского сериала «Робин из Шервуда» (1984–1986) и его отражение в современном литературном интернет-пространстве России. Статья вторая

Широкова Марина Алексеевна

ORCID: 0000-0002-8915-4326

доктор философских наук

профессор, кафедра философии и политологии, Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 308

✉ marina_shirokova_2014@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2024.7.71276

EDN:

QOTHNJ

Дата направления статьи в редакцию:

17-07-2024

Аннотация: Автор продолжает исследование, начатое в предыдущей статье («Философия и культура», 2023, №11). Предметом исследования является христианский дискурс английского сериала «Робин из Шервуда» (1984–1986). Основной тезис работы состоит в том, что фильм вышел за рамки первоначального замысла его создателей и продемонстрировал трансформацию дискурса от языческого к христианскому, особенно в части этических принципов христианства. Исследуемыми текстами выступают нарратив сериала «Робин из Шервуда», а также комплекс эго-документов, статей и видеоматериалов, посвященных фильму. Анализируются и произведения художественной литературы, созданные по мотивам сериала в русскоязычном литературном интернет-пространстве, главным образом, фан-повесть «Один в Уикеме или Благодарность бывшего тамплиера», которая рассматривается как наиболее христианское прочтение фильма. В качестве методологической основы научной работы

применяется философско-герменевтический подход. Используется также метод герменевтической интерпретации художественного текста, направленный на выявление смысла конкретного произведения искусства через призму той или иной системы ценностей. Герменевтическая интерпретация включает в себя историко-культурный, контекстуальный и лексико-сintаксический анализ. Делается вывод, что в повести усиlena христианская составляющая кинотекста, так как показана духовная эволюция персонажей, приводящая их к христианской нравственности и даже непосредственно к христианской вере. Что касается дискурса сериала, то образ Робин Гуда в нем воплощает идеал «доброго короля», исторически сформировавшийся в народном сознании. В отличие от других художественных интерпретаций легенды о Робин Гуде, король Ричард Львиное Сердце в фильме лишается черт христианского государя, олицетворения высшей правды и легитимной власти, и эти характеристики переносятся на Робин Гуда. Кроме того, поступки и высказывания главного героя позиционируют его как образец христианского рыцарства, что также отражено в текстах, созданных русскоязычной аудиторией сериала.

Ключевые слова:

христианская культура, христианский дискурс, философия культуры, герменевтика, этика, эстетика, робин гуд, текст, интерпретация, литературное интернет-пространство

Введение. Данная статья является продолжением предыдущей статьи автора, опубликованной в №11 журнала «Философия и культура» за 2023 г. [\[19\]](#). Целью исследования выступает анализ христианского дискурса, представленного вербальными и визуальными средствами в английском сериале «Робин из Шервуда» (1984–1986), а также особенностей рецепции этого дискурса в сознании аудитории русскоязычного интернет-пространства.

Методологической основой нашей работы послужил философско-герменевтический подход, предложенный в классических трудах В. Дильтея, Х.-Г. Гадамера и М.М. Бахтина [\[5, 6, 7, 10\]](#). В данной части исследования использован метод герменевтической интерпретации, как специфический инструмент толкования художественного текста. В случаях, когда интерпретация применяется в смысловом пространстве произведений искусства, ее цель состоит не в получении объективного, общенаучного знания, а в определении смысла литературного или кинематографического произведения, рассматриваемого через призму конкретной системы ценностей, в установлении соответствия между субъектом и тем, на что направлено его понимание. Не следует забывать, разумеется, что объекты искусства обладают многозначностью, и поэтому допустимы их различные по содержанию толкования, о чем писал, в частности, Ю.М. Лотман [\[11\]](#). В то же время, поскольку герменевтика предполагает широкое использование рациональных методов и категорий, герменевтическая интерпретация базируется на следующих видах теоретического анализа: историко-культурном, контекстуальном и лексико-сintаксическом, – что обеспечивает достоверность полученных результатов.

Материалы исследования. Помимо непосредственно кинотекста сериала «Робин из Шервуда» («Robin of Sherwood»), состоящего из 3 сезонов и 26 эпизодов [\[16\]](#), в качестве эмпирической базы привлекается комплекс источников, сосредоточенных на литературно-исторических форумах «Шервуд-таверна» и «Шервудский лес» [\[2\]](#) и

включающих в себя обширные подборки статей, видеоматериалов, документов, множество сведений из истории, археологии, лингвистики и других областей знания. На указанных интернет-площадках имеется разнообразная информация о фильме, его персонажах, съемочной группе и, кроме того, подробно освещена сама легенда о Робин Гуде, связанные с ней исторические факты и культурное наследие. Отдельную группу источников составляют литературные произведения, фан-повести и романы, написанные по мотивам сериала в русскоязычном интернет-сообществе. Первым российским исследователем, положившим начало научному изучению данной источниковой базы, стала доктор филологических наук Е.Е. Приказчикова. Ее научный интерес направлен на анализ мифологического дискурса сериала [\[15\]](#), а также фан-литературы, посвященной одному из ярких героев фильма, сэру Гаю Гизборну [\[14\]](#). Мы, в данном случае, сосредоточимся на выявлении элементов христианской ментальности в сериале и в литературном сознании его российских зрителей, а среди персонажей фильма нас будет более всего интересовать его главный герой – Робин Гуд (именуемый в фильме также Робин из Локсли и Робин из Шервуда).

Безусловно, не весь комплекс фан-литературы, связанной с сериалом, содержит последовательно христианский дискурс, хотя, так или иначе, влияние христианства, особенно его этических аспектов, заметно в большинстве работ. Из произведений «крупной формы», демонстрирующих практически полный религиозный индифферентизм, можно назвать повесть «Начать сначала» (автор: Allora) [\[11\]](#). Написанный в жанре психологической прозы, текст почти не имеет отсылок к сверхъестественному, как в сознании писателя, так и в сознании героев. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, заставляет усомниться в достоверности рассматриваемых психологических состояний действующих лиц, если вспомнить, что речь идет об эпохе Средневековья. Впрочем, исторический фон в «Начать сначала» также представлен весьма скромно, хотя, в целом, нельзя не отметить достаточно высокий уровень писательского мастерства автора.

Для достижения поставленной нами цели наиболее репрезентативной работой является повесть «Один в Уикеме или Благодарность бывшего тамплиера» (авторы: Фенимор, Wind – war horse и Ленни) [\[4\]](#), которая и будет преимущественно анализироваться в нашем исследовании.

Христианский дискурс повести «Один в Уикеме». В нарративе фан-повести «Один в Уикеме или Благодарность бывшего тамплиера» частично использован материал двух различных эпизодов фильма «Робин из Шервуда»: «Семь бедных рыцарей из Акры» (первый сезон) и «Злойший враг» (второй сезон). Серия «Семь бедных рыцарей» рассказывает о столкновении «вольных стрелков» с отрядом тамплиеров, командор которого, де Вилларе, несправедливо обвиняет Робин Гуда в краже священной реликвии – золотой эмблемы их ордена. Требуя вернуть якобы похищенное, рыцари берут в заложники названного брата Робина, Мача. Робину приходится разыскать настоящего вора и доставить реликвию командору к назначенному времени. И все же, тамплиеры нарушают соглашение, вновь пытаясь убить Робина и его брата. Однако шервудцы на этот раз готовы к такому повороту событий, они сами захватывают в плен рыцарей Храма, посрамив заносчивость и вероломство последних. Зрители догадываются, что побежденных и изгнанных лесными разбойниками тамплиеров, очевидно, в будущем ожидает наказание со стороны Ордена, но этот момент остается за рамками хронометража серии. Авторы повести же прослеживают дальнейшую судьбу одного из безымянных в фильме рыцарей, получившего в их литературном произведении имя сэр Морис де Буавер. Морису суждено вновь встретиться с Робин Гудом, убедиться в

благородстве главы лесного воинства, стать его другом и самому спасти Робина от гибели.

Другой сюжетный ход повести взят из серии «Злойший враг», которая, как уже говорилось, завершает второй сезон, и в finale которой Робин жертвует собой, спасая своих друзей, а заодно и жителей деревни Уикем, несмотря на то, что эти крестьяне, шантажируемые шерифом Ноттингемским, фактически, выдали королевской страже отряд шервудцев. Мы говорили также о мощном художественном воздействии на зрительскую аудиторию данного эпизода, первоначально не запланированного кинематографистами, в результате чего значительная часть фан-литературы, написанной по мотивам фильма, оказалась посвящена конструированию альтернативной концовки, где Робин остался бы жив. К числу таких произведений относится и повесть «Один в Уикеме», и упомянутая выше «Начать сначала». Но если «Начать сначала» totally отчуждает читателя от христианского мировоззрения, то «Один в Уикеме», напротив, усиливает содержащийся в кинотексте христианский посыл, соединяя нравственные ценности христианства, во многом неосознанно воплощенные создателями фильма в образе главного героя, с убежденной религиозностью рыцаря-храмовника, который рефлексирует по поводу поворотов своего жизненного пути, ведущих от веры – к безверию и снова возвращающих к вере.

Все события повести, так или иначе, воспринимаются через призму христианской картины мира, поскольку большую часть истории, рассказываемой несколькими персонажами, мы слышим от лица сэра Мориса, монаха и рыцаря. Рыцаря, в завязке сюжета *«извергнутого из жизни воина Христова, полной благородной уверенности в себе и в мире»*^[1], то есть, в качестве искупления своего греха, лишенного рыцарского достоинства и обретенного на тяжкий физический труд. Монаха, разум которого в недобрый час «захлестнуло знание» о том, что Господь отвернулся от него так же, как отвернулись люди. Это знание переполнило его, отвратив на время от веры. Тело обрело «силу отчаяния», чтобы бежать из монастыря, куда глаза глядят, а в душе теперь зияла пустота. Впрочем, и телесных сил Мориса, страдающего лихорадкой, хватило ненадолго. Как когда-то апостола Павла, в пути его настигла болезненная тьма, казалось бы, долженствующая окончательно убедить беглеца, что спасения для него нет ни в этом мире, ни в ином, ведь Бог его оставил. Но тамплиер ошибался.

Впавшего в беспамятство Мориса обнаруживает и спасает разведка «вольных стрелков», во главе с самим Робин Гудом: *«Ангел господень явился мне»*. Несомненно, христианин поначалу должен был предположить, что видит ангела, точно такого, какими он их всегда воображал во время молитвы. Следующая мысль Мориса, по мере того, как сознание возвращается к нему: *«Всего лишь человек»*. А затем рыцарь узнает вождя лесных разбойников.

Весь дальнейший духовный путь сэра Мориса, оказавшегося среди «внезаконцев», – путь к новому обретению утраченной веры. Той веры, которой полон Робин. Веры и любви, представляющей собой *«веру в действии»*^[13]. Любви к друзьям и к Шервуду. Любви к ближнему, случайно подобрannому на дороге в жалком состоянии. К человеку, с которым готов поделиться всем: едой, одеждой, деньгами. Развитие взаимоотношений Робина и Мориса, по сути, иллюстрирует притчу Христову о добром самаритянине из Евангелия от Луки (Лк. 10. 25–37). Предводитель «вольных стрелков» не отказывает Морису в помощи ни после того, как увидел на одежде незнакомца крест тамплиера, ни после собственного признания спасённого в том, что он входил в число семи рыцарей, напавших когда-то на отряд Робина. Монаху-храмовнику хорошо известно, что Бог есть

любовь, и стремление Мориса постичь сущность духовной любви, торжествующей над смертью, представляет собой выражение религиозного чувства, стремление к богоопознанию: «*Есть что-то сильнее силы, сильнее оружия*».

Впоследствии Морис разглядит «в этом парне» любовь и к запуганным крестьянам из деревни, которых Робин без колебаний готов спасти ценой собственной жизни, не пытаясь их «взвесить, измерить, найти слишком лёгкими» [\[12\]](#) и задуматься, стоят ли они такой жертвы. «- *Помоги мне. Помоги спасти моих людей! Своих людей...* Он говорил, как король. *Вот только не знал я королей, которые пошли бы на смерть ради своего народа*».

Авторы «Одн в Уикеме» здесь нисколько не противоречат духу оригинала, потому что Робин Гуд и в фильме говорит и ведёт себя как король. Точнее, так, как должен вести себя король, соответствующий идеалу правителя в народном сознании. Добрый, справедливый властелин, гроза для врагов, защита для слабых, надежда для «немощных и обремененных» («people's hope»).

Образ Робин Гуда в сериале «Робин из Шервуда» как воплощение идеи христианского короля и христианского рыцарства. В большинстве вариантов легенды о Робин Гуде, а также в большей части ее литературных переложений и, соответственно, экранизаций, функция «доброго короля» достается Ричарду Львиное Сердце, который появляется в решающий момент действия, олицетворяя легитимную власть и высшую правду, пресекая беззакония своего жадного, слабовольного и развратного брата, принца Джона (будущего короля Иоанна Безземельного) и его приспешников, таких, как шериф Ноттингемский. Можно вспомнить, прежде всего, роман В. Скотта «Айвенго», одноименные американские экранизации книги, снятые Ричардом Торпом (1952) и Дугласом Кэмфилдом (1982), а также хорошо знакомый отечественному зрителю фильм Сергея Таракова «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго» (1983). В том же ряду находятся и наиболее известные фильмы, посвященные непосредственно истории шервудского благородного разбойника: классическая лента «Приключения Робин Гуда» Майкла Кёртица и Уильяма Кили (1938), «Робин Гуд: Принц воров» Кевина Рейнольдса (1991), «Робин Гуд» Ридли Скотта (2010) и многие другие. Как правило, кинематографисты демонстрируют взаимное уважение, возникающее между королем и народным героем, а иногда даже их совместную борьбу против общих врагов. Карпентер же сознательно отступил от позитивной трактовки образа Ричарда, показав короля одержимым жаждой власти и славы, склонным к наживе и способным на предательство (серия «Королевский шут»). По утверждению самого сценариста, именно такая характеристика короля ближе к исторической правде и позволяет ввести в фильм множество реальных событий и лиц. В целом, к истории создатели фильма относились достаточно бережно, полагая, что «она придает сюжету атмосферу подлинности и помогает сделать его более достоверным» [\[24\]](#). Об особенностях расстановки политических акцентов в «Робине из Шервуда» писала, в частности, британский автор Линос Кэтрин Томас, по мнению которой король Ричард «манипулирует Робином в своих целях, доказывая, что даже, казалось бы, доброжелательный колонизатор все равно не заботится об интересах колонизированных» [\[27\]](#).

В серии «Королевский шут» народ, в том числе Робин и его соратники, уповают на возвращение законного короля, ждут от него защиты и справедливости. Ради того, чтобы выкупить Ричарда из австрийского плена, бедняки Англии отдавали последние деньги. Но кратковременное появление короля в своей стране оборачивается для населения новыми поборами во имя продолжения войны, кроме которой Ричарда ничто

не интересует. Робин Гуд спасает жизнь королю, и тот объявляет помилование «вольным стрелкам», к бессильной ярости их антагонистов – шерифа, аббата Хьюго и Гая Гизборна. Однако вскоре выясняется, что у короля гораздо больше общего с представителями знати, чем с народными мстителями, и Ричард с легкостью берет назад данное им слово. Характерно, что из всего лесного отряда Робин осознает факт предательства короля последним. Детская, наивная вера Робин Гуда в Ричарда Львиное Сердце чрезвычайно крепка, потому что это – народная вера. Вероломство чуждо благородной натуре «короля Шервуда» так же, как оно, согласно его представлению, должно быть чуждо тому, кто рожден королем по крови. Робин снова и снова убеждается, что Ричард, а тем более принц Джон, не стоят такой веры. Но саму веру в идеал государя Робин Гуд всё-таки сохраняет. И этот идеал явственно просматривается в главном герое с первой же серии. В Робине нет высокомерия, но есть достоинство. Его взгляды и жесты поистине царственны. И здесь мы видим не инверсию, не пародию, не глумление над королевским саном (как, например, выборы короля нищих или «папы шутов» во Дворе Чудес, описываемые Виктором Гюго в «Соборе Парижской Богоматери» [\[9\]](#)), а сознание подлинно высокой миссии правителя и высокой меры ответственности за всех, кто доверил ему свою жизнь.

Безусловно, и самому Робину приходится утверждаться в качестве вожака лесной вольницы, бороться за власть и авторитет, – в этом состоит одна из существенных сторон его личностного развития, наблюданного нами в фильме. Но власть как таковая для Робина никогда не являлась непосредственной целью: видно, что он с самого начала чувствует себя «в своем праве». Это обстоятельство специально подчеркивает Карпентер, говоря, что его герой «знает о своих сверхъестественных способностях и совершенно уверен, что правда за ним» [\[24\]](#). «Король Шервуда» не со «своими людьми», в основном, вынужден бороться, а с самим собой, с собственными страхами, сомнениями. Как всякий монарх, Робин обладает властью не потому, что он сильнее или опытнее других, а потому, что его власть имеет сакральную природу. В то же время, на него «взвалили груз предназначения» (Карпентер), который редкий человек способен выдержать, особенно в столь юном возрасте. Король достоин уважения, даже поклонения, только если он живет ради своего народа и готов умереть за свой народ. Может статься, что крестьяне откажут ему в помощи, отвернутся от него, не признают, предадут – он всё равно не вправе, в свою очередь, предать их. Вместо того, чтобы убеждать людей словами, он умрёт ради этих людей. Он умолкнет – и заставит говорить молчание. Народная стихия, до сих пор безмолвствовавшая, теперь обретет его голос. Слоган фильма: «Nothing is Forgotten. Nothing is ever forgotten» («Ничто не забывается. Ничто не забывается никогда»). Друзья Робин Гуда, оплакивая гибель их вождя, слышат, как эхо разносит эти слова, произнесенные его голосом, под зелеными сводами Шервуда.

Необходимо отметить, что в планы создателей, вероятно, входила трагическая концовка всего сериала, хотя сценарий и не был написан сразу до конца. Карпентер думал о том, чтобы показать гибель Робина, которого, «согласно первоисточникам» (балладам) «отравила злая монахиня». По словам сценариста, «трагедия, если с ней правильно обойтись, а не просто всех перебить ради убийства как самоцели, может оказать на людей более сильное воздействие, чем хеппи-энд» [\[20\]](#). Однако обстоятельства сложились так, что трагический финал состоялся внезапно, в конце второго сезона, и впечатление, произведенное им на аудиторию, оказалось еще сильнее, чем предполагали авторы. Канадская писательница Дженет Ридман, упоминавшаяся в предыдущей статье, отмечала наличие нескольких «слоев» мифологии в «Робине из

Шервуда»: «Миф о Божественном Короле, который умирает за свою землю, смешался с мифом о веселом лесном разбойнике» [\[23\]](#). В контексте исследуемой нами проблемы здесь важно подтверждение королевского статуса Робина в глазах народа.

Постоянно растрочивая силы, Робин вынужден искать источник их восстановления, по большому счету, тоже в самом себе, в своей любви и вере. В моменты отчаяния вождь шервудцев иногда обращается к Херну-Охотнику, однажды избравшему его в сыновья, и тот старается вдохновлять героя на продолжение борьбы. Но туманные речи Повелителя леса, полные загадок и недомолвок, такие как: «Действуй, не задумываясь!» или: «Достаточно просто целиться», – не могут создать подлинной мотивации. Ведь Херн, будучи воплощением языческого божества, наделен и всеми слабостями последнего. Повелитель леса никогда не бывает по-настоящему свободен в своих решениях и поступках, и ему приходится больше «изображать», чем «делать», больше «казаться», чем «быть». Не случайно Охотник оказывается неспособен спасти Робин Гуда во время финальной битвы, что также демонстрирует нам трансформацию дискурса фильма от языческого к христианскому.

Свой титул «короля Шервуда» Робин в первом же эпизоде фильма, через захваченного им в плен, но отпущеного Гизборна, объявляет Роберту де Рено, шерифу Ноттингемскому, и впоследствии шериф несколько раз именует так лесного разбойника. Пусть с показной усмешкой и с плохо скрываемым раздражением, но не случайно. Робин же обращается к де Рено не как к равному себе, а как к нижестоящему. Например, в серии «Ведьма из Элсдона»: «Put up your sword, man. I'm here to talk». («Убери свой меч. Я здесь, чтобы поговорить»). Следует добавить, что речь героя в фильме, в целом, проста, без витиеватых ухищрений, но правильна, с богатым словарным запасом. И в данном отношении чрезвычайно удачным оказался выбор на главную роль Майкла Прейда. Майкл обладал не только внешним обликом, который сценарист определил как «this rather fey quality» («не от мира сего») [\[21\]](#), а режиссер Роберт Янг использовал для его описания эпитет «terribly good looking» («ужасно хороший») [\[25\]](#), но и четким, безупречным английским произношением в сочетании с приятным тембром голоса (актер является также певцом), что неоднократно отмечалось журналистами и критиками [\[22\]](#). Прейд всегда был очень востребован как чтец закадрового текста на ТВ и исполнитель аудиокниг.

Свидетельством того, что и сами авторы фильма закладывали в образ Робина черты идеального монарха, могут служить слова Ричарда Карпентера: «Робина я всегда видел йоменом, человеком из народа – по крайней мере, в первых сезонах». И, в то же время, продолжает сценарист, ему хотелось показать своего Робин Гуда как «короля Артура простого народа» [\[21\]](#). Реминисценции образа Артура здесь весьма уместны, поскольку артуровские легенды основаны и на британском народном фольклоре, и на произведениях средневековой словесности, то есть вобрали в себя элементы как дохристианской, так и христианской культуры. Кроме того, именно Артур в британском эпосе представлен как идеальный справедливый король и символ христианского рыцарства. Обратим внимание на примечательный факт. Основным отрицательным персонажем преданий об Артуре является племянник короля и узурпатор его власти Мордред. В фильме Джона Бурмена «Экскалибур» (1981), считающемся одной из наиболее точных экранизаций легенды и вышедшем за два года до начала съемок «Робина из Шервуда», роль Мордреда досталась тогда еще 21-летнему Роберту Эдди, сыгравшему в рассматриваемом здесь сериале главного противника Робин Гуда, Гая Гизборна.

Истинно рыцарское достоинство Робина, по аналогии с королем Артуром, прослеживается не только в благородстве поступков героя, но и в его высказываниях. Так, в серии «Семь бедных рыцарей из Акры» Робин Гуд, в ответ на несправедливые обвинения командора тамплиеров де Вилларе, твердо и убежденно произносит: «Evil to him who thinks evil» («Зло падет на того, кто замышляет зло»). По преданию, эта фраза будет сказана спустя полтора века, в 1348 году, английским королем Эдуардом III и станет девизом Благороднейшего рыцарского Ордена Подвязки, включающего до настоящего времени очень ограниченное число избранных, как правило, членов британской королевской семьи и отдельных иностранных монархов. Эдуард сказал по-французски: «Honi soit qui mal y pense» («Позор тому, кто думает об этом плохо») [\[26\]](#). Но английский вариант и, соответственно, его допустимый русский перевод, звучат сильнее. Как пишет член комиссии по геральдике Российской академии наук А.П. Черных, среди исследователей имеется версия, согласно которой истоки создания Ордена Подвязки восходят как раз к концу XII в, то есть ко времени действия баллад о Робин Гуде, и основателем Ордена являлся Ричард Львиное Сердце, а Эдуард III лишь восстановил эту традицию [\[18\]](#). Но создатели сериала не случайно вкладывают упомянутую фразу в уста «короля Шервуда», поскольку зритель видит в нем гораздо больше рыцарства, чем во всех высокородных персонажах фильма, вместе взятых.

Христианский дискурс повести «Один в Уикеме» (продолжение). Рецепция образа Робин Гуда как идеала христианского государя и рыцаря неизменно присутствует и в тексте повести. «Он был рыцарь духом, этот молодой крестьянин из погибшей деревни, стремившийся спасти своих братьев», – говорит себе Морис де Буавер, и понимает, что и ему самому теперь есть, ради чего жить и умереть. Только его жизнь не имеет цены «в этом торге со смертью», в отличие от жизни Робина. Робин принимает решение пожертвовать собой. Храмовник удивляется его спокойствию, его светлой и радостной улыбке перед лицом неминуемой гибели. В английской культуре подобное психологическое состояние очень точно выражено Шекспиром: «How oft when men are at the point of death / Have they been merry!» («Нередко люди в свой последний час / Бывают веселы») [\[28\]](#). «Merry men» («весёлые люди») – в народе недаром возникло такое прозвание шервудцев. Им, а особенно их королю, доступна полная, безграничная свобода, вплоть до отсутствия инстинкта самосохранения. Предназначение героя так огромно, что не вмещается в тесные рамки жизни. «Умереть легко, если дело того стоит...». Читатель повести обязательно вспомнит пронзительный момент из фильма, когда Робин Гуд, оставшись один на холме, в окружении войск шерифа, выпускает в небо последнюю стрелу и остается безоружным, однако солдаты все еще боятся подойти. Под взглядом одного человека весь строй всадников и пехоты делает шаг назад. Лицо Робина озаряется улыбкой, той самой, которая, по выражению Мориса, «сильнее силы».

Брат Морис, с христианской основой его мировоззрения и весьма значительными духовными запросами, не может жить без веры в существование высшей правды: тогда жизнь лишается всякого смысла. И вот уже отступник-тамплиер снова верит, и снова сознает себя воином Божиим, и ощущает «дыхание Господа на своем лице». Он там, где и должен быть, он среди тех, о ком говорил Христос в «Нагорной проповеди»: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное!» (Мф. 5. 10)

Позже, после того как Морису вместе с шервудцами, согласно замыслу литературного произведения, удастся спасти Робина, бывший рыцарь храма сделает еще много тонких наблюдений в отношении своего нового друга и предводителя. И, вглядываясь в темноту за церковной стеной, куда только что неслышно скользнул Робин, он будет повторять

слова молитвы, соединенной с девизом Ордена тамплиеров: «Господи, сохрани его!.. Не нам, не нам, но имени Твоему!..» [\[8\]](#).

Как уже было сказано, нарратив повести «Один в Уикеме» выстроен в форме полифонии голосов разных персонажей, которые то вступают последовательно, как бы передавая друг другу непрерывную сюжетную линию, то звучат синхронно, освещая какой-либо эпизод с нескольких точек зрения. Далее мы проанализируем дискурс еще одного героя, в отличие от Мориса де Буавера, присутствующего как в фильме, так и в фан-повести, – названного брата Робина, Мача, сына мельника. Родители Мача когда-то усыновили Робина, после гибели его родного отца. Затем и отец Мача пал от руки Гая Гизборна, отказавшись выдать помощнику шерифа своих сыновей. С тех пор Робин стал для Мача, простодушного до наивности подростка, и отцом, и матерью, и братом, и даже более – центром мироздания.

Если интерпретировать смысловую нагрузку образа Мача в сериале, то мы склонны согласиться с тезисом, многократно повторенным в дискуссиях на литературно-историческом форуме «Шервудский лес», о том, что Мач выступает для всех остальных персонажей фильма своеобразным камертоном нравственности. Vanessa писала: «Чем дальше, тем больше понимаю, как важно, что Мач есть в RoS («Robin of Sherwood» – М.Ш.). Отношение к нему – это еще и своеобразный экзамен для каждого из шервудцев, да и для зрителей тоже. Без него невозможно, нереально. Без него нет полной картины.

Без него нет гармонии» [\[3\]](#). Именно через отношение к мальчишке высвечиваются лучшие или худшие черты личности того или иного героя, что также соответствует духу христианства: «Истинно говорю вам: так, как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25. 40). Приведем слова еще одного участника форума, Midinvaerne: «Не знаю насчет совести и толерантности... по-моему, скорее – градус человечности. Таскать с собой "вечное дитя", заботиться, кормить-поить-из передряг вытаскивать... И – важно – не обижать, не дразнить (это в Средние-то века)» [\[3\]](#). Прежде всего, сам Робин никогда не позволяет себе злиться или раздражаться на брата, терпеливо отвечает на все вопросы мальчишки, снова и снова повторяет объяснения, если тот чего-то не понял. И, разумеется, старший брат никогда не оставляет младшего в беде. Несмотря на сравнительно небольшую разницу в возрасте, рядом с Робином Мач чувствует себя абсолютно защищенным, как ребенок рядом со взрослым.

В повести Мач начинает свой нехитрый рассказ так: «Робин Гуд мой брат, мы вместе на мельнице жили...». В фильме теми же словами подросток успокаивал перепуганных детей деревни Уфкомб, пока отряд Робин Гуда отражал набег на их поселение «демонов» – людей, одурманенных аббатисой-колдуньей Моргвин из Ревенскара (серия «Мечи Вейланда»). Здесь возможно провести параллель с убежденным свидетельством евангелиста Иоанна о Христе: «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1. 14). Мач называет Робина «братишкой», но фактически его представление о старшем брате подобно представлению ребенка в раннем детстве о родителях, особенно о матери, – как о всесильном, все заполняющем, всему дающем название и порядок божестве. Кроме того, непосредственное мировосприятие подростка сродни тому схватыванию высшего, божественного, плана бытия, которое доступно святым и подвижникам разных религий. Так, например, Ромен Роллан в жизнеописании выдающегося индийского философа и писателя конца XIX в. Свами Вивекананды повествует о том, как Вивекананда, будучи молодым студентом и скептиком по мировоззрению, спросил человека, впоследствии ставшего его духовным учителем, Рамакришну: «Вы видели бога?». И тот ответил: «Я вижу его, как вижу тебя, – нет, еще

яснее» [\[17\]](#).

В связи с тематикой эволюции дискурса сериала «Робин из Шервуда» от языческого к христианскому и отражения этой эволюции в литературном интернет-пространстве интересны простодушные рассуждения Мача в тексте фан-повести о боге, точнее, – о богах, в которых он верит. Мальчишка называет сначала двух: бога на небе и Херна-Охотника на земле. Затем Мач повторяет укоризненные слова монаха Тука (наиболее положительного персонажа из представляющих в фильме и в балладах о Робин Гуде христианскую церковь): негоже, чтобы в одном человеке уживались два бога и две веры. Сам он, впрочем, не согласен с монахом: «*Лучше, когда много богов, авось, кто-то один за тебя да вступится*». Но духовная интуиция Мача вовсе не противоречит христианскому вероучению, хотя и оказывается несколько вольной трактовкой последнего. Потому что дальше брат Робин Гуд приходит не к чему иному, как к идее Святой Троицы: «*Что-то нас всех тут держит друг подле дружки. Иногда я думаю, что Робин, иногда – что Херн; а может, и бог. Тот, верхний*». Таким образом, Мач фактически называет три ипостаси Бога, явно отождествляя в своем восприятии образы Робина и Христа.

Заключение. Итак, мы продолжили анализ кинотекста сериала «Робин из Шервуда» и выявили в нем соответствие образа Робин Гуда идеальной модели христианского государя в народном сознании. Кроме того, Робин Гуд наделен чертами христианского рыцарства, что прослеживается в его поступках и высказываниях. С другой стороны, король Ричард Львиное Сердце в фильме лишен позитивных характеристик, и в этом состоит специфика данного художественного осмысления легенды, придающая сериалу большую историческую достоверность. Мы проанализировали также текст литературного произведения, посвященного фильму, – повести «Один в Уикеме или Благодарность бывшего тамплиера». Можно сделать вывод, что в повести последовательно выражена рецепция российскими зрителями трансформации дискурса сериала от языческого к христианскому.

[\[11\]](#) Здесь и далее курсивом выделены цитаты из текста повести «Один в Уикеме или Благодарность бывшего тамплиера»

Библиография

1. Allora. Начать сначала. URL: https://snapetales.com/all.php?fic_id=7489 (дата обращения: 15.07.2024)
2. Sherwood Forest 1. URL: <https://sherwood.clanbb.ru/?ysclid=lyj6hqince156696850> (дата обращения: 15.07.2024)
3. Sherwood Forest 2. Персонажи ROS. Мач (Much). URL: <https://sherwood.clanbb.ru/viewtopic.php?id=107&p=2#p96709> (дата обращения: 15.07.2024)
4. Sherwood Forest 3. Наше творчество на темы ROS. Один в Уикеме, или благодарность бывшего тамплиера. URL: <https://sherwood.clanbb.ru/viewtopic.php?id=434> (дата обращения: 15.07.2024)
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
7. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
8. Гусман Д.С. Тайный идеал тамплиеров. 2017. URL: https://royallib.com/read/gusman_deliya_steynberg/tayniy_ideal_tamplierov.html?ysclid=lr2e0a4j8f586878389#0 (дата обращения: 15.07.2024)
9. Гюго В. Собор Парижской Богоматери. М.: Правда, 1988. URL:

<http://lib.ru/INOOLD/GUGO/sobor.txt> (дата обращения: 15.07.2024)

10. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 4. Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 538 с.

11. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.

12. Мокиенко В.М. Библеизмы в современной русской речи. Как их правильно понимать и употреблять. М.: Центрполиграф, 2017. 237 с.

13. Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг.: в 2 т. Т. 2. Пушкин. Русская картина мира. М: Жизнь и мысль, 2001. 496 с.

14. Приказчикова Е.Е. Гротеск как предчувствие: рецепция культового английского сериала «Robin of Sherwood» (1984–1986) в российском литературном интернет-пространстве XXI века на примере образа сэра Гая Гизборна // Уральский филологический вестник. 2020. №1. С. 130–150.

15. Приказчикова Е.Е. Мифологический дискурс английского сериала «Робин из Шервуда» (1984–1986) // Сибирский филологический форум. 2022. С. 90–108.

16. Робин из Шервуда. 1, 2 и 3 сезоны. URL: <https://lordserials.net/zarubezhnye/390-robin-iz-shervuda-1984.html> (дата обращения: 15.07.2024).

17. Роллан Р. Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды. Вселенское Евангелие Вивекананды. М.: РИПОЛ классик, 2002. URL: <https://roerich-lib.ru/romen-rollan/zhizn-ramakrishny/5716-x-lyubimyj-uchenik-narendra> (дата обращения: 15.07.2024)

18. Черных А.П. Орден Подвязки // Большая российская энциклопедия, 2023. URL: <https://bigenc.ru/c/orden-podviazki-3a3302?ysclid=lybqffq35w448279657>

19. Широкова М.А. Христианский дискурс английского сериала «Робин из Шервуда» (1984–1986) и его отражение в современном литературном интернет-пространстве России // Философия и культура. 2023. № 11. С. 107–116. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.11.68910 EDN: XIYFUM URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_68910.html

20. Bernstein A. Legends of the Hooded Man. URL: <http://www.fandomworld.net/ros/starlog2.html> (дата обращения: 15.07.2024)

21. Exploring the legend. An interview with Richard Carpenter, including color and b/w photos from the early days of the show (featuring Michael Praed as Robin Hood). «StarBurst», № 83. July 1985. URL: <https://www.robinofsherwood.org/articles/starburst83.pdf>. (дата обращения: 15.07.2024)

22. Jones A. Michael Praed comes before a fall from grace. September 24 2008. URL: <https://sherwood.clanbb.ru/viewtopic.php?id=860&p=6#p31084> (дата обращения: 15.07.2024)

23. Reedman J.P. Nothing's Forgotten. Nothing is ever forgotten. 35 years in the forest. 29 April 2019. URL: https://maryanneyarde.blogspot.com/2019/04/nothings-forgotten-nothing-is-ever_29.html (дата обращения: 15.07.2024)

24. Richard Carpenter. Interview conducted and transcribed by Allen W. Wright. URL: <https://www.boldoutlaw.com/robint/richcarp.html> (дата обращения: 15.07.2024)

25. Robert Young Remembers. THE GREATEST ENEMY. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XfKUQ7rPW1A> (дата обращения: 15.07.2024).

26. Rogers C.J. The symbolic meaning of Edward III's Garter badge // Baker G.P., Lambert C.L., Simpkin D. (eds.) Military Communities in Late Medieval England: essays in honour of Andrew Ayton. Woodbridge: Boydell, 2018, pp. 125–145.

27. Thomas L.C. Robin of Sherwood: TV's Best Interpretation of the Robin Hood Legend. «Feature», 20 August. 2017. URL: <https://www.denofgeek.com/tv/robin-of-sherwood-tvs-best-interpretation-of-the-robin-hood-legend/> (дата обращения: 15.07.2024)

28. William Shakespeare. The tragedy of Romeo and Juliet. URL: http://www.romeo-juliet-club.ru/shakespeare/romeojuliet_english.html (дата обращения: 15.07.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В центре внимания автора статьи – христианский дискурс; примечательны два обстоятельства: во-первых, тема христианства рассматривается через ее экспозицию в английском сериале «Робин из Шервуда», а во-вторых, это вторая статья, продолжающая эту тематику. Первое обстоятельство открывает возможности не просто теоретизирования на тему христианства, его содержательной и формальной сторон, а также способствует подтверждению некоторых ключевых и, возможно, обладающих критическим пафосом идей или концепций, апеллирующих к христианской идее или догме. Второе обстоятельство позволяет автору выстроить вполне логичную и обоснованную стратегию исследования, продумать ее, сосредоточить внимание на противоречиях и общих местах в рефлексии христианства, подвергнув их в той или иной степени критике, а также в соответствии с основополагающими моментами в рассуждениях расставить важные акценты, имеющие значение для осмыслиения обозначенного объекта. Таким образом, представляется, что и постановка вопроса, и способ его исследования, и ожидаемые результаты вписываются в исследовательскую канву и позволяют автору в конечном счете достичь эвристически значимого итогового вывода.

Итак, по содержанию представленного материала можно утверждать следующее. Автор демонстрирует уверенное владение материалом, в частности, не только не вызывает сомнений выбор в пользу теории и методологии работы (философско-герменевтический подход), но представляется, что решить поставленный вопрос иным способом, вне «плотного» герменевтического ракурса вряд ли возможно. Тем более, что автор совершенно верно обозначил акцент – речь идет о специфическом инструменте «толкования художественного текста». Это определяющее уточнение сразу же обеспечивает заданный масштаб исследования и в то же время позволяет автору статьи предлагать различные (и даже спорные и неоднозначные) варианты истолкований или интерпретаций. Конечно, сам контекст сериала «Робин из Шервуда» этому вполне способствует. Хотелось бы уточнить, с чем связан такой выбор автора, но, по-видимому, аргументация предложена была в первой части статьи. Но даже если автор руководствовался своим собственным вкусом, он имеет на это право, более того – такой путь интереснее в анализе, т.к. под «покровом» собственного восприятия и ощущений и чувств могут рождаться любопытные толкования, вовсе не лишенные рационального и обоснованного начала и концептуализации. Вместе с обращением к фильму, автор статьи делает акцент и на фан-литературе, связанной с сериалом, что позволяет расширить исследовательский горизонт и установить смысловые связи между различными, но в то же время близкими по духу, формами отражения событий и идей. Так, например, в анализе фан-повести «Один в Уикеме или Благодарность бывшего тамплиера» автор статьи делает акцент на обобщении содержащихся в ней нарративов, рассматривая различные сюжетные ходы, сопоставляя их друг с другом и с ключевой идеей, обозначает точки сопряженности с христианским мировоззрением и соответствующей картиной мира. Довольно любопытным в статье следует признать ракурс исследования относительно анализа образа Робин Гуда в сериале «Робин из Шервуда» как «воплощения идеи христианского короля и христианского рыцарства». Такие атрибутивные и вместе с тем ценностно-смысловые характеристики дают представление о развертывании христианской тематики и в самом фильме, но также и в

ценностно-нормативной системе общества, допускающего или разделяющего конкретные ценности и нормы. Через образы кино удается реконструировать отражение христианского мировоззрения в ценностях, и наоборот. В статье автором дается оценка ряду исторических событий, что делает работу основательной с точки зрения культурно-исторической обусловленности в «развертывании» христианского содержания в бытии. Такой подход оправдан и позволяет сделать заслуживающие внимания обобщения и выводы. Таким образом, преимуществами статьи являются следующие положения: (1) автор не отклоняется от заявленной темы и раскрывает ее достаточно убедительно; (2) присутствующий культурфилософский ракурс исследования позволил получить интересные в научном плане обобщения, свидетельствующие о глубине проработки материала; (3) в статье присутствуют обоснованные культурно-исторические аналогии, что позволяет вписать исследуемый вопрос в соответствующий исторический контекст. Полагаем, что статья выдержана в научном стиле, апеллирует к достаточному количеству источников, является продолжением уже опубликованного ранее материала и будет любопытна для широкого круга читателей.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Чжан И., Решетникова С.В. Баритоновое искусство начала XIX века: амплуа и традиции исполнительства // Философия и культура. 2024. № 7. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.7.44042 EDN: QRYWCZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44042

Баритоновое искусство начала XIX века: амплуа и традиции исполнительства**Чжан Исян**

Ассистент-стажер, кафедра вокального искусства, Казанская государственная консерватория имени Н. Г. Жиганова

420000, Россия, г. Казань, ул. Пушкина, 24, оф. Казань

✉ 572901203@qq.com

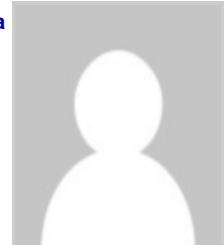
Решетникова Светлана Владимировна

кандидат искусствоведения

старший преподаватель, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова

420004, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Окольная, 1

✉ lana-budilova@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия и искусство"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.7.44042

EDN:

QRYWCZ

Дата направления статьи в редакцию:

16-09-2023

Аннотация: Предметом настоящего исследования является оперное искусство начала XIX века. Объектом исследования выступает творчество первых оперных баритонов того периода. Период эпохи раннего романтизма освещен в трудах российских и зарубежных музыковедов О.В. Жестковой, Л.А. Садыковой, А.В. Денисова, И.П. Драч, А.Е. Хоффманн, Э.Р. Симоновой, С.В. Решетниковой, А. Якобсхагена, Д. Марека, Дж. Поттера, Дж. Старка, С. Карузелли, Дж. Риггс, Дж. Росселли и многих других. Однако вышеназванные работы посвящены в основном изучению оперного исполнительства теноров и сопрано. Вопросы формирования исполнительских традиций и амплуа

баритонов начала XIX века в них не рассматривались. Таким образом, период зарождения этого голосового типа остался малоизученным, что говорит о новизне данного исследования. В работе привлечены материалы из трудов современных исследователей: С.В. Решетниковой и А.Г. Стакевича, в которых рассматривался процесс эволюции западноевропейского оперного искусства и упоминалось о баритонах вердиевского периода, а также работы китайских исследователей Хе Цзянхуя и Тан Чжаньчена, посвященные басовому оперному искусству. Статья Цуй Синъхань, в которой приведены общие сведения о зарождении амплуа баритона, представила в этом смысле наибольший интерес и явилась отправной точкой для более глубокого исследования. Актуальность исследования обусловлена интересом современных исполнителей к репертуару первых баритонов, среди которых Антонио Тамбурини, Луиджи Дзамбони и другие. А также недостатком изученности эволюционных процессов, произошедших в баритоновом искусстве в начале XIX века. В данной работе преобладают исторический и теоретический методы исследования. Выводы настоящего исследования заключаются в следующем: охарактеризовано творчество первых баритонов начала XIX века, выявлены основные аспекты их исполнительского творчества и обозначены амплуа в которых они выступали.

Ключевые слова:

амплуа, баритон, вокальная партия, Луиджи Дзамбони, Джоаккино Россини, Винченцо Беллини, фальцет, *basso cantante*, *baritenore*, Антонио Тамбурини

Баритон – самый распространенный мужской певческий голос, находящийся между тенором и басом. Термин *βαρύτονος* имеет греческие корни и происходит от двух слов: *βαρύς* (низкий) и *τόνος* (тон) [\[2, С. 153–156\]](#). Среди самых ярких представителей этого типа голоса Луиджи Дзамбони (первый Фигаро в «Севильском цирюльнике» Россини), Антонио Тамбурини (первый исполнитель многих беллиниевских и доницеттиевских партий), Маттио Баттистини (наследник певческих традиций Тамбурини), Анри-Бернар Дабади (первый Вильгельм Телль в опере Россини), Пьетро Каппуччилли (первый интерпретатор многих вердиевских партий), Этторе Бастьянини (обладатель прекрасного бархатного баритона), Тито Гобби (один из лучших исполнителей драматических ролей, таких как Яго в «Отелло» Верди), Титта Руффо (один из лучших исполнителей партии Риголетто в одноименной опере Верди), Чарльз Сэнтли (выдающийся английский баритон-виртуоз) и многие другие [\[12, С. 195–203\]](#).

Впервые упоминание о баритоновом типе голоса можно было найти в вокально-хоровой партитуре XV века, им обозначались низкие голоса. Однако после утверждения четырехголосной системы в хоровой партитуре баритоны «вынуждены были переквалифицироваться на басов или теноров» [\[7, С. 267–272\]](#).

Оперный баритон выделился как самостоятельный тип голоса в XIX веке. Ранее баритоны вынуждены были исполнять в опере партии *basso cantante* (высокого, подвижного баса) или *baritenore* (низкого, баритонального тенора) [\[5, С. 58\]](#). Исполнительское искусство баритонов стало активно развиваться в первых десятилетиях XIX века. В частности, в 1820-е годы завершилась эра господства кастраторов, исполнявших партии главных героев как в опере *buffa*, так и в опере *seria*. На смену певцам-кастратам сначала пришли тенора, а затем басы и баритоны. Баритоны, считавшиеся высокими басами или низкими тенорами окончательно отделились и от

первых и от вторых и обособились в самостоятельный голосовой тип.

Репертуар баритонов формировался постепенно. Несмотря на то, что и в XVIII веке в операх Моцарта, например, встречались такие партии *basso cantante* как граф Альмавива в «Свадьбе Фигаро», Папагено в «Волшебной флейте», Дон Жуан в одноименной опере (которые исполнялись не только басами, но и баритонами), баритоны заняли ведущие роли в опере лишь в XIX веке [\[15\]](#). В качестве подтверждения можно привести примеры заглавных ролей: Вильгельм Телль в опере Россини, Евгений Онегин в опере Чайковского, Риголетто в опере Верди.

В числе первых оперных партий Фигаро в «Севильском цирюльнике» Россини (исполненная Луиджи Цзамбони в 1816 году), Дандини в "Золушке" (впервые представленная высоким басом Джузеппе де Беньисом в 1817 году) и Атлант в опере «Насилие и постоянство, или Фальшивые деньги» Меркаданте (исполненная Тамбурини в 1820 году). Вслед за Россини и Меркаданте баритоновые оперные партии стали создавать Джованни Паччини, Карло Кочча, Гаэтано Доницетти и, наконец, Джузеппе Верди. Первые баритоновые партии нередко обозначались композиторами как *basso cantante*. Примером является партия Пикара в опере Доницетти «Кьяра и Серафина», созданная композитором в 1822 году для Антонио Тамбурини [\[7, С. 267-272\]](#). Позднее, в конце 1820-х годов, напротив, некоторые оперные партии, изначально созданные для басов, стали переписываться композиторами для баритонов. Так, партия Филиппо из оперы «Бьянка и Фернандо» Беллини, исполненная на премьере 30 мая 1826 года басом Луиджи Лаблашем, была впоследствии переписана для баритона Антонио Тамбурини и исполнена певцом двумя годами позже.

Композиторы XIX века стали подчеркивать тембровый контраст низких мужских голосов, создавая для них ансамблевые номера в своих операх. Примерами могут служить дуэты Дона Паскуале и Малатесты из оперы «Дон Паскуале» Доницетти и Джорджа Валлтона и Рикардо Форта из оперы «Пуритане» Беллини, созданные для Луиджи Лаблаша и Антонио Тамбурини. Баритоны в этих операх нередко представляли в амплуа компанийонов или героев с противоречивым характером. Впоследствии композиторы стали поручать баритонам роли правителей (Ричард Львиное сердце в одноименной опере Паччини), военачальников (Израэль Бертуッチи в опере "Марино Фальзеро" Доницетти), благородных героев (Вильгельм Телль в одноименной опере Россини), героев-любовников (Эрнесто Волмар в опере "Алина, королева Голконды" Доницетти). Тем самым авторы ставили баритонов на одну ступень вокальной иерархии с тенорами.

Однако в начале XIX века нередкими были случаи взаимозаменяемости голосов в оперном спектакле, что было связано с универсализацией исполнительского искусства того периода. Баритонам иногда доводилось исполнять теноровые партии. Известен случай, когда на гастролях в Санкт-Петербурге (13 ноября апреля 1843 года) Тамбурини пришлось исполнить теноровую партию Яго в опере «Отелло» Россини. В «Литературной газете» Санкт-Петербурга отмечалось, что Тамбурини «из угодливости» взялся исполнять теноровую партию, специально переложенную для баритона, в этой небольшой роли он смог прекрасно выразить коварство Яго [\[3, С. 18\]](#). Также и другой бас-баритон Мануэль Гарсиа-младший исполнял теноровые партии (перенесенные в баритоновую tessitura) в операх Россини на гастролях в Мексике в 1826 году, заменяя заболевшего отца тенора Мануэля Гарсию-старшего [\[6, С. 27 - 31; 14, С. 52 - 55\]](#). Таким образом, перенос партий в другую тональность использовался певцами того времени довольно часто. Кроме того, певцы включали импровизации и вставные арии в исполняемые партии.

Если диапазон партии хорового баритона простирался от ноты "фа" большой октавы до "фа" первой, то исполнительские возможности оперных баритонов были гораздо шире. Последние старались расширить диапазон, используя усиленное грудное звучание или фальцет. Способ расширения диапазона голоса за счёт фальцета практиковали Джованни Инкинди и Антонио Тамбурини [\[10, С. 48 - 53\]](#). Тамбурини, например, состязался на оперной сцене со знаменитым тенором Джованни Баттисой Рубини в умении импровизировать и исполнять пассажи фальцетом в высокой tessiture [\[13\]](#). С 1830-х годов использование фальцетного регистра утратило актуальность и баритоны вслед за тенорами стали осваивать технику «прикрытия» высоких нот. Стремились увеличить объём и силу грудного звучания.

Следует отметить, что мужские голоса имеют два регистра: головной (фальцетный) и грудной. Для однородности тембрового звучания и скрытия границ регистрационного перехода певцами используется «прикрытие» или затемнение высоких нот. Как отмечал известный ученый Л. Б. Дмитриев: «регистровый переход не исчезает, а смягчается за счет плавного перехода грудного звучания в микстовое, прикрытое. Голос при таком способе формирования диапазона звучит достаточно ровно, и многие профессиональные певцы успешно пользуются именно такой манерой прикрытия» [\[1, С. 452-454\]](#). Данная манера пения осваивалась певцами XIX века постепенно. Каждый из исполнителей искал наиболее приемлемый для себя способ «прикрытия», будь то затемнение гласных в высоком регистре или микстовое звучание.

Вокальная техника баритонов активно развивалась и к середине столетия баритоновые голоса уже разделились на высокие, подвижные (именуемые в наше время лирическими) и мощные, объемные (которые мы относим теперь к драматическим). Первые были продолжателями исполнительских традиций *baritenore*, а вторые - *basso cantante*. Китайский исследователь Хе Цзяньхуй в своей работе отмечал, что в XIX веке в целом наметилась тенденция к «баритонизации» басового искусства [\[9\]](#). Теорию «баритонизации» мужского исполнительского искусства хотелось бы дополнить и отметить, что это явление коснулось не только басового, но и тенорового искусства ввиду того, что к середине XIX века сложнейшая колоратура из теноровых партий перешла к баритоновым [\[8\]](#). В вердиевских баритоновых партиях, например, встречаются сложнейшие вокальные эпизоды, охватывающие широкий диапазон: кабалетта в арии Жермона II Provenza из оперы «Травиата», которую современные исполнители нередко купируют; ария мести Egli e salvo! O gioja immensa Карлоса из оперы «Сила судьбы» [\[8; 5, С. 58\]](#). Однако следует отметить, что богато украшенное пение было бы всего лишь демонстрацией виртуозности, если бы не сопровождалось чувственной игрой актера и драматической экспрессией. На существование разных типов вокальных исполнителей указывал М. Львов в своем труде «Из истории вокального искусства» разделяя их на певцов-актеров, способных создать музыкально-драматические образы, и певцов-виртуозов «певцов в узком смысле этого слова» [\[4; 11, С. 180\]](#). Ко времени создания первых опер Верди баритоны, обладающие мощными голосами и способные воплотить реалистичные образы драматических персонажей, стали наиболее востребованными. У Верди баритон, как правило, выступал в роли оппонента по отношению к тенору и сопрано, то есть к паре влюбленных героев. Яркими примерами являются роли Джорджа Жермона, Риголетто, Дона Карлоса ди Варгоса и другие [\[8, С. 111\]](#).

С первых десятилетий XIX века начался новый виток развития баритонового искусства. Благодаря появлению выдающихся исполнителей, совершенствованию их вокальной

техники и драматизации искусства баритоны смогли отделиться от тенора и баса, добиться высокого уровня исполнительской культуры, что позволило им занять главное положение в иерархии оперных голосов XIX века. Появились новые амплуа и типы баритонового голоса, такие как лирический, драматический, лирико-драматический, впоследствии появился легкий баритон-мартен. Фундамент развития искусства оперных баритонов был заложен в начале XIX века такими выдающимися исполнителями как Тамбурини, Дабади, Инкинди, де Беньис и Дзамбони. Именно они сыграли важнейшую роль в развитии искусства баритонов, стали первыми исполнителями многих партий, воплотив амплуа героя-любовника, соперника, компаньона, правителя, военачальника и сформировали представление об эталонном звучании многих оперных партий, на которое впоследствии стали равняться их последователи.

Библиография

1. Дмитриев, Л. Б. Основы вокальной методики. М.: Музыка, 1968. – 674 с.
2. Кандауров, Д. Ю. Трактовка амплуа баритона в опере "Художник Матис" П. Хиндемита / В сборнике студенческие научные исследования. Материалы статей XI Международной научно-практической конференции / Д. Ю. Кандауров.-Пенза, 2022. – С. 153-156.
3. Литературная газета.-Санкт-Петербург, 1844.
4. Львов, М. Л. Из истории вокального искусства. – М.: Музыка, 1964. – 228 с.
5. Решетникова, С.В. Артистическая и педагогическая деятельность Мануэля Гарсии-старшего в контексте развития тенорового исполнительства конца XVIII-первой трети XIX : диссертация кандидата искусствоведения : 17.00.02. – Казань, 2020. – 234 с.
6. Решетникова, С.В. А была ли ошибка Мануэля Гарсии? Попытка развеять миф о главном секрете школы Гарсии // *Philarmónica. International Music Journal*. 2017. № 4. – С. 27-31.
7. Синъхань, Ц. Зарождение и развитие баритона в опере XIX века // В сборнике : Актуальные проблемы музыкально-исполнительского искусства: История и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. Составители: Ю. С. Карпов, В. И. Яковлев / Ц. Синъхань. Казань, 2020. – С. 267-272.
8. Стахевич, А. Г. Вокальное искусство Западной Европы : творчество, исполнительство, педагогика / А. Г. Стахевич.-Saarbrusken : Lambert acad. publ., 2012. – 408 с.
9. Цзяньхуй, Х. Тембр-амплуа бас-баритона в оперном творчестве XVII-XIX столетий : диссертация кандидата искусствоведения ; 17.00.02. – Одесса, 2016. – 226 с.
10. Чжан, И. Специфика оперно-вокального исполнительства Антонио Тамбурини // *Philarmónica. International Music Journal*. 2023. – № 3. – С. 48-53.
11. Чжаньчен, Т. Специфика трактовки баса в опере XVII-XIX веков : между амплуа и характером : диссертация кандидата искусствоведения : 17.00.03. – Харьков, 2017. – 216 с.
12. Юй, С. Маттио Баттистини-выдающийся баритон XIX века // *Bulletin of the international centre of art and education*. – Москва, 2021. С. 195-203.
13. Landini, G. Tamburini, Antonio / *Dizionario biografico degli italiani*-volume 94, 2019. [Электронный ресурс] // URL: <https://www-treccani-it>
14. Reshetnikova, S. V. Manuel Garcias alleged mistake. An attempt to destroy the myth of the corporate secret of Garcias Scool // *Philarmónica. International Music Journal*. 2018. № 1. С. 52-55.
15. Jander, O., Steane, G. B., Forbes, E., Harris, E. T., Waldman, G. Baritone // *The New Grove Dictionary of Music and Musicians*. 2 nd. ed / Ed. Stanley Sadie, John Tyrrell. Oxford, 2001. [Электронный ресурс] // URL : <https://www.oxfordmusiconline.com/page/history-of-grove-music>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в статье «Баритоновое искусство начала XIX века: амплуа и традиции исполнительства» является формирование баритонового репертуара в развитии европейского оперного искусства начала XIX в., что, собственно, нашло отражение в заголовке. С опорой на мнение коллег автор признает, что упоминания «о баритоновом типе голоса можно было найти в вокально-хоровой партитуре XV в.», но в силу «утверждения четырехголосной системы в хоровой партитуре баритоны “вынуждены были переквалифицироваться на басов или теноров”». Собственно, это положение и обуславливает позицию автора, состоящую в том, что репертуаром *basso cantante* (Моцарт, Россини, Чайковский) искусство известных баритоновых вокалистов (Антонио Тамбурини, Мануэль Гарсиа-младший, Джованни Инкинди и др.) не ограничивается. Развивая концепцию «баритонизации» мужского вокально-исполнительского искусства в XIX в. китайского коллеги Хе Цзяньхуя, с опорой на исследование профессора Олександра Григоровича Стакевича, автор подчеркивает, что «это явление коснулось не только басового, но и тенорового искусства ввиду того, что к середине XIX века сложнейшая колоратура из теноровых партий перешла к баритоновым». Свою позицию автор обосновывает путем анализа биографических исследований и вокально-оперного репертуара известных баритонов, раскрывая сложившуюся в начале XIX в. специфику амплуа и традиции исполнительства.

В целом, предмет исследования рассмотрен достаточно подробно на хорошем теоретическом уровне.

Методология исследования опирается на обобщение и теоретическую критику исследований коллег из России, Китая, Украины, Великобритании. Несмотря на то, что автор максимально постарался избежать формализма методических разделов статьи, логика и структура изложения материала вскрывает четкую программу исследования, реализованную с опорой на принципы объективности и историзма.

Актуальность выбранной темы автор отдельно не обосновывает. Но судя по завязавшейся дискуссии с китайским коллегой, автор подчеркивает, что на формирование баритонового репертуара в развитии европейского оперного искусства начала XIX в. значительное влияние оказало именно исполнительское амплуа и традиции европейского вокально-исполнительского искусства. В этом смысле более объективными источниками являются результаты историко-биографических исследований известных вокалистов, нежели нотные опусы, в которых композиторы XIX в., следуя консервативной традиции, выбирали для характеристики музыкально-драматического образа *basso cantante* или *tenor*. Вполне очевидно, что устоявшаяся в композиторском творчестве формальное разделение многоголосия на четыре диапазона, потребовало корректировки в вокально-исполнительской практике. После эпохи выдающихся кастратов в начале XIX в. свои позиции вновь занимает естественный, богатый обертонами и драматическими возможностями мужской баритон, репертуар которого, как продемонстрировал автор, формировался как из басовых, так и теноровых партий. Актуальность статьи, таким образом, состоит не только в уточнении исторической объективности, но и имеет практическую составляющую при формировании педагогического репертуара студентов-вокалистов.

Научная новизна статьи не вызывает сомнений. Она выражена в авторской подборке обобщенной научной литературы, в логике аргументации авторской позиции.

Стиль текста выдержан автором научный. Структура статьи отражает логику изложения

результатов научного исследования.

Библиография хорошо отражает проблемную область исследования, но ее описание содержит некоторые технические ошибки и нуждается в уточнении с учетом требований редакции и ГОСТа (см. https://nbpublish.com/fkmag/common_106.html).

Апелляция к оппонентам вполне корректна, уместна и достаточна. Автор умело вступает в дискуссии с коллегами, грамотно критикует одни позиции и аргументированно доказывает собственную правоту.

За исключением отдельных технических недочетов в описании списка литературы рецензент не видит препятствий к публикации статьи. Она безусловно представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философия и культура» и может быть опубликована после небольшой доработки.

Англоязычные метаданные

Infiltration of Illusory Ideas About Slavic Paganism into Modern Russian Scientific and Official Business Discourses: Sociocultural Risks

Beskov Andrey Anatol'evich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Philosophy and Social and Legal Sciences; Volga State University of Water Transport

603950, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Nesterova str., 5, room 377

✉ beskov_aa@mail.ru

Abstract. This paper serves as a logical continuation of the article "Fake Science and Simulacra of Culture: Illusory Ideas about Slavic Paganism in Modern Russian Humanities", published in the journal "Voprosy Filosofii" in 2022. This paper was about the mechanism of the origin of illusory ideas about Slavic paganism and the reasons for their intrusion into scientific publications. Here we analyze the socio-cultural consequences that the functioning of this mechanism eventually leads to. The object of study in this article is the modern scientific and parascientific ideas of Russians about the paganism of the ancient Slavs, and the subject of study is the infiltration of parascientific opinions about the ancient Slavs' paganism in scientific and official business discourses in modern Russia. The methodological basis of the research work is a case study. The methodological arsenal includes also the hermeneutic analysis of a number of texts published in Russian scientific periodicals and serving as material for the author's reflection.

In the course of the study, it was revealed that illusory ideas about Slavic paganism very easily infiltrate into various publications presented both in proceedings of the scientific conferences and in scientific journals. As a result, various parascientific (in particular, neo-pagan) constructs gain weight due to their transmission in scientific periodicals.

The infiltration of simulacra of traditional culture into scientific discourse leads to the fact that representatives of the scientific community, performing various expert functions, become guides of these simulacra into official business discourse. Given the state's policy of preserving and developing traditional values, it can be expected that under the guise of preserving various folk traditions, modern parascientific constructs that actually have nothing to do with genuine historical and cultural heritage can receive support.

Keywords: mystical tourism, expert community, Russian academic community, mass consciousness, Parascience, Pseudoscience, Russian Neo-Paganism, Slavic mythology, Slavic paganism, Neo-Nazism

References (transliterated)

1. Beskov A. A. Simulyatsiya nauki i simulyakry kul'tury: illyuzornye predstavleniya o slavyanskom yazychestve v sovremennoi rossiiskoi gumanitaristike // Voprosy filosofii. – 2022. – № 1. – S. 100–110. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-1-100-110>
2. Beskov A. A. Mifologiya, vooruzhennaya lopatoi, ili Vozmozhna li arkheologiya sverkh'estestvennogo? // Stratum plus. – 2022. – № 5. – S. 345–359. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp225345360>

3. Gerring John. Case Study Research: Principles and Practices. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 265 p.
4. Morozova T. P. Kon'-solntse v slavyanskoi yazycheskoi mifologii // Vestnik slavyanskikh kul'tur. – 2019. – T. 52. – S. 53–64.
5. Ivanov V. V., Toporov V. N. Slavyanskie yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy. – M: Nauka, 1965. – 245, [1] s.
6. Ivanov V. V., Toporov V. N. Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei. Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov. – M.: Nauka, 1974. – 342 s.
7. Toporkov A. L. O «belorusskikh narodnykh predaniyakh» i ikh avtore // Rukopisi, kotorykh ne bylo: Poddelki v oblasti slavyanskogo fol'klora. – M.: Ladomir, 2002. – S. 245–254.
8. Levkievskaya E. E. Mekhanizmy sozdaniya mifologicheskikh fantomov v «Belorusskikh narodnykh predaniyakh» P. Drevlyanskogo // Rukopisi, kotorykh ne bylo: Poddelki v oblasti slavyanskogo fol'klora. – M.: Ladomir, 2002. – S. 311–351.
9. Livshits V. V., Livshits E. A. Problemy sozdaniya i translyatsii khoreograficheskikh proizvedenii na osnove slavyanskoi mifologii // Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik dokladov Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (Belgorod, 12 fevralya 2020 g.): v 3-kh tomakh / otv. red.: Yu. V. Bovkunova, S. N. Zenin, A. A. Shakmakov. – Belgorod: BGIIK, 2020. – T. 1. – S. 177–181.
10. Danilov P. A., Buksikova O. B. Russkaya narodnaya igra «verbokhlest»: semantika i transformatsiya v khoreografii // Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik dokladov Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (Belgorod, 12 fevralya 2020 g.): v 3-kh tomakh / otv. red.: Yu. V. Bovkunova, S. N. Zenin, A. A. Shakmakov. – Belgorod: BGIIK, 2020. – T. 1. – S. 239–242.
11. Vasil'ev M. A. Yazychestvo vostochnykh slavyan nakanune kreshcheniya Rusi: Religiozno-mifologicheskoe vzaimodeistvie s iranskim mirom. Yazycheskaya reforma knyazya Vladimira. – M.: Indrik, 1998. – 328 s.
12. Sokolova V. K. Vesenne-letnie kalendarnye obryady russkikh, ukrainstev i belorusov. – M.: Nauka, 1979.
13. Pasechnik S. I., Lebedeva M. I. Znachenie narodnogo kostyuma v traditsiyakh, obryadakh fol'klore Slobozhanshchiny // Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik dokladov Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (Belgorod, 12 fevralya 2020 g.): v 3-kh tomakh / otv. red.: Yu. V. Bovkunova, S. N. Zenin, A. A. Shakmakov. – Belgorod: BGIIK, 2020. – T. 1. – S. 248–255.
14. Rybakov B. A. Yazychestvo drevnikh slavyan. – M.: Nauka, 1981. – 607 s.
15. Gavrilova K. A. Vozvrashchenie narodnoi kul'tury narodu: pravil'naya maslenitsa i metodicheskoe rukovodstvo sel'skoi samodeyatel'nost'yu // Etnograficheskoe obozrenie. – 2016. – № 6. – S. 27–43.
16. Shtyrkov S. A. Predaniya ob inozemnom nashestvii: krest'yanskii narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoi Novgorodchiny). – SPb.: Nauka, 2012. – 228 s.
17. Dovganyuk E. S., Moiseeva E. A., Sharapova A. V. Proekt blagoustroistva i ozeleneniya fragmenta Tomilinskogo lesoparka (g. Lytkarino, MO) // Vestnik landshaftnoi arkhitektury. – 2019. – № 18. – S. 22–25.

18. Bardasova A. S., Nikitina O. N. Natsional'nye fol'klornye obrazy kak element razvitiya turizma (na primere slavyanskoi demonologii) // Novye tekhnologii razvitiya turistskoi deyatel'nosti v Udmurtskoi Respublike: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, Izhevsk, 23 noyabrya 2022 goda. – Izhevsk: Izdatel'skii dom "Udmurtskii universitet", 2022. – S. 5–18.
19. Zvonkova S. Noch' v XIX veke. Nizhegorodtsy sozdali antimuzei slavyanskoi kul'tury // Argumenty i Fakty – Nizhnii Novgorod. 2024. № 20. 5 maya. URL: <https://nn.aif.ru/culture/noch-v-xix-veke-nizhegorodcy-sozdali-antimuzey-slavyanskoy-kultury> (data obrashcheniya: 20.06.2024).
20. Astakhov D. Khudozhnika ne spasli oberegi // Kommersant" (Perm'). 2016. № 204. 2 noyabrya. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3132402> (data obrashcheniya: 20.06.2024).
21. Ovchinnikov D. Simvoly razdora. Kak permskii rezchik po derevu stal «natsistom» // Argumenty i fakty. 2016. 21 noyabrya. URL: https://aif.ru/society/people/simvoly_razdora_kak_permskiy_rezchik_po_derevu_stal_nacistom (data obrashcheniya: 20.06.2024).
22. Tret'yakov S. Permskogo khudozhnika prznali ekstremistom iz-za starinnykh slavyanskikh uзоров // Komsomol'skaya pravda. 2016. 2 noyabrya. URL: <https://www.tver.kp.ru/daily/26602/3618010/> (data obrashcheniya: 20.06.2024).
23. Volgireva G. P. Runy v narodnom tkachestve Predural'ya // Obshchestvennye nauki. – 2012. – № 2. – S. 182–191.
24. Goodrick-Clarke N. The Occult Roots of Nazism. Secret Aryan Cults and their Influence on Nazi Ideology. London, New York NY: I. B. Tauris & Co., 2004. – 293 p.
25. Mel'nikova E. A. Skandinavskie runicheskie nadpisi: Novye nakhodki i interpretatsii. Teksty, perevod, kommentarii. – M.: Vostochnaya literatura, 2001. – 496 s.
26. Makaev E. A. Yazyk drevneishikh runicheskikh nadpisei (lingvisticheskii i istoriko-filologicheskii analiz). – M.: Editorial URSS, 2002. – 156 s.
27. Beskov A. A. «Slavyanskie runy» na rossiiskikh ekranakh: reprezentatsiya neoyazycheskogo mifa // ПРАЭХМА. Problemy vizual'noi semiotiki. – 2019. – № 3. – S. 225–253. DOI: 10.23951/2312-7899-2019-3-225-253
28. Belyaev L. A., Berezovich E. L., Borinskaya S. A. i dr. Nauka i psevdonauka // Antropologicheskii forum. – 2013. – № 18. – S. 9–140.
29. Kimeev V. M. Etnokul'turnyi renessans i mifotvorchestvo v sovremennoi obryadnosti narodov Pritom'ya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Iстория. – 2016. – № 5 (43). – S. 96–99. DOI: 10.17223/19988613/43/20
30. Ovchinnikov A. V. «Vozrozhdenie» Bolgara i Sviyazhska – noveishii opyt konstruirovaniya istoricheskoi pamyati // Vestnik Permskogo universiteta. Iстория. – 2017. – № 4(39). – S. 192–201. – DOI 10.17072/2219-3111-2017-4-192-201.
31. Yakovlev A. I., Yakovleva K. M. Traditsionnyi yakutskii prazdnik Ysyakh v sovremennom kul'turnom landshafte // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2019. – № 1 (57). – S. 122–126.
32. Maslov V. Deputat Gosдумы pozdravil saratovtsev s Kolyadoi // Informatsionnoe agentstvo «Vzglyad-info». 2018. 22 dekabrya. URL: <https://www.vzsar.ru/blogs/4279> (data obrashcheniya: 21.06.2024).
33. Beskov A. A. Yazychestvo vostochnykh slavyan pered litsom sovremennosti. – SPb.: DMITRII BULANIN, 2018. – 192 s.
34. Baudrillard J. Simulacra and simulation. – Ann Arbor: The University of Michigan Press,

1994. – 176 p.

The role of holy wives' representations in the Medieval Rus' icons (XV–XVI centuries) with the main figure of St. Nicholas of Myra and the chosen saints

Pshenichnyi Petr Vladimirovich

Postgraduate student; Department of the History of Russian Art; Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, Moscow, Leninskie Gorystr., 1, room G-420

✉ pshenichnyi321@gmail.com

Abstract. In the ancient Russian art of the XV–XVI centuries, there are often works with the image of St. St. Nicholas of Myra, represented in various iconographic types and accompanied by images of holy wives. These monuments have a similar compositional structure. Among them, the most significant are those icons where the image of the Myrlician saint is placed in the centerpiece, and the figures of selected saints are represented in the margins. The subject of the study in this work is the corpus of monuments with the central image of St. Nicholas as well as the figures of the chosen saints in the fields and the images of female holiness in the margins. The purpose of this article is to determine the role of the figures of the holy women in these icon compositions by the example of monuments of a certain iconographic origin and to offer an interpretation of this previously insufficiently studied plot. To do this, we will resort to the iconographic method of research, which allows us to identify certain nuances of compositional construction, to reveal the spiritual content of the image. The method of comparative analysis is no less important in this work. The works of interest to us are united by the composition of the figures of the few holy women in the lower field, which are associated with evangelical events and the theme of steadfastness in faith (st. Paraskeva, st. Varvara or st. Ulyana), or have pronounced motives for appearing at the Last Judgment (St. Catherine). The stable tradition of depicting these holy women in the iconographic composition of these monuments suggests their correlation with the central image. We believe that they were designed to emphasize the idea of the intercession of the female saints and were organically into iconographic system.

Keywords: Deesis, saints' intercession, St. George, St. Nicetas, St. Catherine, St. Paraskevi, chosen saints, female saints, St. Nicholas of Myra, icon

References (transliterated)

1. Shalina I. A. Tipologiya drevnerusskoi ikonografii svyatitelya Nikolaya Mirlikiiskogo XI–XVI vekov // Dobryi kormchii. Pochitanie svyatitelya Nikolaya v khristianskom mire: sb. statei / Sost. i obshch. red. A. V. Bugaevskii. M.: Skiniya, 2011. S. 550–591.
2. Vinogradov A. Yu. Velikomuchenitsa Paraskeva Ikoniiskaya i ee «nesokhranivshiesya» grecheskie akty // Kafedra vizantiiskoi i novogrecheskoi filologii: sb. statei. Vyp. 1. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2000. S. 76–80.
3. Vinogradov A. Yu. Paraskeva // Pravoslavnaya entsiklopediya / Pod obshch. red. Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. M.: Tserkovno-nauch. tsentr «Pravoslavnaya entsikl.», 2019. T. LIV. S. 587–588.
4. Menyailo V. A. Agiologiya velikomuchenitsy Ekateriny na Rusi v XI–XVII vekakh // Iskusstvo Khristianskogo Mira: sb. statei. Vyp. 4. M.: Izdatel'stvo Pravoslavnogo

Svyato-Tikhonovskogo Bogoslovskogo Instituta, 2000. S. 92–107.

5. Svyatitel' Nikolai Chudotvorets. Ikony XIII–XX vekov / Nauch. red. L. V. Nersesyan. M.: Gos. Tret'yakovskaya galereya, 2022.
6. Ikony iz chastnykh sobranii. Russkaya ikonopis' XIV – nachala XX veka / Nauch. red. G. V. Popov. M.: TETRU, 2004.
7. Rybakov A. A. Vologodskaya ikona. Tsentry khudozhestvennoi kul'tury zemli Vologodskoi XIII–XVIII vekov. M.: Galart, 1995.
8. Ikony Russkogo Severa: Shedevry drevnerusskoi zhivopisi Arkhangel'skogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv: v 2 t. / Glav. red. L. V. Nersesyan. M.: Severnyi palomnik, 2007. T. 1.
9. Ikony Velikogo Novgoroda XI – nachala XVI vekov. / Glav. red. L. V. Nersesyan. M.: Severnyi palomnik, 2008.
10. Vasil'eva O. A. Ikony Pskova / Glav. red. L. V. Nersesyan. M.: Severnyi palomnik, 2006.
11. Ikony XIII – XVI vekov v sobranii Muzeya imeni Andreya Rubleva / Glav. red. L. V. Nersesyan. M.: Severnyi palomnik, 2007.
12. Ikony Vladimira i Suzdalya / Glav. red. L. V. Nersesyan. M.: Severnyi palomnik, 2006.
13. Vakhrina V. I. Ikony Rostova Velikogo / Glav. red. L. V. Nersesyan. M.: Severnyi palomnik, 2006.
14. Svyataya Rus' / Otv. red. E. N. Petrova, I. D. Solov'eva. SPb.: Palace Edition, 2011.
15. Zhitiya svyatyh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei svyatogo Dimitriya Rostovskogo. Kniga pervaya. Sentyabr'. M.: Kovcheg, 2010.
16. Svyatoi Nikolai Mirlikiiskii v proizvedeniyakh XII–XIX stoletii iz sobraniya Russkogo muzeya / Nauch. red. I. D. Solov'eva. SPb.: Palace Editions, 2006.
17. Ikony Vologdy XIV–XVI vekov / Glav. red. L. V. Nersesyan. M.: Severnyi palomnik, 2007.
18. Bugaevskii A. V., Vinogradov A. Yu. Nikolai // Pravoslavnaya entsiklopediya / Pod. obshch. red. Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. M.: Tserkovno-nauch. tsentr «Pravoslavnaya entsikl.», 2018. T. L. S. 90–104.
19. Uspenskii B. A. Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982.
20. Shedevry russkoi ikonopisi XIV–XVI vekov iz chastnykh sobranii / Nauch. red. I. A. Shalina. M.: Blagotvoritel'nyi fond «Chastnyi muzei Russkoi ikony», 2009.

Chinese autobiographical documentaries: toward an ethics of filming

Bai Duo

Postgraduate student, Department of History of Western European and Russian Culture, St. Petersburg State University

199034, Russia, Leningrad region, Saint Petersburg, Mendelevskaya line, 5

✉ baiduorabota@163.com

Abstract. The article is devoted to autobiographical documentaries on the topic of self-therapy, which have been popular in China in the last three years. Using the example of the films "Small Talk" and "Gather before the Jump", the article analyzes how the characters in films with the help of dialogues build their image as "victims of family relations" and completing the plot of self-healing. The author notes that the directors of such films are often

too immersed in their own traumatic experiences, to the point that they use the camera as a tool to defend their personal position, and not as a path to self-awareness. They overlook the influence of the passage of time on the validity of traumatic memories and do not monitor equality when communicating with their parents. As a result of the directors' cognitive biases, the representation of traumatic experiences in films is not completely objective. Based on the theory of cognitive psychology and the theory of film psychoanalysis, the author of the article concludes that the discussion of the author's subjectivity should be extended to the subjectivity of his cognitive structure, and not to the personalization of artistic expression. The hypothesis of the study is the assumption that, although such documentaries with a subjective perspective can help the director express his inner feelings, in fact, the arguments given in the author in defense of his personal position. This does not create a general picture of the event; for example, during a film screening in a group, the subjective position of the author forms a unanimous negative attitude among the audience towards the issue of childhood trauma. The article discusses performance, subjectivity and ethical issues that take place in such films. The purpose of the article is to identify the features of this "video practice, which is part of the sphere of everyday life", which distinguish it from other non-functional narrative practices. The article reveals the methods of documentary film, which allow to bridge the gap between the representation of the film and the actual reality.

Keywords: intersubjectivity, reflexivity, performance, self-schema, filming behavior, family trauma, director's subjectivity, self-healing, Chinese documentary, autobiography documentary

References (transliterated)

1. Raskaroli L. Lichnaya kamera: sub"ektivnoe kino i fil'm-esse // London i N'yu-Iork: Wallflower press. 2009.
2. Chzhan Pen. Kholokost i krizis istoricheskoi reprezentatsii: k etike napisaniya // Kul'turnye issledovaniya. 2021. № 9. S. 244. 章朋. 纳粹大屠杀与历史的表征危机——走向一种书写伦理学. 文化研究[J], 2021年9月:244.
3. Van Imin, Tszin' Yui. Analiz otnoshenii mezhdru dvumya kontseptsiyami samosti (ego i samost') // Psikhologicheskoi nauki. 2001. № 3. S. 363-364. 王益明, 金瑜. 两种自我(ego和self)的概念关系探析. 心理科学[J], 2001年第三期: 363-364.
4. Larsen R. Dzh., Buss, D. M. Psikhologiya lichnosti: Domeny znanii o prirode cheloveka. // perevod Go Yu. Yu. Pekin: Narodnaya pochta i telekommunikatsionnaya pressa. 2011. 2-e izd. S. 408.
5. Khuan Sitin, Sya Lin'syan. Ob ego v lichnosti // Shen'siiskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie po filosofii i sotsial'nym naukam). 2004. № 3. S. 108. 黄希庭, 夏凌翔. 人格中的自我问题. 陕西师范大学学报(哲学社会科学版) [J], 2004年3月:108.
6. Braun Dzh. D. The Self // perev. s angl. Chen', Kh. K. Pekin: Narodnaya pochta i telekommunikatsionnaya pressa. 2004. S. 97.
7. Tangled Tea. Impul's «materinskogo ubiistva», stoyashchii za «Zavisimost'yu»: ya by khotel, chtoby u kamery bylo chto-to vrode oruzhiya // O-Convex Mirror DOC: [sait]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/J7-AZXZ5OXorfxny56sSjw> (data obrashcheniya: 28.02.2024). 纠结的茶.《瘾》背后的“弑母”冲动:我希望摄像机有种武器的成分存在. 凹凸镜 DOC,2020年7月28日.
8. Lakoff G., Dzhonson, M. Metafory, kotorymi my zhivem // London: University Of Chicago Press. (2003) - Tsit. po: Berger A. A. Narrativy v populyarnoi kul'ture, media i povsednevnoi zhizni. Nankin: Izdatel'stvo Nankinskogo universiteta, 2006, S. 185-186.
9. Khorni K. D. Novye puti v psikhoanalize // Shankhai: Ilin'. 2016. S. 101.

10. LaKapra D. Pisat' istoriyu, pisat' travmu // Baltimor: Johns Hopkins University Press. 2001.
11. Shi Yan'lin. Vosproizvodstvo, pamyat' i vosstanovlenie: Tri aspekta issledovanii teorii travmy v Evrope i Amerike // Lan'chzhouskii universitet (sotsial'nye nauki). 2011(3). Tom 39 (2), S. 132-138. 师彦灵. 再现、记忆、复原——欧美创伤理论研究的三个方面. 兰州大学学报(社会科学版)[J], 第39卷第2期,2011年3月: 132-138.
12. Lifton R. Dzh. Proteinovaya samost': Ustoichivost' cheloveka v vek fragmentatsii // N'yu-Iork: Beisik, 1993. S. 137.

Narrative identity: between ontologies and epistemologies (experience of the 20th century)

Babich Vladimir Vladimirovich

PhD in Philosophy

Associate Professor of the Department of History and Philosophy of Science, Tomsk State Pedagogical University

634061, Russia, Tomsk region, Tomsk, Kievskaya str., 60

✉ v.v.babich@gmail.com

Abstract. The epistemological and ontological aspect of "interpretation" in the structure of narrative identity is considered. A model for representing the structure of narrative identity in the form of a hermeneutic spiral is proposed. The problem of the significance of the narrative for human existence is analyzed from the point of view of two opposite positions. The first, arguing that the narrative is a "cognitive tool" through which a meaningful order is retrospectively constructed that falsifies the true nature of the subject's experience of existence. The analysis of this point of view is based on the tradition of narrative criticism formed by such philosophers as Arthur Danto, Louis Mink, Hayden White and Peter Strawson, who conceptualize the narrative as a "cognitive tool". The opposite position is a philosophical view of the narrative as an ontological category that characterizes a special way of being a person. The analysis of narrative as a constitutive element of human existence draws on the tradition of the hermeneutic method, the work of Paul Ricœur and Charles Taylor. It is argued that the experience of human existence cannot be reduced solely to narrative, but this does not contradict the fact that narrative interpretations of experience play a constitutive role in human existence. The conclusion is formed that an important element for understanding the ontological meaning of the narrative is the fact that narrative interpretations have a real impact on our existence in the world: they allow us to construct our self, take part in the creation of the intersubjective world and influence how we interact with others. From an empirical point of view, this means that interpretations have real, material, world-forming consequences. Scholars who deny the capacity of narratives to constitute human existence, view the meaning and role of (self-)interpretation from an anti-realist point of view, and adhere to the ontological assumption that there is an experience of understanding reality that does not depend on the human ability to give meanings.

Keywords: existentialism, hermeneutics, realism, anti-realism, experience, narrative, interpretation, hermeneutic spiral, narrative identity, self

References (transliterated)

1. Babich V.V. Homo loquens: tsennosti v strukture narrativnoi identichnosti // Filosofskaya mysl'. – 2023. – № 6. – S. 55–67. DOI: 10.25136/2409-

8728.2023.6.40863

2. Barbashina E. V. Osobennosti sovremennoogo narrativnogo podkhoda // Posle postpozitivizma : materialy Tret'ego Mezhdunarodnogo kongressa Russkogo obshchestva istorii i filosofii nauki, Saratov, 08-10 sentyabrya 2022 goda. – Moskva: Mezhregional'naya obshchestvennaya organizatsiya «Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki», 2022. – S. 150–152.
3. Bart R. Mif segodnya // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. — M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Univers», 1994. – S. 72–130.
4. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika: Per. s fr. / Sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. – M.: Progress, 1989. – 616 s.
5. Gadamer Kh.G. Istina i metod: Osnovy filos. germenevtiki: per. s nem. / Obshch. red. i vstup. st. B. N. Bessonova. – M.: Progress, 1988. – 704 s.
6. Gusserl' E. Sobranie sochinenii. Tom I. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni. M.: Gnozis, 1994. – 192 s.
7. Danto A. Analiticheskaya filosofiya istorii. M.: Ideya-Press, 2002. – 292 c.
8. Delez Zh. Logika smysla. M.: Akademicheskii Proekt, 2011. – 472 s.
9. Kamyu A. Mif o Sizife. M.: Astrel', AST, Neoclassic, 2011. – 244 s.
10. Kamyu A. Postoronnii. Mif o Sizife. Kaligula. M.: AST, 2014. – 381 s.
11. Kosilova E. V. Kontseptualizatsii absurda v filosofii : ot logiki k «Logike smysla» // Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. – 2022. – T. 6, № 3. – S. 208–221.
12. Mikhailova G. P. Chitaya «Gamleta», ili obretenie samosti / G.P. Mikhailova // Voprosy russkoi literatury. – 2016. – № 4 (38–95). – S. 14–31.
13. Narrativ. Noveishii filosofskii slovar' [elektronnyi resurs]. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/slo/var/phi/los/ophy/64.htm> (data obrashcheniya 14.08.23).
14. Riker P. Vremya i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskii rasskaz. M., SPb.: Universitetskaya kniga, 1998. – 313 s.
15. Sartr Zh.P. Toshnota: Roman; Stena: Novelly. Khar'kov: Folio; M.: ACT, 2000. – 399 s.
16. Sidorova M. A. Rol' ponyatii teorii deistviya Kh. Arendt v kontseptsii «Cheloveka mogushchego» P. Rikera // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiologiya. – 2016. – № 3 (27). – S. 47–54.
17. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie // Interpretatsiya i ob"ektivnost' ponimaniya / per. s nem. D. V. Sklyadneva. SPb.: Nauka, 2001. 380 s.
18. Shmid V. Narratologiya. M: Litres, 2022. 608 s.
19. Bruner J. Life as narrative // Social research. – 1987. – P. 11–32.
20. Cavarero A. Relating narratives: Storytelling and selfhood. – Routledge, 2014. – 184 p.
21. Davis C., After Poststructuralism: Reading, Stories and Theory, London: Routledge, 2004. – 224 p.
22. Flakne A. Julia Kristeva, "Hannah Arendt: Life is Narrative" // Philosophy in Review. – 2001. – Vol. 21. – № 5. – P. 344–346.
23. Giddens A. New Rules of Sociological Method. A Positive Critique of Interpretative Sociologies. Oxford: Blackwell Publishers, 1994. – 196 p.
24. Eiranen R. et al. Narrative and experience: interdisciplinary methodologies between history and narratology // Scandinavian Journal of History. – 2022. – Vol. 47. – № 1. – P. 1–15.
25. Mink L. O. Historical Understanding. – Ithaca (New York): Cornell University Press,

1987. – 285 p.

26. Mink L. O. The Autonomy of Historical Understanding // Philosophical Analysis and History. – N.Y., 1966. – P. 33–45.

27. Racine O., Racine S. BARTHES, ROLAND 1953 Writing Degree Zero. Trans. Annette Lavers and Colin Smith. Pref. by S. Sontag. New York, Hill & Wang, 1968. Le degré zero de l'écriture. Paris, Seuil, 1953 // Philosophy and Non-Philosophy Since Merleau-Ponty. – 1997. – 344 p.

28. Ricoeur P. Du texte à l'action / P. Ricoeur—Essais d'hermeneutique, t. 2. – Paris: Ed. du Seuil, 1986. – 409 p.

29. Ricoeur P., Kemp P., Marchetti F. L'histoire comme récit et comme pratique: entretien avec Paul Ricoeur // Esprit (1940–). – 1981. – № 54. – P. 155–165.

30. Strawson G. Against narrativity // Ratio. – 2004. – Vol. 17. – № 4. – P. 428–452.

31. Taylor C. The Ethics of Authenticity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 142 p.

32. Taylor G. H. Ricoeur's Philosophy of Imagination // Journal of French Philosophy. – 2006. – Vol. 16. – 93–104 p.

33. White H. Historical discourse and literary writing // Tropes for the Past. – Brill, 2006. – P. 25–34.

34. White H. The value of narrativity in the representation of reality // Critical inquiry. – 1980. – Vol. 7. – № 1. – P. 5–27.

Christian discourse of the English series «Robin of Sherwood» (1984–1986) and its reflection in the modern literary internet space of Russia (Article two)

Shirokova Marina Alekseevna

Doctor of Philosophy

Professor of the Department of Philosophy and Political Science of Altai State University

656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 308

 marina_shirokova_2014@mail.ru

Abstract. The author continues the research begun in the previous article («Philosophy and Culture», 2023, No. 11). The subject of the study is the Christian discourse of the English TV series «Robin of Sherwood» (1984–1986). The texts under study are the narrative of the series «Robin of Sherwood», as well as a complex of documents, articles and video materials dedicated to the film. Works of fiction based on the series in the Russian-language literary Internet space are also analyzed, mainly the fan story «Alone in Wykeham or the Gratitude of a Former Templar», which is considered as the most Christian reading of the film. The philosophical-hermeneutical approach is used as the methodological basis of scientific work. The method of hermeneutic interpretation of an artistic text is also used, aimed at identifying the meaning of a particular work of art through the prism of a certain value system. Hermeneutic interpretation includes historical-cultural, contextual and lexical-syntactic analysis. It is concluded that the Christian component of the film text is strengthened in the story, since the spiritual evolution of the characters is shown, leading them to Christian morality and even directly to the Christian faith. As for the discourse of the series, the image of Robin Hood in it embodies the ideal of the «good king», historically formed in the popular consciousness. Unlike other artistic interpretations of the legend of Robin Hood, King Richard the Lionheart in the film loses the features of a Christian sovereign, the personification of the

highest truth and legitimate power, and these characteristics are transferred to Robin Hood. In addition, the actions and statements of the main character position him as an example of Christian chivalry, which is also reflected in the texts created by the Russian-speaking audience of the series.

Keywords: interpretation, text, robin hood, aesthetics, ethics, hermeneutics, philosophy of culture, Christian discourse, Christian culture, literary Internet space

References (transliterated)

1. Allora. Nachat' snachala. URL: https://snapetales.com/all.php?fic_id=7489 (data obrashcheniya: 15.07.2024)
2. Sherwood Forest 1. URL: <https://sherwood.clanbb.ru/?ysclid=lyj6hqince156696850> (data obrashcheniya: 15.07.2024)
3. Sherwood Forest 2. Personazhi ROS. Mach (Much). URL: <https://sherwood.clanbb.ru/viewtopic.php?id=107&p=2#p96709> (data obrashcheniya: 15.07.2024)
4. Sherwood Forest 3. Nashe tvorchestvo na temy ROS. Odin v Uikeme, ili blagodarnost' byvshego tampliera. URL: <https://sherwood.clanbb.ru/viewtopic.php?id=434> (data obrashcheniya: 15.07.2024)
5. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1986. 445 s.
6. Gadamer Kh.-G. Istina i metod. M.: Progress, 1988. 704 s.
7. Gadamer Kh.-G. Aktual'nost' prekrasnogo. M.: Iskusstvo, 1991. 367 s.
8. Gusman D.S. Tainyi ideal tamplierov. 2017. URL: https://royallib.com/read/gusman_deliya_steynberg/tayniy_ideal_tamplierov.html?ysclid=lr2e0a4j8f586878389#0 (data obrashcheniya: 15.07.2024)
9. Gyugo V. Sobor Parizhskoi Bogomateri. M.: Pravda, 1988. URL: <http://lib.ru/INOOLD/GUGO/sobor.txt> (data obrashcheniya: 15.07.2024)
10. Dil'tei V. Sobranie sochinений в 6 томах. Т. 4. Germenevtika i teoriya literatury. M.: Dom intellektual'noi knigi, 2001. 538 s.
11. Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i: v 3 t. Т. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallinn: Aleksandra, 1992. 479 s.
12. Mokienko V.M. Bibleizmy v sovremennoi russkoi rechi. Kak ikh pravil'no ponimat' i upotrebyat'. M.: Tsentrpoligraf, 2017. 237 s.
13. Nepomnyashchii V.S. Pushkin. Izbrannye raboty 1960-kh – 1990-kh gg.: v 2 t. Т. 2. Pushkin. Russkaya kartina mira. M: Zhizn' i mysl', 2001. 496 s.
14. Prikazchikova E.E. Grotesk kak predchuvstvie: retsepsiya kul'tovogo angliiskogo seriala «Robin of Sherwood» (1984–1986) v rossiiskom literaturnom internet-prostranstve XXI veka na primere obraza sera Gaya Gizborna // Ural'skii filologicheskii vestnik. 2020. №1. S. 130–150.
15. Prikazchikova E.E. Mifologicheskii diskurs angliiskogo seriala «Robin iz Shervuda» (1984–1986) // Sibirskaa filologicheskii forum. 2022. S. 90–108.
16. Robin iz Shervuda. 1, 2 i 3 sezony. URL: <https://lordserials.net/zarubezhnye/390-robin-iz-shervuda-1984.html> (data obrashcheniya: 15.07.2024).
17. Rollan R. Zhizn' Ramakrishny. Zhizn' Vivekanandy. Vselenskoe Evangelie Vivekanandy. M.: RIPOL klassik, 2002. URL: <https://roerich-lib.ru/romen-rollan/zhizn-ramakrishny/5716-x-lyubimyj-uchenik-narendra> (data obrashcheniya: 15.07.2024)
18. Chernykh A.P. Orden Podvyazki // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2023. URL:

<https://bigenc.ru/c/orden-podviazki-3a3302?ysclid=lybqffq35w448279657>

19. Shirokova M.A. Khristianskii diskurs angliiskogo seriala «Robin iz Shervuda» (1984-1986) i ego otzashenie v sovremenном literaturnom internet-prostranstve Rossii // Filosofiya i kul'tura. 2023. № 11. S. 107-116. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.11.68910 EDN: XIYFUM URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_68910.html
20. Bernstein A. Legends of the Hooded Man. URL: <http://www.fandomworld.net/ros/starlog2.html> (data obrashcheniya: 15.07.2024)
21. Exploring the legend. An interview with Richard Carpenter, including color and b/w photos from the early days of the show (featuring Michael Praed as Robin Hood). «StarBurst», № 83. July 1985. URL: <https://www.robinofsherwood.org/articles/starburst83.pdf>. (data obrashcheniya: 15.07.2024)
22. Jones A. Michael Praed comes before a fall from grace. September 24 2008. URL: <https://sherwood.clanbb.ru/viewtopic.php?id=860&p=6#p31084> (data obrashcheniya: 15.07.2024)
23. Reedman J.P. Nothing's Forgotten. Nothing is ever forgotten. 35 years in the forest. 29 April 2019. URL: https://maryanneyarde.blogspot.com/2019/04/nothings-forgotten-nothing-is-ever_29.html (data obrashcheniya: 15.07.2024)
24. Richard Carpenter. Interview conducted and transcribed by Allen W. Wright. URL: <https://www.boldoutlaw.com/robint/richcarp.html> (data obrashcheniya: 15.07.2024)
25. Robert Young Remembers. THE GREATEST ENEMY. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XfKUQ7rPW1A> (data obrashcheniya: 15.07.2024).
26. Rogers C.J. The symbolic meaning of Edward III's Garter badge // Baker G.P., Lambert C.L., Simpkin D. (eds.) Military Communities in Late Medieval England: essays in honour of Andrew Ayton. Woodbridge: Boydell, 2018, rr. 125-145.
27. Thomas L.C. Robin of Sherwood: TV's Best Interpretation of the Robin Hood Legend. «Feature», 20 August. 2017. URL: <https://www.denofgeek.com/tv/robin-of-sherwood-tvs-best-interpretation-of-the-robin-hood-legend/> (data obrashcheniya: 15.07.2024)
28. William Shakespeare. The tragedy of Romeo and Juliet. URL: http://www.romeo-juliet-club.ru/shakespeare/romeojuliet_english.html (data obrashcheniya: 15.07.2024)

Baritone art of the early 19th century: roles and performance traditions

Zhang Yixiang

Postgraduate student, Department of Vocal Art, Kazan State Conservatory named after N. G. Zhiganov

420000, Russia, Kazan, Pushkin str., 24, office of Kazan

 572901203@qq.com

Reshetnikova Svetlana Vladimirovna

PhD in Art History

PhD in Art History Senior Lecturer, Department of Vocal Art, Kazan State Conservatory named after N.G. Zhiganova

420004, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Okolnaya str., 1

 lana-budilova@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the opera art of the early 19th century. The object of the study is the work of the first operatic baritones of that period. The period of the era of

early romanticism is covered in the works of Russian and foreign musicologists O.V. Zhestkova, L.A. Sadykova, A.V. Denisova, I.P. Drach, A.E. Hoffmann, E.R. Simonova, S.V. Reshetnikova, A. Jacobshagen, D. Marek, J. Potter, J. Stark, S. Caruselli, J. Riggs, J. Rosselli and many others. However, the above-mentioned works are mainly devoted to the study of operatic performance by tenors and sopranos. The issues of the formation of performing traditions and the roles of baritones of the early 19th century were not considered in them. Thus, the period of origin of this voice type has remained poorly studied, which indicates the novelty of this research. The relevance of the study is due to the interest of modern performers in the repertoire of the first baritones, including Antonio Tamburini, Luigi Zamboni and others. And also the lack of knowledge of the evolutionary processes that occurred in baritone art at the beginning of the 19th century. In this work, historical and theoretical research methods predominate. The conclusions of this study are as follows: the work of the first baritones of the early 19th century is characterized, the main aspects of their performing creativity are identified and the roles in which they performed are indicated.

Keywords: Antonio Tamburini, baritenore, basso cantante, falsetto, Vincenzo Bellini, Gioachino Rossini, Luigi Zamboni, vocal part, baritone, role

References (transliterated)

1. Dmitriev, L. B. Osnovy vokal'noi metodiki. M.: Muzyka, 1968. – 674 s.
2. Kandaurov, D. Yu. Traktovka amplua baritona v opere "Khudozhnik Matis" P. Khindemita / V sbornike studencheskie nauchnye issledovaniya. Materialy statei XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / D. Yu. Kandaurov.-Penza, 2022. – S. 153-156.
3. Literurnaya gazeta.-Sankt-Peterburg, 1844.
4. L'vov, M. L. Iz istorii vokal'nogo isusstva. – M.: Muzyka, 1964. – 228 s.
5. Reshetnikova, S.V. Artisticheskaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' Manuelya Garsii-starshego v kontekste razvitiya tenorovogo ispolnitel'stva kontsa XVIII-pervoi treti XIX : dissertatsiya kandidata iskusstvovedeniya : 17.00.02. – Kazan', 2020. – 234 s.
6. Reshetnikova, S.V. A byla li oshibka Manuelya Garsia? Popytka razveyat' mif o glavnom sekrete shkoly Garsia // Philarmonica. International Music Journal. 2017. № 4. – S. 27-31.
7. Sin'khan', Ts. Zarozhdenie i razvitiye baritona v opere XIX veka // V sbornike : Aktual'nye problemy muzykal'no-ispolnitel'skogo iskusstva: Istoryya i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sostaviteli: Yu. S. Karpov, V. I. Yakovlev / Ts. Sin'khan'. Kazan', 2020. – S. 267-272.
8. Stakhevich, A. G. Vokal'noe iskusstvo Zapadnoi Evropy : tvorchestvo, ispolnitel'stvo, pedagogika / A. G. Stakhevich.-Saarbrusken : Lambert acad. publ., 2012. – 408 c.
9. Tszyan'khui, Kh. Tembr-amplua bas-baritona v opernom tvorchestve XVII-XIX stoletii : dissertatsiya kandidata iskusstvovedeniya ; 17.00.02. – Odessa, 2016. – 226 s.
10. Chzhan, I. Spetsifika operno-vokal'nogo ispolnitel'stva Antonio Tamburini // Philarmonica. International Music Journal. 2023. – № 3. – S. 48-53.
11. Chzhan'chen, T. Spetsifika traktovki basa v opere XVII-XIX vekov : mezhdunarodna amplua i kharakterom : dissertatsiya kandidata iskusstvovedeniya : 17.00.03. – Khar'kov, 2017. – 216 s.
12. Yui, S. Mattio Battistini-vydayushchiisya bariton XIX veka // Bulletin of the international centre of art and education. – Moskva, 2021. S. 195-203.
13. Landini, G. Tamburini, Antonio / Dizionario biografico degli italiani-volume 94, 2019.

[Elektronnyi resurs] // URL: <https://www-treccani-it>

14. Reshetnikova, S. V. Manuel Garcias alleged mistake. An attempt to destroy the myth of the corporate secret of Garcias Scool // *Philharmonica. International Music Journal.* 2018. № 1. S. 52-55.

15. Jander, O., Steane, G. B., Forbes, E., Harris, E. T., Waldman, G. Baritone // *The New Grove Dictionary of Music and Musicians.* 2 nd. ed / Ed. Stanley Sadie, John Tyrrell. Oxford, 2001. [Elektronnyi resurs] // URL : <https://www.oxfordmusiconline.com/page/history-of-grove-music>